

ГРАНИ

GRANI

148

1988

Verlagsort: Frankfurt/M., April-Juni

Дорогие читатели!

Стремясь облегчить проникновение нашего журнала в Россию, а также ознакомить вас с лучшими напечатанными в нем произведениями, редакция журнала „Границы“ выпускает карманные сборники избранного из „Граней“.

Эти сборники, размером 9,5 на 14,5 см, отпечатаны на тонкой бумаге и содержат в среднем 512 страниц. Они легко помещаются в кармане или женской сумочке. Каждому путешественнику — советскому ли за рубежом, иностранному ли в России — не трудно взять их с собой.

Мы обращаемся к читателям в России:

- передавайте свой экземпляр дальше, увеличивая тем число читателей;*
- просите друзей, едущих за границу, привезти вам наши сборники;*
- просите своих иностранных знакомых привозить вам их, вместо подарка!*

Мы обращаемся к читателям за рубежом:

- используйте каждую возможность (встречу с соотечественниками, свои или друзей поездки в нашу страну и т. п.), чтобы передать в Россию наши сборники!*

Эти сборники предназначены для России! Каждый, желающий их иметь ДЛЯ РОССИИ, — может получить нужное количество экземпляров, обратившись по адресу:

*A. Kandaurov c/o „Possev-Verlag“
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80*

Уже выпущены следующие сборники „Граней“:

Сборник № 1 из №№	87/88-94	(разошелся)
Сборник № 2 из №№	78-86	(разошелся)
Сборник № 3 из №№	71-77	(разошелся)
Сборник № 4 из №№	69-70	(разошелся)
Сборник № 5 из №№	53-68	
Сборник № 6 из №№	49-52	
Сборник № 7 из №№	40-51	
Сборник № 8 из №№	34/35-39	

Журнал основан в 1946 году
Основатель журнала Е. Р. Романов

Редактировали:

1946 Е. Р. Романов, С. С. Максимов, Б. В. Серафимов
1947 – 1952 Е. Р. Романов
1952 – 1955 Л. Д. Ржевский
1955 – 1961 Е. Р. Романов
1962 – 1982 Н. Б. Тарасова
1982 – 1983 Р. Н. Редлих, Н. Рутыч
1984 – 1986 Г. Н. Владимов

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XLII

№ 148

1988

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ирина МУРАВЬЕВА. На Кропоткинской. Рассказ	5
Григорий МАРК. Последний мыс. Стихи	19
Е. ЦВЕТКОВ. Счастливый Цезарь. Научно-сказочное сочинение	25
Юрий КАШКАРОВ. Стихи	60

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Юлия ПЕРВОВА. Алые паруса в сером тумане. ч. 2	65
--	----

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Виктор БЕСКРОВНЫХ. Еще о Чернобыле	129
------------------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ЮГОВ. На экономическом ринге	156
--	-----

ИСТОРИЯ

Письмо участника рейда Мамонтова. Публ. Н. Рутыча	207
Н. РУТЫЧ. Заметки к истории мамонтовского рейда	224

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. КУЛЬТУРА

Прот. К. ФОТИЕВ. О новом церковном сознании	242
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

И. М. За душу хватающая книга (А. Приставкин "Ночевала тучка золотая")	261
М. Хейфец. О западном стиле в науке (И. Земцов, Дж. Феррар "Горбачев. Человек и система")	269

ПУБЛИКАЦИИ

Проблемы независимой печати. Стенограмма встречи-диалога редакторов	276
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	313

Обложка работы художника Н. Мишаткина

© 1988 by Possev-Verlag
V. Gorachek KG, Frankfurt am Main
Издательство «П о с е в»

На Кропоткинской

Рассказ

В соседнем с рестораном "Прага" подъезде было кафе. Старинная дверь впускала зимний пар, и вошедшего, замерзшего и заснеженного, обдавало теплым запахом кофе и мокрой шерсти. На одноногих мраморных столиках подсыхали липкие коричневые подтёки, короткие сардельки, вынимаемые щипцами из булькающей воды, трескались вдоль и обнаруживали свою серую шершавую мякоть. Вдоль стены – специально для детей – стояло несколько низких столов со стульями. Румяные с холода дети усаживались за эти столы, торопливые бабушки развязывали тесёмки их уродливых меховых шапок, и вскоре на столе появлялась булочка, белая от сахарной пудры, тоже какая-то зимняя, похожая на маленькую снежную бабу с запечённым внутри яблоком. Такие булочки пекли только здесь. Они были большими, и часто после ухода наевшейся мокрой шубки на тарелке с синим ядовитым ободком оставался кусок рыхлого теста с прилипшей яблочной косточкой.

Тогда появлялись они. Арбатские старухи. Осколки с осколков, санный след от полозьев

былой Москвы, нафталинный запах ее выпотрошенных сундуков, оторвавшиеся пуговицы ее пожелтевших батистовых сорочек... Они косили слезящимися глазами на сердитых уборщиц с громыхающими тележками и бочком подсаживались к детскому столу.

Из мокрых облезлых муфт высовывались их сухие перекрученные пальчики, торопливо ухватывали пушистый желтый огрызок, подносили его к губам... Ах, Боже мой, Боже мой, сколько же Вам лет, Наталья Николаевна, Вера Федоровна? Восемьдесят четыре? Восемьдесят два? И вы всё это помните, да? И кареты, и конки, и шаляпинский бас, и елисеевские ананасы, и блоковскую метель, и высокие ботинки на пуговицах? А висят ли еще в ваших душных захламленных арбатских комнатах выцветшие портреты в узких рамочках? Справа от любой тарелки с изображением Наполеона - обнявшиеся кузины Надя и Тата, с осиными талиями, с косыми воланами на платьях, а слева мама, в тургеневской наколке, на крыльце своего тамбовского, своего орловского дома? А в середине брат в юнкерской шинели на одном плече, черноглазый и длиннобровый?

Сколько же Вам лет, Наталья Николаевна? Не надо, не отвечайте, доедайте вашу булочку, белую от сахарной пудры, с вмятиной от переднего детского зубика, молчите, не отвечайте мне...

Она позвонила по объявлению. Да, у них большая квартира, три комнаты, нет, даже больше, еще маленькая для прислуги (какой прислуги? Ах, да, ну, раньше у людей бывала прислуга!), и очень высокие потолки, в каждой комнате - по два окна, она хотела бы разъ-

ехаться с невесткой, и наш вариант – Плющиха и Проспект Вернадского – им очень подходит... В ее голосе робко круглились обороты, слышанные мною в глубоком детстве. Из заснеженных, слабо освещенных железными фонарями, переулков, пахнущих апельсинами и свежими дровами, из переулков – Мерзляковского, Староконюшенного, Скатертного – выплывали, как новогодние гирлянды, ее хрупкие "окажите мне любезность", "вы нас очень обяжете", "будьте так добры". Они вплывали в мой удивленный слух, и от удивления я реагировала суще, чем хотелось.

На первом этаже каменного узкооконного дома на Кропоткинской был ресторан и потому на сморщеных сугробах его внутреннего двора беспорядочно валялись пустые бутылки, фанерные ящики с остатками стружки, стеклянные банки и раздавленные спичечные коробки. Лифта не было, и я почему-то очень устала, пока дошла до пятого этажа по темной, пахнущей кошками и валерианкой лестнице. Обитая kleenкой дверь раскрылась прежде, чем я отпустила кнопку звонка. Женщина, с которой мы договаривались о встрече, явно прислушивалась, стоя в коридоре, ждала меня. Она была такой же, как звук ее робкого голоса по телефону. Седоволосой и трогательной. Дрожь ее старческих плечиков и бескровных рук хотелось накрыть ладонями, потушить, успокоить.

– Первая вот спальня, она немножко темновата, но это мы сами виноваты, потому что если шторы немного посветлей, было бы замечательно светло, но муж не любит яркого света, и мы с ним эту комнату так и зовем: пещера. Темно, знаете, как в пещере...

Она заглядывала в мое лицо, и ее тонкие слабые пальцы с ромбиками-ногтями суевливо оправляли складки залоснившегося покрывала, перебирали оборки на переднике, взлетали в направлении моей руки, но не дотрагивались и испуганно возвращались.

— А следующая по коридору — столовая, там сейчас внук с мужем. К нам внук приехал из Ленинграда. Он в военном училище, в Нахимовском. Сын умер, и жена его вернулась к родителям своим в Ленинград. И там через полгода вышла замуж, а мальчика отдала в училище. У нее новый муж военный, кажется, я, право, точно не знаю. И я не спорю, не спорю, потому что она — мать, но так жалко, бесконечно жалко, и сын бы мой этого никогда не одобрил. Ах, нам с мужем не повезло, не повезло: и внук не наш, и внучка не наша. Совсем, совсем. Как сыновья умерли, так...

И тут я не выдержала:

— Как умерли? Сколько же их было? Прости-те...

Она подняла вымытые слезами глаза:

— Двое. Двое только. И от рака — один за другим.

Мы вошли в столовую. Прохладную, действительно огромную, в центре которой сиротливо темнел под kleenкой маленький круглый стол, а противоположная окну стена пестрела фотографиями. И был рояль с потускневшим лаком откинутой крышки, с желтоватой прохладой настрадавшихся, ослабевших клавиш... За роялем сидел очень старый, неестественно худой человек, старательно — седой волосок к седому волоску — причесанный, с кожаными заплатками на тапочках и в галстуке-бабочке. Он

привстал при нашем появлении и смущился. А у окна, пронизанный сухим декабрьским светом, неподвижно стоял мальчик лет четырнадцати, в нарядной форме Нахимовского училища, с бледным фарфоровым лицом, которое казалось хрупким, бьющимся, как старинная посуда.

— Муж мой, Петр Иванович, а это Сережа, наш внук из Ленинграда...

Мальчик и старик одновременно наклонили — седую, прилизанную, и черноволосую, выстриженную несчастным солдатским ежиком — головы. А на стене матово бледнели те же хрупкие бьющиеся лица со стертymi временем чертами, те же аккуратные проборы, и пелерины, и галстуки-бабочки, рассыпаясь вокруг одной центральной, словно бы совсем новой, большой фотографии: два юноши, лет двадцати и восемнадцати, тонколицые и удивленные, обняв друг друга за плечи, сидели на крыльце какого-то деревенского летнего дома, перехватывая мой взгляд живыми растерянными глазами.

И она его перехватила:

— Это наши мальчики, Леня и Костя, летом в деревне. Мы эту фотографию увеличили, она нам с Петей больше всех нравится. И потом: так хорошо, они здесь вдвоем, вместе. Нас двое и их вдое. И все мы рядом, Вы понимаете?

На столе стояла кастрюлька с синей, месстами отбитой эмалью. И старик у рояля, смутившийся, покрасневший, вдруг сказал, видимо желая заполнить наступившую неловкую паузу:

— А Вы, может быть, позавтракаете с нами? Аня, вот ты котлеты только что пожарила, домашние котлеты, что ж ты не предлагаешь? Чай попьем, посидим, если Вы не торопитесь...

— Да, — засуетилась она, и руки ее опять взметнулись по направлению моего плеча, но тут же вернулись на свой передник, погасли, — да, если Вы не торопитесь...

Неподвижный мальчик вздрогнул, как будто его неожиданно разбудили, и залился темной, пунцовой краской.

— Спасибо, я только что завтракала, спасибо...

И мы опять вышли в темный узкий коридор, и за нами захлопнулась дверь, отторгнув меня от гибнущего уюта пожелтевших клавиш, тусклых портретов на стене и фарфорового подростка в нахимовской форме, высвободив из пронзительной печали короткого разговора, неловкого приглашения, большой обновленной фотографии, на которой обнявшиеся двое перехватывали мой взгляд живыми растерянными глазами...

— А вот это последняя комната, там живет моя невестка, лёнина жена, вдова то есть, я все время оговариваюсь, не могу привыкнуть, со своей дочкой, тоже Аней, Лёня в честь меня назвал... С ней-то, собственно, с невесткой, я, если помните, обмолвилась тогда по телефону, нам бы и хотелось разъехаться. Она дома сейчас, я постучу...

Поскреблась ногтем-ромбиком:

— К вам можно, Ольга?

— Заходите, — ответил хрипловатый, развязный женский голос.

На низкой тахте с наброшенным клетчатым пледом сидели и играли в карты женщина и девочка. Женщина, лет сорока трех, сильно накрашенная, с зажатой в углу крупного яркого рта полупотухшой сигаретой, с красными

пятнами на шее, была одним спрессованным комком перекрученных нервов. В девочке, босой, одетой в тренировочный костюмчик, было что-то одновременно от пугливой лесной лисички и подрастающей маркизы рыцарского средневековья.

– Заходите, заходите, – повторила женщина и торопливо поднялась, ссыпав карты с колен, – мы тут от скуки балуемся дурачком, а вы смотрите, пожалуйста. Мы с Аней обой недавно переклеили, верно, дочка? Дело нехитрое, зато, глядите, как чисто стало, уж и съезжать, вроде, жалко, верно, дочка?

Под ее хрипловатой развязностью жил страх, а в полупотущенной, забытой во рту сигарете, перламутровых веках, черной кофте с золотыми пуговицами и низким вырезом, пульсировало отчаянное женское одиночество, привычное, многолетнее, осточертившее. Оно не вязалось с ее натурой, очевидно, раскованной и жадной к жизни, оно изъело ее горячее тело морщинами, извело ее веселость и продолжало медленно и неуклонно пожирать ее всю: с ломкими от краски рыжеватыми волосами, круглыми коленями, бесшабашными глазами... И видно было, что она сопротивляется, как может: любовью к дочке, кирпичными румянами на стареющих щеках, ненужной удалью поведения, а, может быть, и быстрыми, краткими, похожими на последние сигаретные затяжки связями, оставляющими след, подобный сигаретному дыму, горькому и быстро тающему.

– Вы знаете, на Плющихе деревянный дом, и в квартире никто не живет, не знаю, понравится ли Вам, – сказала я просто потому, что надо было что-то сказать.

— А мне все равно, — и глаза ее злобно сверкнули, — а мне, — вот как на духу говорю, — все равно, лишь бы отсюда вырваться, верно, дочка?

— Да, Ольга, — сказала ее свекровь, и плечики под вязаной кофточкой запрыгали сильнее, — Вам-то и должно быть все равно, где ни жить, где ни отравлять ребенка этим дымом...

— Мой ребенок! Ребенок-то это — мой! Что скажете? Захочу — с кашей съем! Вас не спрошуся! Воздуху ей мало!

И, подскочив к окну, рванула огромную, звонкую форточку:

— Дышите! Радуйтесь!

— Мама, — сказала девочка с лицом лисички-маркизы, — мама...

— Тебя жалко, — и хриплый голос истерически звякнул, угасая, — а то бы еще чего сказала, как в этом музее мумий дышится, в гробнице этой тутанхамоновой, чертовой...

— Хватит, Ольга, — прыгающие плечики готовы были прорвать кофту, — Вы меня очень обяжете, если прервете этот клубный спектакль...

— Да чего... — она сломала спичку, закуривая, — да кому это все интересно, спектакль-то наш с Вами, Анна Петровна? А на Плющиху я согласна не глядя. Эка невидаль — дом деревянный! Я в деревне росла, там каменных не было, верно, дочка?

Мы стояли на кухне, и она плакала.

— Вы меня простите, ради Бога. Я вижу, Вы милый интеллигентный человек, перед Вами можно расслабиться. Видели? Это лёнина жена, моего младшего, Лёнички... Девять лет, как его нет. Девять лет этой пытки. Они их погубили. Нет, Вы не думайте, что это во мне мать бе-

зумная говорит. Мальчики мои бесценные были, два сокровища... И достались... Этим... Этим тварям, потаскухам, этим бабам деревенским, которых бы я к себе полы мыть не наняла! Господи! Я Вам расскажу. Это в двух словах, это времени не отнимет. Лёничка с ней в парке познакомился, просто в парке. Она в техникум приехала поступать, провалилась, сидела на лавочке и размышляла, то ли ей на ферму возвращаться, то ли в домработницы идти. А Лёня – он тогда уже университет заканчивал – возьми и сядь рядом. Он мне потом все рассказал. Они мне всегда всё рассказывали. Вы их глаза заметили? С такими глазами можно на этом свете жить? Ах, Боже мой, Боже мой! Я всё не о том! Но они мне всегда всё рассказывали, умирая даже... Костя в больнице, а Лёня дома... Я к ним на кровать подсаживалась, как в детстве, когда они у меня ангиной болели, за руку держу и разговариваю... Нет, я не могу, не могу! Да как же это пережить? Что мне повторяют: время всё лечит? Что оно лечит, в нашем-то случае? Но я кончу сейчас, про Ольгу. Она его присушила, понимаете? Сел рядом и присох. А вечером привел домой. Я ее яблочным вареньем угощаю, а она заливается: "Вы мне варенье не ложьте, мы яблоки так кушаем!" Я, помню, с Петей переглянулась, а Лёня с нее глаз не сводит, сияет. И через неделю входит к нам ни свет, ни заря, счастливый, смеющийся: "Старики, я женюсь!" И женился. Из деревни на свадьбу родня приехала, все до одного в новых калошах. Блестящих таких, скрипучих, знаете? Мы с Петей поначалу только смеялись. Но я все не о том... Может быть, он с ней и впрямь счастлив был, я не знаю, не

знаю, ничего я сейчас не знаю! Может быть, она ему и не изменяла даже, кто же за это поручится? Но в последний год, когда он уже так себя чувствовал, мы, конечно, ничего такого не подозревали, да и он молчал, но выглядел ужасно, ужасно, а ей хотелось и в кино, и в гости, к подружкам своим, балаболкам, и он превозмогал себя, сопровождал ее повсюду – может быть, это ревность в нем бушевала? И худел, худел, худел... Она ведь – ветер, шаровая молния, как Петя говорил, платок на плечи и пошла. Ей бы тракториста какого-нибудь или партработника с большим окладом! Но не Лёню, не Лёню! Господи! Я греха на душу не возьму: он ее любил, он в последнюю неделю (он ведь дома умер, я сказала) говорить уже не мог, началось с гортани, и дальше – в трахею, в легкие, знаете? – так вот, говорить не мог, а глазами за ней следил, так и водил по комнате: куда она, туда и он взглядом... Нет, она его присушила. Мне как-то Лиза, подруга моя покойная, сказала: "Знаешь, Аня, как господа в народ ходили? Женится на мужичке и рассудок теряет. Нет человека. И все революции от этого: весь этот разбой, распад, опустошение... Соблазн и потеря воли. Ах, я опять не о том! Но Вы знаете, что она вытворяет? Ужас, позор! Бога благодарю, что мальчику моему такое и в страшном сне не приснилось бы! Вы ведь не знаете, почему мы с Петей решили меняться? Хотя мы к этой квартире так привыкли, сорок лет в ней живем, но сил больше нет, нет сил, и Петя так плохо себя чувствует, все хуже и хуже, для него каждое наше с Ольгой объяснение – сердечный приступ. Тут были ноябрьские

праздники, и мы перед этим с ней повздорили, хотя я стараюсь молчать, но иногда, знаете, тоже не выдерживаю — ведь не каменная, так она отправила Анечку в зимний лагерь и вечером шестого числа — нет, у меня язык не поворачивается! — пришла вечером не одна, а с мужчиной, и он у нас остался! Вы понимаете? В соседней комнате! На лёниной кровати! Ах, зачем я Вам это рассказываю? Зачем? Но ведь все одно к одному, одно к одному, и теперь вот Сережа приехал, а он так похож на Костю, так... Я ведь Сережу вынужчила, а костины жена, вдова то есть, она его отобрала у нас, сразу, так безжалостно! Она тоже, знаете, из простых совсем, отец военный, солдафон, и все они такие крепкие, жилистые, пальца в рот не клади, и она солдафонка, без сердца, без сердца совсем! Помните, как у Шекспира: не износила башмаков, в которых шла за гробом, и уже... Ах, что я Вам говорю!

Мы стояли, прислоняясь к старой облупленной плите, и ее маленькие бескровные пальцы легли, наконец, на мою руку, и все то время, пока она рассказывала и плакала, они дрожали на моем рукаве и вцеплялись в него по мере того, как то усиливался, то переходил в задыхающийся шепот ее слабый голос.

Девочка-лисичка заглянула в кухню:

— Мама Вас просит зайти, если можно.

Я зашла.

— Выйди, Анюта, дай мне два слова женщине сказать!

Она куталась в деревеский серый платок, от которого лицо ее было бледнее, проще, и краска уже не казалась такой пронзительной. Ком-

ната была проветрена, а пепельница на столе вымыта до блеска.

— Вы меня извините, если что, — сказала она негромко, — я ведь никого обидеть не хотела, ни ее, Анну Петровну, ни Вас... На душе у меня... Ну, да что говорить... Я Вас только прошу: если Вам сейчас какие другие квартиры предлагать будут, и Вы, значит, сомневаться станете, нашу или другую, так я вас дочкой своей заклинаю: возьмите нашу. Я Вам одна весь ремонт сделаю, сама все окнадвери перекрашу, ни копеечки не попрошу! Я ведь знаю, Вам Анна Петровна про меня такого наговорила... Ее правда. Да не вся. Она думает, я Лёню позабыла или память его предаю, или там что... Так вранье это всё. Я вон пять лет назад замуж могла выйти, хороший человек брал, но я — как Лёня умер — перед карточкой его поклялась, что ни от кого другого в жисть ребеночка не рожу, докажу ему этим, значит, что мне главное его да Аньюты никого на свете нету. А ребенок от другого — это вроде как и впрямь из сердца все выжечь да заново начать. А разве такое заново начинают? Ну, я и сказала этому человеку, жениху-то своему, так, мол, и так, замуж пойду, но дочка у нас будет одна — Аня моя. А кому ж такое понравится? Он покрутился две недели, поуговаривал да другую нашел. А я осталась... Так что Вы меня за давешнее-то извините, а насчет квартиры подумайте, потому как мы с Анной Петровной — как ни крути — один воздух не поделим, расставаться надо. Может, тогда и помягчеем обе, на лёниной могилке вместе поплачим... А так чего... Искры только из глаз высекать друг у дружки...

Я одевалась в коридоре, и все пятеро молча провожали меня. Я отцепляла от вешалки пла-ток, искала перчатки, не попадала в рукава пальто, они бестолково помогали мне, и мы поочередно отражались в желтоватом пыльном зеркале, странно вытягивающем фигуры. Уже одетая, держась за ручку двери, я еще раз - с той пронзительной отчетливостью, которая бывает только при расставании - увидела их всех: седого старика с бабочкой на шее, фарфо-рового темноглазого мальчика в нахимовской форме, маленькую босую маркизу, похожую на лисичку, и их, почти притиснутых друг к другу захламленным пятаком коридора и одновременно разделенных чувством величиною в океан и в океан глубиною, сплошь в соленых клокочущих воронках взаимной ненависти, - мать и вдову одного из тех двух, веселых, обнявшихся, с растерянными глазами, которым вовсе не следовало умирать и оставлять после себя эту маленькую молчаливую группу...

Идея нашего обмена заглохла сама собой, и я не позвонила больше. Но лет через семь, а, может быть, восемь, опять в декабре, морозным, усыпанным легким, сухим снегом и светло-желтым от зимнего солнца утром, я, радостная от какой-то предновогодней чепухи, с букетиком полуживых цветов, влетела в эту теплую, пахнущую кофе и мокрой шерстью закусочную, беспринцильно весело охватывая взглядом краснощеких мокроволосых детей за столиками, чернобровую продавщицу в накрахмаленном колпаке, и, достав кошелек, уже собираясь привычно стать в хвост терпеливой очереди, как неожиданно наткнулась глазами

на сгорбившуюся фигурку в маленькой вязаной шапочке, стоящую у стены и, очевидно, ждущую случая подсесть к освободившемуся детскому столу. Это была она, почти неузнаваемо постаревшая, со своей подпрыгивающей головкой и ярко-белеющими на черной матерчатой сумке бескровными пальчиками. Ее вымытые слезами старческие глаза, не отрываясь смотрели на жующих детей без всякого определенного выражения. Столик вскоре освободился, и она уже сделала робкое движение, чтобы сесть с краю, как вдруг старинная дверь со звоном захлопнулась за вошедшей, высокой и немолодой женщиной с резкими морщинами на знакомом, пронзительно накрашенном лице, в свалившемся на плечи деревенском, заснеженном платке.

— Опять ты здесь, Анна Петровна, — просвистела она сильным шепотом и резко развернула к себе старуху, — звоню домой — никого, ну, думаю, так и есть: опять подъедать пошла. Сладенького захотелось. Да что ж я тебе булочку не куплю, горе моё! А ну, идем сейчас же, я с работы отпросилась, бежала всю дорогу, аж вспотела! Не позорь меня, Анна Петровна, идем!

— Оля... — услышала я, — Оля пришла...

Прижавшись к мраморной, в темных прожилках стене, я пропустила их к двери, и, не обращая на меня внимания, они медленно прошли мимо и скрылись.

Последний мыс

Последний мыс. Стеклянная вода.
Выходят сны из домиков на берег.
И узкие измученные лодки,
Угрюмо жмуряясь, греются в песке.
Я все забыл. Бессонница. Слова.
В начале сказок блеклые деревья,
И женщины, облепленные снами,
Идут неслышно в теплой белизне,
Стригут туман прозрачными ногами...
Как в старом чернобелом кинофильме,
В застывшем кадре вспыхивает лента-
Восходит солнце над последним мысом.
И женщины везут своих младенцев
Глотать туман у краешка земли.
Идут гуськом, вытягивая шеи.
И грустно смотрят каменные лодки,
Как проплывают белые младенцы
В торжественной рассветной тишине.
В рукоплесканьях голубых деревьев
Восходит солнце над последним мысом.

* * *

Мой город - холодный, нарядный,
С мостами, торчащими в небо,
Колодцами мокрых парадных,

Псевдоним ленинградского поэта.
Получено из России.

Домами, в которых я не был,
Арабскою вязью балконов,
Дворцовою жёлтой извёсткой,
Обывками красных погонов,
Расставленных на перекрестках,
Невою, до края налитой
Свинцовой водою и ветром,
Расчерченной слизью гранита,
Отчаяньем серых рассветов...
Мой город во мне не исчезнет.

ЛЕНИНГРАД

Дворцовый ангел стынет на колонне.
Стекает небо в пасмурные лица.
Огромный крест – застывшей лунной бронзой,
В слезах зеленых – белые ресницы,
В слезах зеленых – столп Александрийский,
И не за что на небе уцепиться.
Сложивший крылья ангел – черной птицей,
Обломком бронзы – жест самоубийцы...

ЛЕТО В ЛЕНИНГРАДЕ

Расплавленное солнце стекает с узких шпилей
В асфальтовые лужи раскрытых площадей,
И застывает блеском витрин, автомобилей,
Тяжелой, сонной скучой гуляющих людей.
Расплавленное солнце на площадях полощется,
Полотнища из солнца на всех домах висят.
Облечен желтым солнцем, слепой идет площади,
И палка истерично стучится об асфальт,
Разбрызгивая солнце... Расплавленное солнце..

* * *

Сонный город устало и строго
Закрывает пустые глаза.
Я засну. Мне приснится дорога.
Крестный ход. Над землей - образа...

Молодой, очень грустный священник
Показал мне рукою: "Иди"..."
Как хоругви, далекое пенье
Люди в черном несут впереди.

Асе сливается: пение, ветер...
Нависает слепая беда.
Крестный ход тонкой черною плетью
Над порочной страной Ленинград...

Крестный ход тонкой черною плетью
Над порочной страной Ленинград...

МАРТ

Отёки лиловых домов -
Тяжёлые капельки ртути...
Приблизишься и заглотнёт
Лиловая капля. Лишь руки
Мелькнут из квадрата парадной,
Как фокус иллюзиониста,
Трамвай выплывает нарядный -
Гусеницей шелковистой,
Гусеницей на асфальте,
Облупленный мокрой рекламой,
Приплыл и запутался в пальцах
Факира из чёрной парадной...

Из мокрого снега оживает молитва...
Молитва из мокрого синего снега...

ПОПЫТКА МОЛИТВЫ

Господи...

Ты бъёшься во мне сверкающим,
Холодным гипнозом лиственным.
Внутри меня, ускользающий,
Живущий среди бесчисленных,
Знакомых, полурастаявших
Обрывков невнятной истины.
Огромным моим раскаяньем,
Надеждой моей единственной...

Господи...

* * *

Моя голова - обезумевший флюгер -
Повисла над городом в стае антенн.
Внизу в поездах просыпаются люди,
И тени скользят вдоль облупленных стен.

Лишайник рекламы дрожит истерично
Над тусклую плесенью мокрых домов.
Надрывно поёт инвалид в электричке,
И память скользит по туннелю из слов,
Как поезд - циклоп, набегает навстречу...
В глаза неразбавленный прыгает свет,
И вспыхивают гимнастёрка, увечья,
И кружка, вся полная темных монет.
Звенят ордена, и монеты, и кружка,
Застыл инвалид у вагонной двери.
Плынут над его головой равнодушно

В холодном стекле фонарей волдыри.

А дождик штрихует дома в Ленинграде,
Чугунных решёток арабскую вязь,
В косую линейку, как в детской тетради,
Чернильные пятна, невнатаца фраз...

Уносит, уносит дома и каналы,
Тетради, дома, инвалидов, вокзал...
И только меня там уже не осталось:
В несбывшемся детстве вагон мой застрял...

ОСЕНЬ

Лица прохожих,
Обрывки бумаги
Ветер уносит
В улицы трубы.
Лица похожи
На белые флаги,
Желтую осень
Синие губы.

* * *

Плынут над городом осенние поверья,
Антенны с крыш сгоняют их со свистом,
Стихи, поёживаясь, шепчутся в деревьях,
Шуршат листвой, пытаются присниться...

Поверья, ставшие осенними стихами,
Шуршат в листве одежду промокшую,

Плынут холодными осенними дождями,
Заглядывают робко в чьи-то окна...
Плынут поверья над Несчастной страною...

Седые люди, всё забыв на белом свете,
Весь вечер обсуждают зло в природе,
И прокурор, вздохнув, отряхивает пепел
На блюдце с недоеденным пирожным...

Выходят женщины из теплоты постелей,
Привычно ищут белые окурки,
И кто-то, сгорбившись, чиатет неумело
Осенние стихи на тесной кухне...

А неба свиток приоткрыт до середины...

ТВОРЧЕСТВО

Ночь. Рождество. Однорукий столяр.
Подогнаны прочно неровные строчки...
Заподлицованы буквы в слова,
И наглухо вбиты гвоздей многоточья...

Звёзды застыли в квадрате двери.
Занозы в руках от сучков и помарок...
Ночью столяр сам себе мастерит
Избушку из слов. Новогодний подарок...

Счастливый Цезарь

Научно-сказочное сочинение

*Счастье для одних, лето для всех.
Русская поговорка*

Человек тем от нежити и прочих в его обличье отличается, что человек – единственно кто способен быть счастливым. Бесы радуются, печалятся, нежить горюет, но счастья человеческого они не знают. Поскольку наука призвана всех сделать счастливыми, мое сочинение названо научным. А сказочность оттого, что герои мои так придуманы, чтобы на живущих людей не походить, потому что среди них счастливых я не встречал. Сам тоже счастлив еще не был. Человек ли я? Не знаю, не мне судить, однако всю жизнь я очень старался стать человеком, не давал охватить себя разочарованию жизни.

В наш век, когда сказка становится былью, прозою жизни, а знание, еще вчера таинственное, сегодня уже доступно всем – велика надежда, что каждого из нас успеет посетить счастье, испытав которое мы точно будем знать, что мы – Люди.

Темные силы боясь разоблачения, конечно, сильно нам в том препятствуют: что по-человечески очень даже понятно.

Глава первая про человека никакой судьбы

Почитать судьбу не имеет смысла. Если пренебрегать судьбой, то беды не будет.

Мо-Цзы, пятый век до Р. Х.

Великие люди сильней подвержены влиянию звезд. На жизнь Андрея Петровича звезды слабо воздействовали. Он даже часа своего рождения не помнил: то ли ночью родился, то ли днем, — так что расположение светил было смазано. Судьба у Андрея Петровича тоже была никакая. Жил как все, с ним вместе родившиеся. Так, будто и не было у него своего творения жизни. Не раздумывая в отдельностях, жил всеобщностью. А если и творил, то чужую мечту, не ведая про то, что творит, и ответу не подлежа особому. Служил, одним словом, чиновником по казенной части.

Редко выдавались мгновения, когда будто толчок какой в груди будил его. Тогда поднимались тяжкие веки, и озирали вокруг отвыкшие от света глаза. Очень страшно ему становилось. Поскорей душа спешила позабыться и опустить непроницаемые дно вежды, задремать привычно и сладко в своем темном обиталище. В такие дни предавался Андрей Петрович разгулу, пьянистовал и безобразил... Скандалил. А когда утомлялся плотски, то забывал себя опять.

Так может до конца и прожил бы он, глядя на свое дневное бытие мертвыми глазами лунатика, не прозревая истины и усматривая со скучой лишь привычные картины, если бы однажды, когда такой толчок пробудил его на

миг, он не увидел совсем неподалеку от себя Смерть. При свете солнышка прямо перед ним. Его сразу острым понятливым чувством так и пронизало. Горло от страха перехватило. Вцепился судорожно, что было сил, в неяркое белевшее облачками небо. "Не может быть! - прошептал. - Не может быть!!" - заорал, мучаясь напряжением ускользающей жизни.

А только, чего орать понапрасну? звук еще не замер - понял, что очень даже может, что так и будет, наверняка! с той же определенностью, как угонас упали солнце закатывается. И в такой же от нас зависимости. "Какой ужас!" - шептал он, осознавая в полной мере отсутствие личного бессмертия.

Прибежала из кухни жена, на крик.

- Что случилось? - спрашивает.

- Бессмертия я только что лишился, - говорит он и смотрит на нее странным взором.

Она отступила назад на шагок.

- Успокойся, - говорит, - нельзя себя так распускать!

Он ее за руку хватает, стискивает руку ей больно...

- Смотри! - кричит. - Смотри! Неужели ты ничего впереди себя не видишь?!

- Ты мне больно делаешь! - вырывается жена.

- Пусти сейчас же!

- Да вот же она, впереди, прямо перед нами стоит и поджидает, Смерть! - крикнул Андрей Петрович, вперяясь жутким взором в пустоту перед ним.

Жена тоже за его взглядом следует, понятно, ничего не видит, злится, волнуется.

- Ты с ума сошел, Андрей! - тоже кричит,

вырываясь от него. - Сейчас же возьми себя в руки!

- Трудно взять себя в руки, когда за тобой вот-вот придут, - тихим шепотом молвил Андрей Петрович. - И все кончится, кричи - не кричи, тут ты права...

- Сейчас же успокойся! - приказывает жена.

- Никого тут нет!

- Неужели ты, в самом деле, не прозреваешь? - дивится он. - За тобой она ведь тоже явится, чуть попозже, а придет.

Жена от таких слов вздрогнула.

- А ну тебя! - крикнула и бегом из комнаты. Загремела на кухне посудой.

Поговорили, одним словом, однако, страх у него не прошел.

- Как же спастись?! - тоскливо вопросил невесть кого Андрей Петрович и стал рассматривать свои руки в синих прожилках. - Как глупо! Погаснуть, даже не разглядев вокруг себя толком... Как глупо! - мучился Андрей Петрович жутким чувством бессилия перед точностью знания, и ощущал себя тающей льдинкой в океане.

Стал он вокруг себя озираться с диким и жадным чувством расставания навеки, и не узнавал жизни вокруг. Все стало таким многоизначительным, оделось смыслом загадочным. И даже вещи привычные чуждо топорщились и веяло от них враждебностью.

- Боже! - обратился он туда, куда никогда не обращался. - За что?!

Возопил он и вдруг сообразил, что хоть и близко, а не вплотную смерть стоит, есть между ними чистое место. И полегчало на душе: не сегодня, значит, срок мой кончается.

Еще придется посидеть в тюрьме жизни, — подумал он с радостным облегчением.

Смерть постояла еще недолго и отступила, так что как ни пялился Андрей Петрович, больше ничего разглядеть не мог там, впереди. Надо сказать, утомился он тоже изрядно. "Эх! Все там будем!" — умозаключил пошлой философией и отправился завтракать.

Завтракал он в это утро с особенным наслаждением и вкусом. А после, целый день очень остро, как никогда, жизнь он чувствовал, будто глядел на все при помощи иного зрения. Всякую отдельную подробность впитывал так, будто в последний раз и видел. Потом, конечно, острота притупилась, однако позабыться он не сумел. К самому сердцу с того дня подступила смертная греза.

Чуть оставался наедине с собой, так воспоминание и хватало за душу. Душа начинала испуганно таращиться в чужую явь и не могла сомкнуть глаз. Невероятно сильное и острое чувство переживал он в эти мгновенья. "Как это я наяву все проспал, а теперь на самом краешке очнулся?!" — тосковал Андрей Петрович, страдая от бессонницы жизни. И такая его разбирала жалость, к себе, другим, ко всему, что ползет, дышит и копошится... такая брала жалость, что начинал плакать Андрей Петрович, оплакивая все живое, весь белый свет, который во власти смерти. "Боже! какие мы ничтожные! какая у нас бессмысленная жизнь!"

Поплачет так, и полегчает на душе. Смерть, конечно, никуда не девалась, и ощущение от всего вокруг по-прежнему оставалось невыносимым, режущим, однако волнения того,

отчаяния и ужаса, как прежде, он не испытывал. Бывало, глядел даже с некоторым интересом на темную неизвестность впереди. "А что, разве знаем мы, что нас Там ждет? - задавался он вопросом. - Разве счастье и боль души связаны с телом? Через тело, значит, мы только с этой жизнью соединены временно".

По прошествии времени распространилась молва среди знакомых, что Андрей Петрович малость в уме повредился, юродствует и всех, кого ни встретит, - жалеет.

- Эх, - печалится, - ничего вы не понимаете! Не понимаете, что на самом деле погаснет жизни сон! И каждого освободят от солнышка и птичек!

- Мы хорошо понимаем, - говорили ему в ответ знакомые, по-дружески. - Только не принято, Андрей Петрович, смертной грэзой делиться. Это все равно, что в постель к себе зазывать. На, мол, погляди, каков я в личные минуты! Хотя у тебя жена молодая... - и хохочут, зубами скалятся.

"Не гэ олющи ско огыми про смерть говорить", - соображает Андрей Петрович. - А мне все равно вас жалко! - вслух им объявляет. - И вас не станет! Кончится знакомство наше.

Ему в ответ:

- Шел бы ты подальше со своей жалостью!

В особенности с женой у него большие нелады вышли.

- Я жить хочу! - кричит она. - А не про смерть думать. Когда придет, тогда и буду о ней печься.

- Тогда поздно будет, - уверяет Андрей Петрович.

— Ничего не поздно, — она ему в ответ. — Я не желаю, — говорит, — на спасение дурацкое свою жизнь расходовать. Все равно не спасешься, а только поистратишься. Если в себя не придешь — уйду! — пригрозила жена. Молодая красивая была женщина, он к ней сильно был привязан, боялся лишиться.

*

Крепко задумался Андрей Петрович, чувствуя опытным нюхом служащего человека, что неспроста, не от одной неприятности, избегают темы. "Не может такого быть, чтобы люди о самом главном в жизни своей не хотели говорить! Тут что-то кроется, тайна какая-то, про которую нельзя начать говорить, вот и притворяются. Человек больше всего разоблачения боится... Но в чем?! В чем разоблачения?! Ведь все равно помрем — чего же притворяться, будто ты бессмертный!?"

Так он думал крепко некоторое время, пока совсем простая даже мысль не пришла к нему: а что, если они не притворяются, а по-настоящему — бессмертные, то есть вовсе и не люди!? Потому что всякий человек — он смертный... Он, конечно, про смерть боится толковать, но избегает разговора по-другому, не похочатывает, без злобы цинической...

Стал Андрей Петрович нарочно разговоры заводить тонкие, а сам лица разглядывает. И дивится, потому что, когда так стал он своих знакомых разглядывать по-особому и со смыслом, то совсем по-иному их увидел. Стал замечать, что многие, кого он всегда считал

настоящими людьми, как-то странно ведут себя на самом деле: будто ряженые, или переодетые под человека. Стал примечать Андрей Петрович какую-то двусмысленность поведения, остроту зрачков и ухмылку в неподходящем месте. А то и откровенную злую радость наблюдал, когда она вдруг по неживому нацепленному лицу скользнет. "С кем же я имею дело, если разобраться по-настоящему?" - спрашивал он себя в такие минуты. И другое он отметил: у многих, кого раньше он и за людей не рассматривал, человеческое выражение лица появилось. Сквозь надетую масочку заведомого прохвоста вдруг светлый лик проступал. Очень дивился в такие мгновения Андрей Петрович, но сдерживал себя: служба жизни научила не поддаваться чувству.

Как на жизнь смотришь, так и она взгляд возвращает: зеркало. Всякое новое видение, как ни сдерживайся, а другим заметно. Начали на него на службе посматривать: какой-то вы не такой стали, Андрей Петрович, - так говорили. Другие даже стыдить пробовали, совестили:

– Не стыдно тебе, Андрей Петрович, – говорили, – копаться в своих сытых переживаниях?! Как будто ты всех умнее и один только о своей жизни тоскуешь. Ты погляди, сколько горя на свете! Каждый день детей убивают! Голод во многих частях света и разруха! а ты только о собственной жизни и смерти думашь...

– Так другой у меня нет, – искренне удивлялся Андрей Петрович первое время в ответ. – Кроме собственной жизни и смерти, я другой не знаю. Другое дело, что мне любого человека в этом отношении очень жалко! Найди я спа-

сение себе, я бы со всеми секретом поделился. А и себя не знаю, как спасти!

— Ты сильно изменился за последнее время, Андрей, — говорили ему в ответ и отходили, отодвигались от него люди, с которыми служил он вместе.

— Неужели ты не понимаешь, что личное спасение — это еще не все? — возмущались другие. — Кроме личного, есть и повыше интересы!

Как ни старался, но с этими более высокими интересами Андрей Петрович все чаще шел вразрез: новое зрение ему сильно на казенном поприще жизни мешало. Да и как не помешает, когда приказу начальства внимашь, а сквозь надетую благообразную личину видишь откровенного беса! приказы-то все в отношении людей издаются — вот и противоречие. "Как я раньше всего этого не замечал?" — дивился Андрей Петрович. — Как теперь мне с этим жить?!" — спрашивал он себя, а ответа не находил, потому что не выходило жизни в будущем, когда он туда своим новым зрением заглядывал.

Невероятную тоску в нем вызывала та жизнь, которую он рассмотрел благодаря способности по-иному теперь все видеть. "Что же мы такое сами творим?" — беззвучно спрашивал он себя, наблюдая невероятную устремленность всех казенных действий, исполнителем которых он сам и являлся. — "Да мы же все делаем, чтоб только не дать человеку жить? Почему?!" — тщетно спрашивал себя Андрей Петрович. "Какая опасность заключена в человеческом счастье?!"

Не будучи сам творцом Приказных дел, он, разумеется, на этот вопрос никак не мог сам ответить, ибо не ведал замысла, а только мучился новым видением жизни.

От многих мыслей и переживаний стал Андрей Петрович выпивать чаще, чем прежде, и при помощи простого винного средства остроту ощущения сбил малость, приглушил; перестал наивно удивляться по всяческому поводу, стал спокойней и солидней относиться к посланному ему прозрению.

Не удивился он и тогда, когда однажды, вдруг, сквозь рожу пьяницы напротив него в пивной, прступил некий образ таинственный. Андрей Петрович, будто того и ждал, не знал только, откуда придет. Сам пьяница при этом хрюплю к нему обратился со следующими словами:

— Чего ты их жалеешь? Ты меня пожалей! Мне посочувствуй! — сипел он и пускал слюни. — А их жалеть нечего. Какие они люди?! Они же — бессмертные! — и таким жутким смехом закатился, что Андрей Петрович обратил на него пристальное внимание. А когда взгляделся, то этот облик таинственный и прступил.

— Вот он мой ангел-хранитель, — подумал он, разглядывая лицо: мешочки под глазами, щетинку седых жестких волосиков по дряблой, в красных точках коже, и нос трубчатый, торчащий влажно расширенными порами.

— Чего ты их жалеешь? — алкаш презрительно улыбнулся. — Разве люди это? Вот мы с тобой — прах! Понимаешь?! — заскрипел он зубами и придинулся вплотную к лицу Андрея Петровича, задышал ему прямо в нос горячим нечистым

запахом. – Звездный прах – сброшенные сюда, в клоаку жизни.

Андрей Петрович от дыхания отстранился.

– А ты не отстраняйся! – наседал пьяница.

– Жизнь по запахам делить не надо! Она – одна и едина. Неррразрывно!!

– Я жизнь не делю, я людей различаю, – сказал Андрей Петрович, соображая, как ему вопрос задать и рассмотреть пооутчливее, пояснее сквозь дряблое лицо светлый лик пропступающий.

Он хорошо понимал, что другой возможности может и не представиться. Надо только его на чистую воду вывести, убрать так сказать пьяное притворство, подгадать момент правильный.

– А ты не знаешь! – вновь наклонился, прилип к нему пьяница. – Не знаешь! А я – знаю! Ясное у меня всю жизнь ощущение – есть у меня задача, ради которой я призван был на грешную Землю. У гадалки был. Та так и охнула. Не видала, говорит, я такого расположения звезд. У вас, говорит, вроде бы жизнь исчерпана в смысле страданий. Видно засланы вы в наш мир с особенным смыслом... А я и сам знаю. Знаю, говорю, ты мне скажи, колдунья, мол, с каким таким смыслом? Этого не ведаю, отвечает. Это тебе только открыться может... Вот какой бред! Только мне, а мне не открывается! Может, потому у меня и жизнь так сложилась глупо, что я вовремя не вспомнил задание и не стал его выполнять? А, может, только сейчас, на старости лет и приоткроется, а времени исполнить уже не будет. Это ж какая мочь терпеть нужна! Знаю, что под ногами клад, а где рыть – не ведаю! Я по-

тому и пью, если хочешь знать, — подытожил алкаш, — что не мог вспомнить вовремя... — понизил он голос до шепота горького.

— А у меня никакой судьбы вовсе и не было, — объявил в ответ Андрей Петрович. — Я точно знаю, никакого задания, ничего. Просто так родили и жил никак. Так что привлеки меня и вспоминать нечего будет.

— Не испытываешь ты, Андрей Петрович, от жизни радости, вот и подступила смерть к тебе, — вдруг заявил пьяница.

— Никакой радости не испытываю, — подтвердил Андрей Петрович. — Для радости, сам знаешь, нужна близость. А у меня — какая близость, с кем? Жизнь отдельно. Служба отдельно. Дочка — сама по себе. Дом отдельно. Работа в стороне. Даже сны — и те отдельно от меня: как заводной в них кручусь и себя не помню!

— Ну, жена у тебя, положим, хороша! И молодая!

— Откуда ты знаешь про мою жену?! — подозрительное чувство возникло в душе Андрея Петровича.

— Я много чего знаю, — загадочно и самодовольно заявил пьяница. — А! Ведь угадал. Молодая!

— А тоже сама по себе, — усмехнулся Андрей Петрович. — Приглядись, черт ее знает, что она такое, это родное существо?! Стихия! Стихия поглощающая. Откуда известно, что они при этом, вбиная в себя, чувствуют?!

— Это точно! — подтвердил собутыльник. — Загадка природы. Ведьма! А хорошо, если молодая, — засмеялся, дохнув густо и нечисто в Андрея Петровича.

— Дааа, — вновь отодвинулся Андрей Петрович и даже защитился рукой с рюмкой. — А я вот точно теперь знаю, что у меня никакого задания не было. Просто так меня вытолкнули в эту жизнь. Ни для чего! Верней, для того, что получится. А чего может получиться, если с самого начала нет устремления? Так, детская мечта и морок юности.

Говорил Андрей Петрович, а не чувствовал успокоения. И чем сильней себя он убеждал, тем меньше сам себе верил, пока вдруг не стало и ему казаться, что и у него было задание особенное, и что жизнь свою он сам загубил, побоявшись, быть может, свое истинное предназначение разведать да исполнить...

— Нет у меня никакого предназначения и не было, — тем не менее горько гнул он свое.

— Ты не знаешь! — восторжествовал пьяница, почуяв неуверенность Андрея Петровича. — Не знаешь! вот и сказ тебе мой! Ты так думать хочешь, что нет и не было предназначения и смысла в твоей жизни. Так хочется тебе думать, потому что не исполнил! чтобы не отвечать! — стал обличать Андрея Петровича. — А судьба — дело тонкое... К примеру, скажи мне, Андрей Петрович, внутренний мир у тебя есть? Никогда не поверю, если скажешь, что нету! Если скажешь, что только внешним живешь!

Усмехнулся Андрей Петрович совсем горько-прегорько.

— Пойдем, — говорит, — покажу я тебе свой "внутренний мир". Гляди! — распахнул Андрей Петрович душу. — Разглядывай!

Собутыльник застеснялся.

- Да ты не стесняйся, - подбадривает его Андрей Петрович. - Плевать или сорить мне в душу не надо, а так - вот он я, весь перед тобой нараспашку...

- Видал?!

- Даа... Неприглядно.

- В том все и дело, - опять горько усмехнулся Андрей Петрович. - Вон как глазеет враждебно внутреннее мое здание. Да я и нехожу туда больше. Так, случайно, если черту переступлю, как сегодня... А думаешь я не помышлял, не приподнимался, так сказать, над тленом? И про фею мечтал. Все думал - прилетит. Ночами не спал. Выстроил любовно сей замок воображаемый и думал простору мне не одолеть. А тут у меня раз! как серпом и отхватило половину небесного моего окаёма. Потом еще, еще! Пока владения мои с филькину грамоту стали. Шагнешь и без всякой постепенности дали попадаешь сразу куда следует: пустынь судьбы и всеобщей жизни, - красиво заключил Андрей Петрович.

- Чего ж так вышло? Кто порушил?! - стал проявлять участие пивной друг. - Неужели сам?

- Отчасти сам. Отчасти - заботы, брат! Злые настойчивые твари! А и к лучшему. Мог бы до сих пор в облаках витать. А так, зато теперь я доподлинно ведаю - не было и нет в моей жизни никакого предназначения! - тихо, но твердо сказал Андрей Петрович, и собеседник посупровел. - Разве я так бы теперь жил? - усмехнулся, - если бы это особенное, как ты говоришь, задание у меня было?! А я вот сколько себя помню, - ничего и не было особенного! Все, как у всех, - посредственное! А только все равно вдруг, как накатит, -

теперь он в свою очередь придинулся и стал дышать в лицо пьянице, — как накатит тоска и тоже кажется, вроде чего сгубил, может быть, не исполнил! что по-другому бы надо было... Вранье и мрак! Ничего не сгубил — нечего губить было: при рождении уже все было сгублено...

— Значит, ты себя человеком никакой судьбы считаешь? — спросил вдруг строго пьяница.

— Никакой! — подтвердил Андрей Петрович.

— Смелый ты человек, — усмехнулся собутыльник, — не боишься!

— Чего бояться-то? — не разобрал, конечно, Андрей Петрович.

— Не боишься себя в короли производить. Потому что без судьбы человек — самый свободный, брат! Не подлежит вообще круговороту жизни.

— Мы с тобой под судьбой, видно, разное понимаем, — хмуро отозвался Андрей Петрович. Стал раздражать его пьяница, и этот грязный зальчик питейного заведения. Почуял вонь кислую и ощутил нечистоту духа.

Поглядел он на рожу пристально и диву дался, как это он мог в ней чего-то там высмотреть? Еще пристальней глянул — Господи! — да он чуть беса за духа светлого не принял. Хорошо еще вопроса главного не задал, а то и вовсе неизвестное могло выйти глумление.

— Это точно, что разное, — меж тем отозвался пьяница тоже с неприязнью. — А то бы в тебе знаешь какие способности или таланты редкие заключались, если б ты правду говорил. Если судьба отсутствует Совсем, в человеке самая редкая способность гнездо себе вьет... А в тебе — какая редкая способность? — оглядел

он Андрея Петровича неприязненно. – Зерна не сыщешь в этой куче, – заключил он.

– Ты, друг, полегче выражайся, – поглядел на него Андрей Петрович недобро.

– А что? Побьешь меня? Слабо??! – закривлялся пьяница, обращая внимание на себя.

Окружающие одобрительно на него поглядывали и с неприязнью смотрели в сторону Андрея Петровича. "Точно – бес!" – подумал Андрей Петрович. – "Не надо с ним связываться". – И отвернулся, соблюдая достоинство.

– Иди, иди! – тут же заорал алкаш, хотя Андрей Петрович еще никуда не двинулся. – Вот у тебя косая за плечами! В гроб иди! К червякам тебе и дорога!

Эх! Поглядеть со стороны на эту убогость, на этих обрюзгших чиновников, алкаша-беса... Ну, кто поверит, что эти двое, только что о судьбинском задании толковали – никто не поверит. Что и они были молоды и мечтали, и строили миры, созидали владения будущей жизни... Куда что ушло? Только груз развенчания и глухота немая, забвение – единственно что и осталось.

Кто поверит, что было, было! Никто!

Это все равно, как про убийцу говорить, что и у него была мама, которая родила его. Не верится, хотя, ведь, точно была и, может, неплохая... Увы, поздно! И не имеет значения, было ль иль не было – не воротить!

Ах! если бы заново прожить и жизнь иную!

Тут и подошел третий.

– Я извиняюсь, – произнес он дружелюбно рассматривая Андрея Петровича, и пьяница тут же смолк. – Не смог удержаться. Интересный очень у вас разговор...

Андрей Петрович, только что обманувшийся, замкнулся в себе, и подошедший это почувствовал.

— Я чего стучусь, — пояснил он по-простецки. — Вы, я понимаю, спасение ищете, от смерти? (У Андрея Петровича чуть дрогнул зрачок.) Это правильно, у вас еще есть время, — окинул его взором незнакомец. — Так что вам — не жалеть других, а побыстрей к спасению бежать.

— Как бежать-то? — невольно вырвалось у Андрея Петровича.

— Только любовь побеждает смерть, — объяснил незнакомец, и как ни вглядывался, ничего не мог рассмотреть в его лице Андрей Петрович: так себе лицо и все.

Компания за соседней стойкой покатилась со смеху.

— В литературе описано, — не моргнул тот глазом. — Но только любовь должна быть настоящая. Вас должны полюбить именно таким, каков вы есть, На Самом Деле! — внушительно и строго объяснил незнакомец. — Тогда и спасетесь.

— Откуда я знаю, какой я На Самом Деле?!

— искренне и тихо сказал Андрей Петрович.

— В том все и дело.

Окружающие теперь с большим интересом прислушивались. Тема захватывала.

— Однако, если человек ты — себя обнаружишь, поискав во внутренних пределах. Снаружи нас нет, там только нежить пасется, которая внутри пуста. Вот ты задумывался, к примеру, почему и кто тебя каждую ночь выключает? А выключив, накачивает чем надо для жизни дня. Попробуй удержать соображение, не поддаться! Слабо!!

— Так то же сон, во сне мы себя не помним,
— разумно возразил Андрей Петрович.

— Однако следуем. Чуть что нам подскажут
— всю жизнь за туманное видение цепляемся.
Для управления человеком используют привычное.
К чему привыкли — того и не видим, не замечаем.
Так и с любовью! — заключил третий
свой монолог под одобрительными взглядами
окружающих. Пьяница опять просветлел лицом
и глядел на Андрея Петровича доброжелательно.

— Но как, как любовь побеждает смерть?

— Ты у нее спроси. Найди и спроси.

— Узнай я секрет — всем бы его открыл, —
сказал Андрей Петрович. — Мне всех очень
жалко.

— Да нет секрета. Любовь всегда это делает,
бездумно. Секрет в том, чтобы ее найти,
любовь спасающую.

— Для настоящей любви надо бабу настоящую, — влез алкаш и поглядел на Андрея Петровича, и тот вновь удивился превращению: светлый лик, только что прступивший, опять пропал, и просто глядело на него лицо старого пьяного человека. — Об этом еще Екклесиаст тосковал, потому он все за суету и брал, что не нашел, видать, такой бабы: "Чего еще искала душа моя, — признавался, — и я не нашел? Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел..." "Эх! говорит, все суета сует и всяческая суета". А потому, что хоть и царь почти что, а не нашел он такой женщины, богини, чтоб полюбила и спасла.

— Подделок много, — ввернул Андрей Петрович.

— Ты и себя не переоценивай. У тебя внутри там тоже не больно приглядно, не подготовлено цариц или богинь принимать. Извини, я подсмотрел нечаянно, когда ты перед ним двери души распахивал, — сказал третий.

— Чего там, — усмехнулся Андрей Петрович.

— И говорить не хочется.

— А ты храм души возведи — смотришь, богиня и объявится. Любой бабе уход нужен.

— Это верно, — задумывался Андрей Петрович, отвлекался и все вопрос складывал.

Эти двое, конечно, ваньку перед ним валяют. Однако неспроста, сами не ведают, чего молотят, а через них нужный совет и нужный голос говорит.

— Вот вы мне на такой вопрос ответ дайте, — сказал он наконец, глядя одновременно на третьего и на пьяницу-старика. — Почему в нашей жизни все так устроено, чтобы счастья не допустить?

— А ты философ! — заулыбался пьяница, любовно глядя. — Ты прости меня, дурака старого, что давеча в жемчуге твоем усомнился. В тебе зерна, вижу теперь...

— Химер много, — пояснил третий. — Если человеку разрешить счастье — химеры все заметны станут, все равно, что голенъкие.

— Неужели им нельзя тоже человеческим счастьем прикрыться? — поинтересовался Андрей Петрович, вникая по-чиновному.

— Человеческим — нельзя, только химерическим. Каждому — свое, сам знаешь. Равновесие сторон: человек внутренним миром богат, а химеры — снаружи. Мы счастья взыскуем там, где его нет, они — одушевления и тепла, коих

быть не может. А по-настоящему только человек может быть счастлив...

— Разве счастье от смерти не спасает? — быстро спросил Андрей Петрович, наконец ухватив главный мучивший его парадокс.

— Тебе шашечки или поехать? Выбери, брат! Либо спасение — либо счастье...

— Если кто счастье человеческое пережил, тому больше спасаться незачем, — внушительно объявил пожилой пьяница. — Полным счастьем жизнь исчерпывается, хотя, конечно, счастливые часов не наблюдают, время не так течет.

— Это верно! — согласился неизвестно с чем Андрей Петрович. — А вы не скажете другое, — усмехнулся, разглядывая поочередно то пьяницу, то третьего: "Точно! не ведают они, чего толкуют!" — подумал, а вслух: Почему спасителей, ангелов и прочих оттуда, сверху, — для верности пальцем ткнул в небеса, — всегда посылают в кабаки или в ночлежки? Почему ангелы у нас в земном верху не сидят? И в сказках тоже больше с сумой волочутся.

— Человек, который сверху в жизни плавает, других не слышит. Издержка одна на него ангела натравливать. Внизу люди дохочивей.

— Спасибо! — поблагодарил Андрей Петрович.

— Мне было очень важно все это услышать, — и руку пожал сначала третьему, а после пьянице.

— Ты лучше храм души строй, — сказал третий.

— Будь здоров! Ищи себя! — напутствовал алкаш...

На том и расстались. Все были чрезвычайно довольны. Окружающие посмеивались.

— Ты очень хорошо сегодня выступил! — сказал пьяница третьему.

— Ты тоже неплохо, — сказал третий и предложил пойти искать второго. — Жаль! — добавил задумчиво. — Я думал этот чин составит троицу. Но понял, что не созрел он еще для такого, чтобы меж нами посредствователь.

— Святого духа в нем недостает — согласился старик с лицом пьяницы, и они пошли искать второго: у них были свои дела.

*

Крепко задумался Андрей Петрович. "Интересна вышла история в этой пивной, — говорил он сам себе. — А я дурак избегал прежде, стоялся. Может, с самого начала туда пойти надо было?" Но в этом он сомневался, потому что понимал — такие разговоры не часто выходит.

Размечтался Андрей Петрович, не подавая виду, стал воображать иные жизни, картины перебирал приятные, пока ехал в плотно набитом железном автобусе в направлении своей жилплощади. Ему повезло и он сидел. Оттого и возможность была помечтать втихомолку. Те, что стояли, тискали друг друга и осуществляли экзистенциализм: иностранную философию остроты существования. Чувство бытия у плотно стоявших было сильным. Мечта тут не требовалась.

У сидевших этой остроты, конечно, не было, но отвращение содержалось не меньшее. Вот так и катили, чертыхаясь, притиснутые, потные, сдавленные, проклиная эту жизнь... Может, среди стиснутых вынужденно в единство, были самые что ни на есть характеры: и Ноздревы, и

Коробочки, и Цезари, и кто хочешь! Да только, как это проявить? Всё притиснуто – нет владений, где нрав свой и чудачество можешь вещественно выразить... У всех, прилизительно, все одинаковое. А если и чудит, то скрывает от постороннего взора свои причуды. Вещички, которые выказывают норов, в ящик припрятет, если не тот придет человек. Без внешности голенькие стали люди. Ни тебе родословной с медальками за стати и книгами породы, ни богатства, ни положения... Потому что сегодня – это положение, а завтра глядь – ни положения, ни человека! Сгинул! и ни одна душа не полюбопытствует, куда это бывший наш Президент пропал?

Голенькие они все одинаковы. Ну, один чуть выше, другой ниже... разве это различие? Люди... И в этом смысле Андрей Петрович ничем от ехавших с ним вместе не отличался. Разве что по случаю ему повезло и он сидел, а не мучился смятый в проходе.

Но если снаружи такое сходство и пригнанность, то вовсе не означает это, что под одинаковой личиной одна и та же начинка содержится. Там, за дверью души такие (у некоторых) распахиваются пространства! такие чудные владения, что дух захватывает. Но мало кто тебя так просто к себе в личный мир запустит. Не очень-то приглашают. А силой проникать еще не научились. И мысли подслушивать не научились как следует. А в какие только размышления не пустится человек в переполненном нашем автобусе. Да для того, чтоб хоть как-то отвлечься, скрасить...

Вот и Андрей Петрович хоть и сидел с не-проницаемым лицом, и лицо неприметное, и фи-

гура средняя, а сильное движенье мысли внутри имел. "А чего? - думал он. - Почему бы мне не быть другим? К примеру, Цезарем иль Понтием Пилатом? В историю войти и в кни-ги!"

Потом мысль Андрея Петровича перескочила с личностей истории на фантастические произведения сегодня про Пришельцев, которых от людей земных никак не отключишь. А Пришельцы эти, не от мира сего существа, тем временем человеку земному всякую пакость чинят. Попумней которые и те с ними договориться не могут. Прав мой полуангел - алкаш сегодняшний. Многие, должно быть, засланы в нашу жизнь с особенным заданием, но такие, как я, про то совсем не знают. А такие, как он - припомнить не могут вовремя, а когда припомнят, то поздно, зря лишь мучают себя..." - так думал Андрей Петрович, рассматривая исподтишка людей вокруг. - "Очень даже может быть, что и эти все - Пришельцы, которым просто не повезло тут, а вовсе не люди. От неудач они еще злей человека топят. Похожи! А внутрь не заглянешь: вот и неизвестно, есть там что или отсутствует у них внутренний мир? - с неприязнью водил он глазом. - Рожи серые, а глаза совсем пустые, страшные.

И не выведешь на чистую воду. Отмажется словесами, запутает и уйдет в себя еще глубже. Не достанешь! Чужая душа - потемки! А у этих? Вообще не душа, наверно, а просто дыра бездонная, и глаза в точности такие - пустые. Так и должно быть, если глаза - это зеркало души, а души - нет, чему в них отразиться - лишь пустоте... Даа, странная мы причуда, - перекинулся Андрей Петрович с При-

шельцев на себя. - Себя не ведаем, так сказать. Вспыхиваем этакими болезненными искорками и гаснем, так и не высветив даже краешек пустой жути вокруг. Зачем мы крошки вспыхиваем? - захлестнула неожиданно Андрея Петровича пьяная жалость к самому себе и людям. - Убогие светлячки в ночи. За что нас, содельников чужого сна?

Нет, таких мне не жалко ни капельки. Мне только настоящих людей жалко, а эти и не живут, так, видимость одна, совсем не надо и не от чего им спасаться..."

Здесь и объявили ему остановку. Андрей Петрович, враз соскучившись, мысли скомкал, поднялся проворно с сиденья и стал проталкиваться к выходу.

- Ишь глаза налил! - заметила одна простая баба, которую он толкнул с некоторой даже намеренностью. - А еще в шляпе!

Андрей Петрович и правда был в шляпе. Но ничего не ответил, только зло глазом зыркнул в сторону переодетой Марсианки...

- Чего глазом зыркаешь? - с вызовом отозвалась баба, но Андрей Петрович уже миновал ее благополучно и вывалился из железного катафалка. Хрустнули и с трудом закрылись двери, гроб на колесах покатил дальше, а он остался на улице под темным небом. Постоял, вдохнул воздух и пошел к огромной, плывущей громаде дома со светящимися сотнями окон. Два из них принадлежали ему.

Видать, глубоко засела мысль про пришельцев в голове хмельного Андрея Петровича, потому что, войдя в квартирку, он вместо приветствия стал особенно приглядываться к своей

жене. И довел ее до того, что жена несколько раз спросила:

— Ты что?! Что-нибудь случилось? — и глядела на него с испугом и вопросительно.

— Ничего не случилось, — наконец пробормотал Андрей Петрович, отводя взгляд.

— Мне даже неприятно стало, как посмотрел! С кем ты сегодня набрался?

— Хм! А кому приятно? — хмыкнул он неразборчиво. "Зубы у ней больно белые!" — отметил Андрей Петрович про себя. — Забудь! — сказал он вслух и жену свою обнял. — Слава Богу, едва добрался в этом проклятом автобусе...

Жена у Андрея Петровича была молодая и красивая, смотрела ласково и требовала внимания. "Почему же у нас нет этой Настоящей Любви, меж нами, которая побеждает смерть?" — огорчился Андрей Петрович. — Никуда и ходить не надо, искать! На дому спасение..."

Он принял ванну.

Поужинали в тишине. "Детей бы надо завести, — вяло подумал он. — Но разве через детей спасешься?"

Включил телевизор. "Проклятые ящики, наполненные жизнью".

— Хочешь смотреть? — спросила она.

Он выключил — изображение погасло.

— Иди ко мне, — позвала ласково.

"Готовится, — подумал. — Ну, сегодня ты моей кровушки не много попьешь, — улыбнулся ей тоже ласково. — А ведь люблю. Знаю, что по капелькам тратит, а люблю. И сладко!"

Обнял. Постояли, прижавшись друг к другу.

Потом в постели пригляделся к ней после любовной ласки. Она лежала, закрыв глаза.

Ресницы темные. Тени под глазами, а черточки все облика так пронзительно обострились, прямо огнь какой-то играл у ней в лице... "Ну, ведьма, чистая ведьма", - вздохнул он. А она глазищи открыла, в них темно, и только глубина эта горячая.

- Ты знаешь, - сказала, - мне прямо почудилось, будто мы с тобой, а сверху еще два глаза на нас страшные серые и холодные глядят. Ты чего за мной подглядываешь?! - резко спросила.

- Я сегодня узнал про спасение от смерти. Смерть побеждает только любовь, - сказал Андрей Петрович, задумчиво на нее взирая.

- Значит, мы с тобой не умрем? - она сладко потянулась. - Ведь мы с тобой друг друга любим? Правда, любим?! - прижалась, однако он отстранился.

- В том все и дело, что любовь не простая должна быть. Вот ты мне признайся, как ты меня любишь?

- Да как захочешь, дурачок, - хихикнула она.

Андрей Петрович поморщился.

- Не в этом смысле... Ты меня любишь, как человека, такого как я есть голенького или со всем остальным в придачу?

- Конечно, голенького, не одетого же.

- Не шути шутки, - сказал Андрей Петрович. - Любовь должна быть только в отношении меня такого, Каков я есть На Самом Деле! А если я и сам не знаю - каков я? настоящий-то? И потом баба сама должна быть человеком, для настоящей любви требуется и женщина соответствующая.

Жена на такие речи обиделась.

— По-твоему, — говорит, — я не настоящая баба?

— Не в том дело, — морщится Андрей Петрович и корит себя за то, что дурацкий с ней разговор затянул.

— Нет! ты мне, пожалуйста, скажи прямо: не устраиваешь, мол, ты меня, не угодила?

— Да ты пойми, — увещевает он бабу свою, — тут загадка: себя-то мы не знаем, кто мы такие? Может, пришельцы или нежить? А спаслись только люди могут при помоши вот такой настоящей любви друг к другу. Для этого загадку эту надо разгадать. Вот ты, к примеру, кто ты?

— Жена твоя, глупенький, жена!

— Нет, не в том смысле, На Самом Деле, кто Ты?!

— И на самом деле то же самое, — улыбнулась она. — Совсем ты скоро у меня свихнешься. Меньше пить надо...

— А я вот не знаю, кто я такой на самом деле? Может, марсианин? Погляди у меня глаза пустые или нет? — он придвинулся к ней и стал глядеть прямо в зрачки жены. Та даже отодвигаться стала.

— Да что с тобой? С чего они у тебя пустые? Очень даже наполненные, ты у меня умный, — погладила по щеке.

— Потому что у марсиан глаза пустые, — пояснил он задумчиво.

— Ты думаешь, есть настоящие пришельцы? — поинтересовалась жена.

— Да мы все, может, и есть самые настоящие. Пришли, только не помним себя, потом уйдем... Вот вспомнить бы, откуда мы взялись и зачем тут сидим пожизненно?

– Некоторые "сидят" с очень даже большим удобством, – это ты все думаешь, а люди поумней за твой счет устраиваются.

– Мы тоже неплохо устроены.

– Но и не очень хорошо... А я даже очень хорошо себя знаю, нечего и вспоминать.

– Ты не себя, ты свое воображение про себя знаешь. Вот впустила бы меня к тебе внутрь, я бы там погулял, да и рассказал бы тебе все, как оно на Самом Деле...

– Иди, – охотно подвинулась, раздвигаясь.

– Ты знаешь, как я по тебе всегда скучаю... Можешь вообще там оставаться... – засмеялась грудным смехом.

– Да не туда, – с досадой отодвинулся, – в душу твою впусти меня, вот куда.

Она обиделась.

– Я что, тебя не пускаю, что ли? Мне нечего от тебя скрывать.

– Не скрывать, при чем тут скрывать?

– Нет! ты меня всегда в чем-то подозреваешь...

Потом она уснула. Дышала негромко, но с силой, глубоко.

"Счастливая! – позавидовал ровному сопению молодой жены. – Здесь сладилась и шасть к себе в уютные сновидения. Сама говорила, что ей никогда плохие сны не снятся. Одни только приятные. Неет! С такой не спасешься, – от этой мысли стало ему горько на душе. – Счастливая – ей и спасаться не надо. Это у меня наяву кошмары вокруг, и в сон не спешишь, потому что тоже неизвестно, какая гадость привидится, когда соображение выключено. Как это нас выключают, в Самом Деле?" – задался он вопросом.

Встал с постели и пошел в ванну. Справив нужду, помылся и обратил внимание на вид свой в зеркале.

"А глаза и у меня пустые, - умозаключил, разглядывая изображение. - Значит, и я тоже Пришелец. А не ведаю, кем и для чего я сюда заслан, потому что скверная это тайна и не желаю ведать. Может, потому и не выносим одиночества, тишины, что в одинокой тиши начинаешь вспоминать чего-то, небось, чего вспоминать вовсе не следует. И страх ползет от потаенной мысли, что за нерадивость взгреют, что не выполняешь задания, за беспамятство, за то, что Себя не помню, не говоря про задание".

Снова улегся возле молодой жены.

"А вот она? Откуда она? Тоже небось заслана. Может, особенно про твою душу и прибыла. Счастье, что и она себя не помнит, - утешился мыслью об ихнем сходстве. - Хотя, порой, так блеснет глазами, легкая жуть возьмет. Пристально так выгляднет из нее совсем даже нечеловеческое... Мммда... - зевнул беззвучно.

Эх! - потянулся. - Лучше вспомнить бы, право! Вот оно и было бы утешение. Время есть еще, не старый. Исполнил бы, не торопясь, и восвояси. А то, чего нас засылают на эту убогую планету?! Небось, ссылка или лагерь такой особый. Со всех мест себя не помнящих сюда шлют, и сидите, голубчики, пока не припомните, как следует, все, чего от вас требуется!

Интересно, - усмехнулся, - есть ли вообще Люди? Не засланные, не присланные, и без всяких особых и неособых заданий? Как разгаг-

дать? Чужая душа потёмки. Если и подсветит, впустит, то неизвестно, чего изобразит и намалюет. Воображение играет. Даже, когда взаправду все, и то не поверишь. Спим наяву и сами себе снимся. Тут и сам чёрт ногу сломит...

Где же тут любовь сыскать, настоящую, к тому, чего сам не ведаешь?! Если и встретишь – мимо прошагнешь, не поймешь, что это твое спасение: настоящая любовь ведь в тебе совсем другое подразумевает.

...И спросить не у кого... – была у него последняя мыслишка. – Настоящего Человека бы встретить, тот, наверное, знает. Подсказал бы, как сегодня. А марсиане поганые с пустыми глазами, разве скажут, если и ведают чего? Открутится, гадостей наговорит и сгинет, если припрешь. Да я сам первый разве признался бы кому, если бы и узнал все в точности, припомнил бы, Кто я, Зачем и Откуда? Никогда бы никому не сказал. Затаился бы и выжидал, пока срок кончится... А хорошо бы было все-таки припомнить. Впрочем, надо будет – напомнят!"

С тем и заснул.

*

Поменьше надо думать о чужом, Пришельцах, Марсианах. На своем надо сосредоточивать глаз, а на неведомое не зариться. Потому что заснул Андрей Петрович, а ему тут же такая тягостная дрянь причудилась, видать, все от мыслей его накануне.

Привиделось, будто он работу, вроде отчета или диссертации, сдает. Тема работы - наше внутреннее устройство, и, в особенности, одна мысль подчеркивается, что как бы человек в человеке - такое устройство совсем непригодное... Сдает он работу, а не принимают, никак не может с делом покончить, хотя всё в порядке. Все сидящие за столом члены комиссии на Него пялятся, к работе никакого внимания. И не в первый раз такое происходит.

Андрей Петрович в отчаянии. Не выдержал, говорит, мол, пожалуйста, вы работу мою почитайте, ознакомьтесь, а меня чего касаетесь? - оставьте в покое. Какое я к ней отношение имею? Вы работу судите, не трогайте, мол, меня.

В этом месте к нему человек из собрания подсаживается, в плаще.

- Я слышал, - начинает, поглядывая, - Вы очень сильный интерес к людям испытываете? - да так в него и впился глазами.

- Простите, - начал Андрей Петрович. - Кто вы? и чего хотите, как говорится...?

- Да, бросьте, - фамильярно отмахнулся Плащ. - Я не с тем к вам. Тут совсем другое.

- Интересовался, - подтвердил Андрей Петрович неохотно. - Только давно это было. Да и не было интереса, так, любопытство, скорее...

- А не бывало так, - спрашивает Незнакомец, - чтоб вам почудилось, будто вы - нечеловек?

- Бывало! - честно признался Андрей Петрович.

- ...И места не находится, личины подходящей житейской никак не нацепить, в особенности, когда с женщинами. Потому что жен-

щина доверяет больше тому лицу, что в центре выбитого лужка топчется. А вы - особый!

В этом месте стал Андрей Петрович смутно припоминать себя. "Да я же сплю, вроде бы!" - так он сам себе сказал, но Незнакомец ловко отвлек его внимание.

- Я могу вам сильно помочь, только лучше уйти нам отсюда, - зашептал Плащ и поднялся. Андрей Петрович медлил. - Ну что же вы?! Следуйте за мной! - приказал Плащ.

Пожал плечами Андрей Петрович и последовал за Плащом.

- Я за вами давно наблюдаю, присматриваюсь, - заговорил Плащ на улице вполголоса.

- Чем заслужил, вроде ничего не натворил я такого, за что нонче Привлекают...

- Натворить не натворили, а заслуживаете! Сам не знаю отчего, но я вам сразу поверил.

- Так и ощупал его глазками Плащ.

- Всегда легче верить, чем подозревать. Намного проще и запоминать ничего не надо.

- Это, может, и верно, но вы порой так свободно выражаетесь... Не принято свободно, мыслишка сразу виться начинает, чего это он позволяет себе? Не по заданию ли или рука у него есть крепкая? Лучше не быть таким откровенным порой.

- Да какой я откровенный?! - в сердцах воскликнул Андрей Петрович. - Вовсе и нет во мне никакого откровения... - но вторую часть не сказал вслух, только подумал...

- Конечно, - меж тем продолжал Плащ, - Вам неудобно себя хвалить. Я понимаю...

- Да что это за похвала! Ведь человек он откровенен в двух случаях, когда дурак или себя не затрудняет...

- Вот-вот... именно.
- Чего за глупость себя хвалить?
- За незатруднение, - возразил Плащ. - Потому что Незатруднять себя - есть наивысшая, непозволительная роскошь жизни. Оттого все себя затрудняют!
- А я, по-вашему, не затрудняю?
- В том все и дело!
- И потому вы за мной пристально следите?

Плащ только головой в ответ кивнул и вздохнул.

Некоторое время шли они молча. Потом Плащ неожиданно сказал.

- Так что видите сами, как получается. Лучше всего вам себя самого объявить!
- Это как это так?! Кому, куда объявлять!?
- Смелый вы человек, - вздохнул снова Плащ. - Но только я все равно вам верю.
- Послушайте! - Андрей Петрович разозлился не на шутку. - Да кто вы такой, в конце концов?! - И взял Плаща за грудки. Человек тот был щуплый.
- Я - соглядатай, - не сморгнув ответил Плащ, и Андрей Петрович его выпустил.
- Гебист, значит?
- Так удобнее. А вообще, надзираю для иных миров, так сказать. Такое мне вышло задание за фигурами приглядывать... уфф! - вздохнул,
- видите, как я откровенен с вами?
- Значит, вам это надо, если откровенничаете, - усмехнулся Андрей Петрович. - Впрочем, ко мне не относится ваше задание: какая я фигура?
- Надо верить человеку, - обиделся Плащ.

— Да какой вы человек, если для других миров соглядаете?

— Нонче многие в человечьем обличье ходят, — уклонился Плащ от прямого ответа.

— Ладно! — глянул на него в упор Андрей Петрович из сновидения. — Чего вам от меня надо??!

— Надо, чтобы вы припомнили... — сказал Плащ тихо.

Спящий так и дрогнул.

— Но что?! Что припоминать! — заволновался он, сам себя не понимая.

— Видите, как вы разволновались, значит есть что? — спокойно отметил Плащ. — А припомнить немного и надо. Только про Себя, и все дела... Кто ты, откуда и с каким заданием, так сказать, выражаясь языком следственным.

— А если я не стану?

— Поможем! — оборвал его Плащ. — Но лучше самому. Когда со стороны подсказывают — нет той убедительности...

— Но за что?! За что меня...? — недоумевал Андрей Петрович.

— Такая жизнь у Нас. Заставляет задумываться. Теперь не прикроешься ни медалькой родословной, породистость кобельков и сучек не играет, ни деньгой, ни положением... Так что лучше всего в точности какой ты есть На Самом Деле, таким и выставлять себя! Потому что какой ты голенький — такая тебе и цена. Поневоле задумаешься, а?!

Кивнул головой согласно Спящий и тут же спохватился: "Как глупо! Как глупо!! Зачем я головой кивнул?!" — застенал внутренне.

— Вот видите, — удовлетворился Незнакомец и прибавил: — А про какую любовь вы говорите, я не понимаю совсем, — завершил Плащ свою речь. — Такие дела. Советую не откладывать! — сказал он и распрошался с оторопевшим Андреем Петровичем за ручку. Тот потом еще долго недоумевал про любовь и до самого утра укорял себя за то, что руку подал невесте кому!

Стихи

Мыслей упорный ропот
Терзает тесную голову.
Словно душа — из олова,
А сердце — пасхальный торт...

Что есть истина в мире лживом,
Где на желтом огне свечи
Каждый вечер ты приходила
Освящать свои куличи.

* * *

Весенних дней нерукотворный тлен,
Прозрачность воздуха без воли и порядка,
И новая у губ сгустившаяся складка,
И ожиданье новых перемен.

1983

* * *

Неизвестность на столе гадальном, белом
Положила три крепленых карты.
Ты искала, ты устала, ты жалела,
Что не встретишь больше Бонапарта.

Небо было зеленым и пресным.
Ждал тебя, выбегал к автобусу,
А потом возвращался снова
К губернатору мистеру Фобусу.

В белом домике с ветхой крышей,
Бело-белом меж серых сосен,
Я молитвы твои услышу
После долгих зим и весен.

ТЮРЕМНО-ЗИМНЕЕ, РОССИЙСКОЕ.

Можно и под гитару

Они сегодня были со снежками,
И плакали, и плавали во льду.
Они сегодня были со стишками,
Боялся я, домой не добреду.

Была капель, как шум локомотива,
И плавала, и плакала в бреду,
Я шел один, душа была пуглива,
Я знал опять, к себе не добреду.

Ах, этот холод по спине,
Тоска и подозрение.
Ах ты, тюрьма моя, тюрьма,
Сплошное невезение.

Поговорили о любви и долге,
Проплакали невыносимо долго,
Все потому, не знали, очевидно,
Что это так покойнику обидно.
А он грустил в своем гробу,
Жалея о бессмертъи.
А мы кружились тут в дыму,
В лакейской круговерти.
Потом стаканчики вымыли.

Посушили, в буфет поставили.
А потом иных из нас выбили,
И теперь уже не при Сталине.
А иные и сами вымерли,
И совсем уже не при Сталине.

А за окном и ночь и тьма
Молчали, как безумные.
Ах ты, тюрьма моя, тюрьма,
Послушница разумная.

1970. Москва

* * *

Блаженству нищих чуждо естество,
Природа мяса иль нью-йоркской стужи,
А ласточки, напившиеся в луже,
Не говорят о небе ничего.

Блаженству кротких скромные цветы,
Петуны карнавальных красок
Не открывают человечьих масок,
Но увядают, убежав в кусты.

Блаженству чистых дух бывает чужд,
А плоть - томительна и тленна,
Судьба - повторна и изменна
В преодолены чьих-то нужд.

Блаженству миротворцев тишина
Не подневольна в шуме барабанов,
И в мир мечтанья и обмана
Их не ведет забвенье сна.

Блаженству плачущих пожар чужих сердец
И безграничность непонятной боли
Не открывают принципов неволи,
Но помогают обмануть конец.

Вы - соль земли, что тает под дождем
У водопоя бессловесных тварей,
Не помышляя о счастливом даре
Стать этой речкой иль вон тем ручьем.

1983

* * *

Нарциссы желтые - их цвет неописуем.
Воображение опять судьбу рисует.
И в промыслительной отваге
Средь шорохов мышей и черепах
Дремотствует полузыбый страх. Thank
God,

Меня не расстреляли в том овраге.

Но судьбы неподвластны и бумаге.
Вдруг в проблесках несовершенных дня
Русалки и коты облапили меня,
Пейзаж фламандский разразился бурей,
Елейность облаков подернулась тоской;
Он руки заломил над мелкою рекой
И брови незначительно нахмурил.

Пришла пора косых несовершенств.
Разъятость воздуха и теснота пространства.
Природа и любовь не терпят постоянства.
И вот - в компании мифических существ

На полпути в небесные мытарства
Стараюсь обмануть неведомые царства
И выразить мыслительный протест.
А душу червь сомнения пожирает
И воробей по доле печень ест.

Осень 1981

Юлия ПЕРВОВА

Алые паруса в сером тумане

Часть 2

Глава 6. Клевета

Генерал Ильин, к которому в очередной раз обратилась со своими жалобами Нина Николаевна, дал ей разумный, как всегда, совет: "Надо добиваться реабилитации. Без нее вы человек бесправный. Собирайте свидетельства". Старый кагебешник лучше чем кто-либо другой знал, как мало на родине нашей стоит жизнь человеческая без оправдательной бумажки. Нина Николаевна вняла рекомендации и разослала письма людям, которые знали ее в Старом Крыму при немцах. Одна из свидетельниц, живущая в Саратове, Вера Николаевна Мацуева, так описала события пятнадцатилетней давности:

"В октябре 1943 года (точнее в ночь на 7 ноября. - Ю. П.) на Южной улице Старого Крыма был ночью убит немецкий офицер. Утром немцы арестовали тринадцать мужчин, живших поблизости от места убийства. К Н. Н. Грин при-

Часть 1 опубликована в № 147 "Граней". Публ. М. Поповского.

бежала жена одного из арестованных, прося о помощи. Заложникам грозил расстрел. Н. Н. Грин сразу же пошла в полицию, где содержались арестованные, но ничего не добилась. Попала к коменданту города. Тот сказал, что спасти арестованных может только поручительство городского головы. Нина Николаевна побежала в управу. Надо было торопиться: арестованных отправляли в Симферопольскую тюрьму. Городской голова Арцишевский внял мольбам Нины Николаевны. Был составлен список арестованных. С этим списком Н. Н. Грин попала к коменданту (я сама переводила этот список на немецкий язык). Комендант подписал, и Нина Николаевна немедленно поехала с бумагой в Симферополь, добилась приема у начальника тюрьмы и отдала ему список. Начальник сказал ей, что этих людей не расстреляют, раз есть поручительство, а переведут в рабочий лагерь. Это известие она и привезла семьям арестованных”.

Позднее уже после смерти Нины Николаевны Грин я обратилась к Мацуевой с просьбой снова описать подробности тех дней. Ко всему вышесказанному она добавила еще одну деталь. Городской голова Арцишевский, просматривая список арестованных, вычеркнул из него две фамилии. То были жители городка, подозреваемые в сношениях с партизанами. Переводя список на немецкий язык, Мацуева снова внесла эти две фамилии – так они решили с Ниной Николаевной. Арцишевский список подписал, не заметив в нем перемен. Если бы этот поступок был разоблачен, их обеих могли бы расстрелять.

Об одном из тех, чья фамилия была восстановлена в списке заложников, Илье Вениосове,

дала свидетельство его жена, Екатерина Дмитриевна, жившая в Старом Крыму: "Я очень боялась за него, так как он имел тайную связь с партизанами. Родители возили ему передачу. Муж сумел передать им записку, прося не беспокоиться – он скоро вернется, так как из Старого Крыма приезжала Грин, защищала их. Начальство им объявило, что они не будут расстреляны".

Когда товарищ Иванов в Старом Крыму узнал, что вдова Грин собирает свидетельства о событиях военных лет (в маленьком городке такое немедленно становится достоянием публики и в первую очередь властей), он принял свои меры. Секретарь райкома решил не допускать реабилитации Грин. Для этого была сотворена встречная версия. Явно отталкиваясь от той строки в предисловии Константина Паустовского, где говорилось, что Грин умирал один, творцы мифа номер один придумали сценарий, по которому жена Грина бросила мужа за два года до смерти, тяжело больного. Он умирал на соломе, в полном одиночестве. Только соседка-старушка Белолипецкая приходила ухаживать за умирающим.

Второй вымысел, направленный против возможной реабилитации вдовы Грина, был опаснее, ибо имел окраску политическую: миф номер два, опять-таки сочиненный в райкоме, повествовал о том, что во время оккупации Крыма Нина Николаевна сотрудничала с немцами, предавала советских людей; будучи медсестрой, переливала кровь умерщвленных младенцев раненным немецким офицерам. Восстановления же дома, где умер Грин, вдова добивается для

организации шпионской явки и базы для антисоветской агитации.

О, Старый Крым! Как и всякий небольшой городок, он оказался благодатным полем для посева любой клеветы. Успех мифотворцев обеспечивало то обстоятельство (мы уже говорили о нем выше), что коренных жителей осталось в городе очень мало. Сталин выслал в степи Казахстана все татарское население, а также большую часть греков, болгар и армян. С середины 50-х годов в Старый Крым, славившийся чистотой воздуха, хлынули офицеры-отставники, а также партийные и советские должностные лица, достигшие пенсионного возраста. Вчераших обитателей Тамбова и Иркутска, Вологды и Тобольска привлек мягкий крымский климат, обильно плодоносящие сады и близость моря. Эти не связанные с прошлой жизнью города люди, скучающие в своих недавно купленных домиках, охотно подхватывали и передавали сплетни о Нине Николаевне. А были и просто откровенные врали, которые утверждали, что собственными глазами видели, как "эта Грин" в черной атласной амазонке скакала на лошади, сопровождаемая кавалькадой немецких офицеров.

Слухи множились, обрастили леденящими душу подробностями. Вечерами, за чаем, в очередях, на рынке снова и снова обсуждались подробности "предательства" Нины Грин. "Как? Дали десять лет? Только десять?" Так спущенная сверху легенда обрела форму "народного гласа". А чтобы интерес к легенде не слабел и обретал все большую подлинность, товарищ Иванов поручил своей секретарше напечатать сочиненные им тексты. Секретарша, ра-

зумеется, сделала копию и для себя и для подруги: так интересно, такая сенсация! Напечатанная на машинке сплетня выглядела уже документом. А документ на гражданин нашей страны действует, как известно, неотразимо.

Ничего не зная об этой начальственной акции, Нина Николаевна подала в прокуратуру заявление о реабилитации. В руках у нее было уже четыре свидетельства от людей, знавших ее в годы оккупации. Кроме показаний Мацуевой и Венисовой она получила письма со свидетельствами от Марии Николаевны Ураловой, врача-фтизиатра, и от Марии Васильевны Шемплинской, друга Гринов. В прокуратуре с ней разговаривали односложно и сухо. За ответом велели обратиться через две недели. "Так быстро?" - удивилась она. "Запросим местные органы", - последовал ответ. Откуда ей было знать, что эпоха реабилитации в стране уже завершилась?

Большой плотный конверт из Главной военной прокуратуры пришел десять дней спустя. Текст был краток и не оставлял никаких надежд на государственное прощение:

15 мая 1958 года

9в-16881-46

Гр-ке Грин Нине Николаевне.

Ваша жалоба от 5.V.58 года проверена. Установлено, что осуждены Вы были 26.V.45 г. правильно. Оснований для реабилитации не имеется, поэтому Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Военный прокурор отдела ГВП,
подполковник юстиции Шевницын.

В те же дни, едва оправившись от очередного приступа стенокардии, вызванного чтением прокурорского документа, Нина Николаевна получила еще один удар. Выйдя на улицу, она ощущала разительную перемену в отношении к себе. Знакомые здоровались холодно и не глядя в глаза. Другие проходили мимо, демонстративно не замечая ее. Сухо и официально разговаривали в аптеке и магазине. Понять, что именно произошло, помогли дети. Раньше мальчики любили ее за приветливость и гостинцы, которые у Нины Николаевны всегда были припасены для них. Теперь все резко переменились: девочки и мальчики бежали за ней по улице с криками "Фашистка! Немецкая шпионка!" Некоторые бросали ей вслед комья земли, камни и палки. Через много лет, когда я собирала материалы к биографии уже к тому времени покойной Нины Николаевны, старокрымская учительница Раиса Федоровна Колянц описывала сцены, которые она не раз наблюдала в те дни: "Нина Николаевна шла по улице, не ускоряя шаг, глядя прямо перед собой. Лицо у нее строгое, скорбное. А сзади - толпа оскорбляющих ее детей. Я выбегала из дома, разгоняла ребят, стыдила их, даже плакала. Один раз, когда я особенно горько разрыдалась после такой сцены, Нина Николаевна сказала мне:

- Ну, что ты, Раечка, милая, они ведь не виноваты - их научили...

То, что происходило на улицах Старого Крыма в те дни, было лишь невинной детской игрой по сравнению с тем, какое действие сочиненные товарищем Ивановым легенды произвели в Москве и Киеве. Незадолго до появления мифа Союз писателей СССР совсем уже готов

был сдвинуть "гриновскую проблему" с мертвой точки. Из столицы были посланы письма в Совет министров Украины и Союз писателей в Киеве за подписью К. Федина. В украинской столице идея гриновского музея получила поддержку от большой группы наиболее знаменных "писменников". Статья на эту тему в столичной "Радянской Украине" появилась за подписью Леонида Первомайского, Николая Ушакова, Натана Рыбака, Владимира Собко, Михаила Стельмаха и Юрия Збанацкого. Писатели бодро подталкивали своих чиновников к конкретным действиям по созданию музея в Старом Крыму.

И вдруг и в Москве и в Киеве все разом застопорилось. Высокопоставленный чиновник Союза писателей СССР Воронков, тот самый, что лишь недавно клялся Нине Николаевне, что с Домиком все будет в порядке, перестал отвечать на ее письма. По телефону он уклончиво сообщил, что "вопрос о Домике Грина решено отложить". Кто решил? Почему? "На то есть причины..." – протянул надзирающий от КГБ над писателями Воронков. Московские друзья и почитатели творчества Грина добились аудиенции у Воронкова. Припертый их вопросами, он снова ответил, что делать ничего не будет, поскольку злополучный Домик стоит на территории, принадлежащей секретарю местного райкома партии. Беспокоить его не следует. А если поклонники Грина так уж горят желанием увидеть музей своего кумира, то пусть соберут деньги в частном порядке и восстанавливают это помещение для его вдовы.

Нина Николаевна кинулась в Киев, туда, где вроде еще недавно бодро гремели барабаны

поборников музея. Разговор с секретарем союза украинских писателей знаменитым поэтом Миколой Бажаном оказался еще более обескураживающим. В письме, посланном в Москву 19 февраля 1959 года, она рассказывала: "Ударил меня крепко и нечестно Воронков. Перенесла... Думала, в последний раз... А вчера ударил М. Бажан... Был у него приемный день. Я была первая... Узнав, что я вдова Александра Грина, торопясь сказал: "Мы не будем восстанавливать Домик Грина. Это руины. А в большом доме живут жильцы. Я уже звонил в обком Крыма, все знаю". Торопясь, пытаюсь сказать ему, что восстановление Домика - не мое личное дело, в нем заинтересованы и жители города и многочисленные почитатели А. С. Грина. Он почти не слышит меня, говорит что-то о том, что это не государственное дело, что если мне нужно жилье, то оно будет мне дано. И говорит, уже стоя у дверей. Тогда, оторопев, я спрашиваю: "Какая же все-таки причина вашего отказа?" - "Обком Крыма не дал прямого ответа, - ответил Бажан. - Уклончиво, ни да, ни нет..."

Но отчего же, так вот, одновременно, в Москве, в Киеве и Симферополе у всех должностных лиц, причастных к восстановлению дома-музея, фамилия Грин стала вызывать вдруг оскомину? Почему забуксовали в одночасье все колеса партийно-государственной машины? Истина открылась очень скоро: клевета, родившаяся в кабинете первого секретаря старокрымского райкома партии, достигла всех тех кабинетов, куда стучалась вдова писателя. В Советском Союзе это называется "сигналы о моральном облике" и имеет прямое отношение к

вопросам идеологии и внутренней политики. Идеология же вещь опасная, с ней лучше не связываться.

В эти дни, кажется, впервые после выхода на волю, ее охватила растерянность. Раздумывая над происходящим, вспомнила Нина Николаевна события двадцатилетней давности, когда в голодном Крыму начала 30-х годов тяжело больной Александр Степанович хлопотал о пенсии. Целый год писал он письма в Москву, даже ездил разговаривать в тогдашние писательские организации. Пенсию получил он за две недели до смерти. А туберкулезный паек, который просил много недель в ближнем санатории, так и не получил, хотя все справки необходимые она носила туда не раз... Ну, да, конечно, скажут люди: то были жестокие сталинские времена. А теперь какие же?

Между тем владелец курятника товарищ Иванов не собирался останавливаться на достигнутом. По его указанию городской совет Старого Крыма принял решение снести Домик. В качестве птичника он уже не нужен был товарищу Иванову, ибо для его кур выстроен был новый сарай. Снос Домика должен был по идее властей окончательно завершить дискуссию со "шпионкой" и "изменницей Родины".

А чтобы ни у кого и никогда не поднялась рука защищать вдову Грина, в ход пущена была третья по счету легенда. Был распространен слух, что Александр Грин вообще никогда не жил в Старом Крыму. Он и на землю здешнюю никогда не вступал. Плыли Грины в 1930 году из Ялты в Феодосию на пароходе, по дороге писатель умер, а преступная жена передала его документы своему любовнику. Грина же скоро-

нили по морскому обычаю – тело обернули в холст и в море. Тот, кто приехал в Старый Крым в тридцатом, вовсе и похож-то на Грина не был...

Глава 7. Ордер на квартиру

Описать все чиновничьи кабинеты, в которые стучалась все эти годы Нина Николаевна и ее друзья, совершенно невозможно. Изложение всех ее злоключений у меня заняло целую книгу объемом более чем в триста шестьдесят страниц. Здесь, в журнальном варианте ее биографии, могу сказать лишь, что число писем, посланных ею и нами в различные инстанции, исчисляется сотнями. Так что остановлюсь лишь на событиях наиболее значительных.

Весной 1959 года в Москве происходило очередное потепление политического климата. Главным редактором "Литературной газеты" вместо известного черносотенца Кочетова назначили Сергея Сергеевича Смирнова. Писатель Смирнов остался в памяти современников не столько благодаря своему таланту или совершенству своих книг, сколько из-за действий так сказать морального порядка. Он попытался вытащить из лагерей и реабилитировать тех солдат и офицеров Советской армии, которые в самом начале войны обороняли крепость в Бресте. Крепость, как известно, пала и большая часть этих мужественных людей сначала попала в лагеря гитлеровские, а затем, после мая 1945 года, перекочевала в лагеря сталинские. Смирнову удалось спасти многих из них. Свою репутацию человека смелого и

честного подтвердил он, опубликовав в первом же номере вверенной ему "Литгазеты" фельетон Леонида Ленца "Курица и бессмертие". Фельетон, посвященный судьбе домика Грина, не блистал ни остроумием, ни какими-нибудь новыми фактами, но само появление его в печати означало новый этап в борьбе за Грина. Разумеется, там снова (весьма деликатно, впрочем) товарища Иванова просили убрать своих кур из помещения, принадлежавшего покойному писателю, и не возражать против присоединения к Домику шести соток земли, необходимых для того, чтобы в месте этом зацвел сад, который бы украсил... И т. д.

Фельетон продвигал в "Литературку" приятель Смирнова, все тот же генерал Ильин. Надо ли говорить, насколько появление фельетона взволновало Нину Николаевну. Она только что получила очередной хамский отказ от главы украинских писателей Миколы Бажана и безо всякой надежды на успех возвращалась из Киева к себе в Старый Крым. И вдруг такой подарок!

"Когда мне трудно - пишу много и горячо, - сообщала она Ильину в письме от 14 марта 1959 года. - ... А когда хорошо - у меня нет слов. Одно знаю и никогда не забуду: второй раз Вы в тяжелые минуты протягиваете мне руку помощи. Со вчерашнего вечера у меня настало чувство покоя. Все время боялась, что не смогу пробить косность, не успею сделать должное памяти Александра Степановича. Теперь смогу. Спасибо. Спасибо".

Хочу остановить повествование, чтобы сказать два слова об одном своем личном опыте. Я знала многих людей, чья судьба была жестоко изломана после появления в центральной

советской прессе атакующих их фельетонов. Более того, фельетон, как литературный жанр, многократно использован был специально для того, чтобы дать сигнал соответствующим органам о начале избиения гражданина, чем-то прогневавшего власти. После таких фельетонов ученых выбрасывали из университетов, авторов книг – из Союза писателей, партийцев лишали партбилета, а рядовых тружеников вышвыривали с работы и даже из квартиры. Нередко, вслед за фельетоном, следовал арест, тюрьма, лагерь. Но товарищ Иванов относился к категории лиц, к которым все эти беды никакого отношения не имели и иметь не могли. Член правящей номенклатуры, он знал, что неуязвим до тех пор, пока не прогневает свое прямое начальство. А для "прямого", то есть для партийных бонз из Крымского обкома партии, эпопея с Домиком и восстановление доброго имени писателя Грина представлялись темой, не достойной сколько-нибудь серьезного разговора. На фельетон по-просту не обратили внимания.

Осознав свою полную безнаказанность, товарищ Иванов перешел в наступление. Местным городским властям приказано было в кратчайший срок восстановить Домик Грина и занять его каким-нибудь местным учреждением. Приказ был выполнен с поразительной быстротой. Дом починили, на окна поставили металлические решетки и разместили в нем... районный архив. Одновременно в ход была пущена новая, опять-таки состряпанная в райкоме партии, версия поведения жены Грина. Она, как выяснилось, не была ему женой, а лишь случайной любовницей. За два года до смерти писателя она бросила его и ушла к другому. А

в начале войны и вовсе подалась в Румынию, где развернула широкую шпионскую деятельность. После победы ее захватили, под конвоем привезли в Старый Крым, осудили. Но вот теперь, отбыв срок, она опять занимается шпионажем. Чтобы подкрепить этот миф, товарищ Иванов даже вызвал в Старый Крым уполномоченного МГБ, чтобы тот завел дело на "шпионку". Дело заведено не было, но и клевету никто не пресек. Местные мещане продолжали обсуждать все эти выдумки, вовсе не задумываясь над тем, на кого же работала эта "шпионка" в Румынии и чьи разведывательные службы представляет сейчас, живя в провинциальном курортном городке. Но факты мало кого занимали в ту пору. Главное состояло в том, что теперь чиновники могли игнорировать все просьбы Грин.

Клевета ширилась, отравляя жизнь Нины Николаевны, преграждая ей путь к исполнению поставленной цели. То была та самая ситуация, что на 140 лет раньше сформулирована была поэтом-классиком: "Злые языки – страшнее пистолета". Против языков не помогало ничего, ни свидетельства очевидцев, знавших о жизни Нины Николаевны во время войны, ни специальный документ, приготовленный в Москве Центральным государственным архивом литературы и искусства (ЦГАЛИ) и помеченный 11 июня 1959 года. В той справке черным по белому было записано: "По документальным материалам ЦГАЛИ СССР установлено, что Грин Н. Н., жена писателя А. С. Грина, в 1929–1932 годах жила с А. С. Грином, находясь с ним в добрых семейных отношениях". Архивные работники обосновали этот документ анализом стихов,

которые супруг писал и посвящал своей супруге, писем, которые они оба отправляли общим друзьям, семейными записями. Но ни ссылки на архивные фонды и номера документов, ни печати и подписи, ничто не укрощало злые языки. Сотрудники городских и районных учреждений в Старом Крыму, равно как и рядовые граждане-пенсионеры, верили басням товарища Иванова больше, чем кому бы то ни было другому. Такова советская традиция: в споре с частным лицом власть всегда права...

Надо отдать должное Нине Николаевне, и в эту нелегкую для нее пору она сохраняла бодрость. В июне 1959 года писала: "У меня сейчас такое чувство - странное - я не волнуюсь, не страдаю, я - солдат, который должен победить вонючую гидру. И побежу..." Но и "вонючая гидра" не унималась. Хотя товарища Иванова перевели на работу в другой город, он успел напоследок организовать еще одну пакость. Архив из гриновского Домика пришлось вывезти, но вместо архива он приказал прописать там директора местной вечерней школы. Как и прошлые трюки местного фюрера, эта прописка была делом совершенно незаконным. Домик принадлежал Нине Николаевне. Лично. Она купила его летом 1932 года. И тогда же в июне перевезла в него смертельно больного мужа. Чтобы оплатить покупку, ей пришлось расстаться с единственной семейной драгоценностью - подаренными Грином золотыми часиками.

Чтобы отбить последнюю атаку товарища Иванова, пришлось снова (может быть, в десятый раз) отправиться в Симферополь. Там на пороге 1960 года, как новогодний подарок,

пенсионерке Н. Н. Грин предоставили жилплощадь. Ну да, разрешили прописаться в том самом Домике. "Вам нужна жилплощадь? - спросил ее в Киеве глава украинских писателей Микола Бажан. - Напишите, предоставим..." Теперь в Крымском обкоме партии повторилось то же самое. Ни о каком музее Грина речи не было, никто не вспомянул и фельетон в "Литгазете" и почти четыре года борьбы с товарищем Ивановым. Просительнице сказали только: "Принято решение выдать вам ордер на квартиру". Партийные вожди остались столь же безликими и беззаконными в милостях своих, как и в карах.

Подводя итоги выматывающей силы тяжбе с чиновниками, Нина Николаевна прислала письмо, адресованное мне и моим студентам Виктору Некипелову и Нине Комаровой, с которой мы впервые навестили ее.

"Старый Крым 14.1.60 г. ...Ожидаю переезда в Домик Александра Степановича... Очень устала физически и нервно - ведь мне шестьдесят шесть, а за спиной моей не только тюрьма, но и многие многие годы нужды и горестей. Единственно о чем прошу судьбу - дать мне силы привести Домик А. С. в надлежащий вид. Там работы непочатый край. Спасибо вам всем, любящим Александра Степановича. Ведь если бы не сознание, что за моей спиной Союз писателей, Литгазета и вы, многие, иногда мне совсем не известные, я была бы не в силах три с половиной года бороться за Домик..."

Прошло еще полгода прежде чем, закончив вконец измотавший ее ремонт, Нина Николаевна вывела на первой странице большого альбома: "КНИГА ДОМА ПИСАТЕЛЯ А. С. ГРИНА. Начата 24.V.1960 года..."

Книга сначала заполнялась робко, но с каждым месяцем записи становились все сме-лее, значительнее. "Родной, родной человечес-кий дом!" - писала студентка из Ленинграда. "Уезжаем с таким чувством, словно встрети-лись с самим Грином". "Здесь нельзя не побывать. Для каждого из нас Грин - свидание с юностью и светом, который проносишь через всю жизнь". Другие, напротив, лишь недавно узнали о существовании писателя и его книг: "Для нас Грин был открытием". Однако большая часть гостей Домика выросла на творчестве пи-сателя. "Нам нужен Грин ежедневно. Огромная человечность его души звучит облагораживаю-щей и возвышающей музыкой. Большое спасибо Нине Николаевне за все, что она сделала, что-бы мы видели Грина живым".

"Очень взволнованы и рады, что побывали здесь". "Александр Степанович один из тех, кто в юные годы вел нас к смелому, чисто-му". "Приобретатели всегда крались вслед за изобретателями. История Грина, его критики, история этого Домика - подтверждение мысли Хлебникова". "Мир Грина - это мечта солнеч-ная, зовущая, иногда немного грустная, но необходимая каждому живому человеку". "Сейчас Грин нужен людям, как никог-да".

Таковы лишь немногие из записей, сделан-ных в первые полтора года существования Доми-ка-музея. Впрочем, я оговорилась: никакого музея не было. Была квартира, восстановленная Ниной Николаевной так, что она как бы полно-стью воссоздавала обстановку, в которой жил писатель. Была в той квартире и его, ныне ме-мориальная, комната. По характеру того, что

теперь происходило в Домике, музеем его тоже назвать было нельзя. Нина Николаевна приезжим разрешала проходить в комнату Александра Степановича. Делая записи, гости макали ручку в чернильницу – ту самую, из которой родились все произведения Грина, написанные после 1921 года – то был подарок Ольги Алексеевны зятю. Дом был наполнен ощущением присутствия его хозяина. В этом было что-то колдовское. Нина Николаевна доверяла гостям: некоторые присаживались за письменный стол писателя, просили: "Можно я посижу здесь совсем один?" Она растягивала разрешала. За десять лет ничего со стола не взяли.

...Я снова листаю Книгу: "Грин и гриновское – самое чистое, что всегда в нас". "Без книг Грина и мир и мы были бы значительно хуже". И, наконец, надпись, оставленная киевским писателем Николаем Дубовым: "Ищущий найдет, что бы ни творилось вокруг. Грин переделывает людей. Благодаря его книгам рождаются характеры бескомпромиссные и неравнодушные. Это особенно важно в наше время".

Глава 8. Грин в гриме и без грима

В 1960-м Александру Степановичу исполнилось бы 80. В юбилейном году о нем много писали, говорили, спорили. В день рождения Грина 23 августа Нина Николаевна писала Новиковой: "Восьмидесятилетие А. С. (впервые за всю его жизнь празднуемая юбилейная дата) было отмечено в нескольких журналах и газетах. Наконец-то..." Впрочем, оживление интереса к писателю не всегда приносило только добрые

плоды. После многих лет молчания и забвения авторы статей с трудом восстанавливали подробности жизни юбиляра. В прессе возникло из-за этого изрядное число ошибок и разного рода недоразумений. Рассказы, опубликованные еще до революции, объявлялись никогда прежде не издававшимися, литературные и политические взгляды Грина трактовались самым причудливым образом. В августовском номере журнала "Нева" Борис Вахтин писал о Домике в Старом Крыму: "Своими руками писатель строил жилье, в котором работал, не покладая рук, не обращая внимания на тяжелую болезнь, на жестокие неурядицы".

Нину Николаевну все эти неточности, ошибки, передержки расстраивали. О судьбе Домика она рассказывала мне следующее. Они с мужем снимали две крошечные комнатки на Октябрьской улице. Александр Степанович, который уже около года тяжело болел, попросил жену найти более сухое и светлое жилье. Домик на улице Либкнехта, прозванный "Саввина хатка", на земляных полах, но с огромным участком, где росли фруктовые деревья, занимали в ту пору три монашки. Их выселяли из города. Нина Николаевна приобрела освободившийся домик. Он понравился ей: в комнатах было много солнца, из окон видны были далекие горы. Она отдала монашкам свои золотые часы и перевезла мужа, положив его возле окна. Грин был счастлив, радовался своему крову, думал о будущем. Но прожил он в нем только месяц...

Но, конечно, главной проблемой, которая обсуждалась в тот год целой стаей неведомо откуда налетевших "гриноведов", был вопрос

политических взглядов Грина, о его отношении к Октябрьской революции. Такой искусственный обрушивается на каждого русского писателя, которого по милости властей сперва изымают и забывают, а потом возвращают и вводят в лоно советской литературы. Наиболее пристойно в этой ситуации вел себя Константин Паустовский. Он, как уже говорилось, признавал, что Грин большевистский переворот не принял. Виной тому было, по мнению Паустовского, нетерпение романтика. Однако большинство начинающих гриноведов действовали по принятому стандарту: искали и "находили" в творчестве писателя знаки принятия большевистской революции. Да, он принимал ее и не просто принимал, но с восторгом, писали они, меняя, передергивая даты стихов и рассказов.

"Большой интерес, - писала критик Воронова, - представляют два неопубликованных стихотворения Грина об Октябрьской революции". Процитировав отрывки стихотворений, критик прокомментировала: "Оказывается, писатель порой ощущал свою связь с действительностью глубже, чем это принято думать". Оба процитированных стихотворения были напечатаны при жизни Грина, но означали совсем не то, что хотелось критикам в 1960 году. Одно - "Петроград осенью 17 года" - вышло в отнюдь не большевистском журнале "Солнце России" (редактор Василевский - "Не-Буква") за месяц до октябрьских событий. Воронова привела лишь одну строфу:

В толпе стесненной и пугливой,
С огнями красными знамен,
Под звуки марша, горделиво
Идет ударный батальон.

Гриновский "ударный батальон" никакого касательства к Октябрьскому перевороту не имел и не мог иметь хронологически. Ударные батальоны Временного правительства были частями, идущими на русско-германский фронт. Да, осеняемые красными знаменами. Ведь в стране осуществилась революция, хотя и буржуазная. Батальоны, ударные в том числе, в те месяцы еще не бросались грабить и убивать "капиталистов и помещиков", а всего лишь шли защищать страну от немцев. И взгляд Грина на этот батальон говорит лишь о его гуманизме и добром сердце, ибо в следующих строфах сказано:

Спокойны, тихи и невзрачны
Ряды неутомимых лиц...
То смерти недалекой злачный
Посев неведомых гробниц.

Самоотверженной лавине
Дрожит невольная слеза,
И всюду в след стальной щетине
Добреют жесткие глаза.

Попытка обнаружить большевистские симпатии Грина в другом стихотворении, также напечатанном до октября 1917 года, снова не принесли критику лавров. Стихотворение "Из дневника", толкующее о творческих переживаниях писателя за письменным столом, лежало осенью 1917 года в портфеле опять-таки весьма далекого от большевиков журнала "Свободная речь", который был закрыт до октябрьских событий.

Но поскольку "социальный заказ" требовал, чтобы прощенный и возвращенный Грин все-таки присягнул советской власти, критики и

литературоведы продолжали свою не слишком чистую, но зато хорошо оплачиваемую работу. Некоторые основания для того, чтобы окрасить Грина в красный цвет, у них все-таки были. В ранней юности будущий писатель, служа в царском флоте, проникся идеалами эсеров, был арестован, а его рассказ, написанный в самом начале столетия, даже фигурировал в Следственном Деле в качестве "вещественного доказательства". Рассказ "Заслуга рядового Пантелеева", изданный отдельной книжечкой, был полностью уничтожен жандармами. Книжечку эту обнаружила Нина Николаевна, разыскав ее в 400-страничном Деле и переписав от руки добрую половину сохранившихся документов. Да, Грин был в юности членом партии, членов которой Stalin впоследствии пересажал и перестрелял. Самым "эсеровским" был год тридцать девятый, когда хватали всякого, кто когда-либо соприкасался с партией социалистов-революционеров. Писателю повезло, он не дожил до эпохи уничтожения своих товарищей, когда-то сидевших в царских тюрьмах. Зато в 1960 году его эсерство образца 1903 года помогало некоторым особенно ретивым критикам делать за его счет свою карьеру.

Нина Николаевна как могла пыталась спасти память мужа от вульгарных штампов и наклеек. На волне юбилея ей удалось продвинуть в печать ряд его произведений, которые многие годы оставались недоступными читателям. Одним из таких неприемлемых долгие годы рассказов был рассказ "Фанданго", написанный в 1925 году. Рукопись долго скиталась по редакционным столам и в конце 20-х годов была опубликована лишь в приложении к дет-

скому журналу "Мир приключений", издании с ничтожным тиражом. Больше печатать "Фанданго" никто не решался, он был явно "идеологически не выдержан". Этот "чуждый дух" учゅял и Николай Тихонов, хитрый сталинский царедворец, который в 1934 году ведал выходом сборника произведений Грина в Ленинградском издательстве. Когда Нина Николаевна послала ему рассказ с просьбой включить его в состав готовившегося сборника, Тихонов ответил ей: "Фанданго" - блестящий рассказ, но он носит отблеск тех настроений и впечатлений 1919-1921 гг., которые сегодня очень странно выглядят - политически тоже. Тень от него, как наиболее бытового, то есть наиболее проясненного, что ли, падала бы на всю книгу, неверно ее окрашивая".

"Тень", которой испугался верный сталинец Николай Тихонов, реально присутствовала в рассказе. "Фанданго" - очень автобиографичен. Герой рассказа Александр Каур и по облику и по строю мыслей, чувств, по своему мировоззрению, конечно же, сам Грин. Лиза, жена Каура, также несомненно списана с Нины Николаевны. Это она - с ее детской непосредственностью, импульсивностью, нежностью и только ей присущим ходом мыслей. В рассказе сохранен даже питерский адрес Гринов и имя их тогдашней квартирной хозяйки. На страницах рассказа возникает послереволюционный Петроград: стылый, голодный город, в котором победили бездуховность и убогий быт. Этому убогому миру противопоставлена Страна Воображения. Волею героя - ироничного, мудрого и всесильного Грана - Александр Каур оказывается в цветущем Зурбагане, где звучит испан-

ский танец – фанданго... Прошло 35 лет после написания рассказа, прежде чем журнал "Советская Украина" в 1960 году опубликовал его. Дорогу к читателю проложила очередная "оттепель" и государственная нужда в романтике.

В том же году Нине Николаевне удалось продвинуть в печать еще одно произведение своего мужа. То было никогда не публиковавшееся "Размышление над "Красными парусами". Кредо автора выражено в этом размышлении совершенно определенно и недвусмысленно:

"Главным законом того мира, – писал Грин о мире "тайны воображения", – был нравственный закон сплава, твердый, как знамя, поставленное в пустыне. Ничто не угрожало ему: все власти и суды мира, вопли одиночных сердец и стальное рыканье государства могли бы, даже заполнив вселенную высшими проявлениями могущества, стать по отношению к этому нравственному закону лишь в положение пассивного зрителя..."

Продолжая размышлять над законом, которому подчиняется его творчество, Грин писал:

"Сплавленное с душой делается ее ароматом, облекает сокровенное в заботливо вышитые одежды, которые, если мы сотрем грубые границы этого сравнения, являются покровом, столь тонким, нематериальным и сложным, как выражение лица человеческого. Поэтому все, что писал или надумывал писать я, даже то, что воображал, повинуясь произвольному, всегда было полностью воплощением неуклонного закона..."

...Но занавес опустился. На нем, отброщенное волшебством невидимой глубины изнутри сокровенного, движется чистое действие... Оно сродни мраморному трепету Галатеи, готовому замереть, если оживляющая страсть Пигмалиона уступит отчаянию. Тогда художник приступает к поистине магическим действиям. Он очерчивает себя кругом замысла и, находясь под его защищкой, делается невидимым. Он в ы п а л из общества, семьи, квартиры, его нет в государстве и на земле".

Где же безвольно прячущийся от грозной действительности неудачник, о котором писал в своем предисловии К. Паустовский? Перед нами художник, отчетливо постигший путь и направление своего творчества, полностью независимый и гордый в своей неотъемлемой свободе. Его политические взгляды? В приведенном отрывке есть ответ и на этот вопрос: *"Надо оговориться, что, любя красный цвет, я исключаю из моего цветового пристрастия его политическое, вернее, сектантское значение".*

Эти строки, кстати говоря, впервые опубликованные в советском издании в 1960 году, не были пустой декларацией. В 1931 году, тяжело больной, жестоко нуждавшийся Грин подал в Союз писателей просьбу о помощи – в ноябре того года исполнялось 25 лет его писательской работы. Кто-то посоветовал ему для увеличения пенсии упомянуть в заявлении о своих революционных заслугах. Он категорически отказался: *"Я всего себя отдал революционной работе в молодости. На этом вырос и стал писателем. Мы квиты".* Сказав *"мы квиты"*, Грин подвел черту под своим отношением с государством-машиной, убивавшей его.

Глава 9. Музей скликает друзей

Слава Александра Грина в конце пятидесятых – начале шестидесятых быстро возрастила. Вскоре после появления его книг (изданных впервые за 12 лет) в Крыму начали снимать фильм *"Алые паруса"*. Картина эта вызвала в публике самые разные суждения. Лично мне картина понравилась, моим друзьям – тоже. В

"Комсомольской правде" и "Известиях", наоборот, появились ругательные рецензии. Нине Николаевне "Алые паруса" также не пришлись по душе. "Какая гадость сделана (режиссером) Птушко из "Алых парусов", - писала она одесской знакомой 2 сентября 1961 года. - Позавчера видела их в Алуште. Скорблю. И радуюсь, что печать отмечает бездарность постановки".

Хотя мастера кино не раз уже за минувшие два десятка лет обращались к произведениям Грина, приходится отметить, что как правило труды их обрачивались неудачей. Грубо и явно вопреки мысли автора сделана лента "Колония Ланфиер"; опошлен один из лучших рассказов Грина "Пролив бурь" в фильме Дербенева "Рыцарь мечты"; в недавно вышедшей на советский экран картине режиссера Мансурова "Блистающий мир" нет ни духа Грина, ни удивительного света его одноименного романа. Нельзя назвать полной удачей и фильм "Бегущая по волнам", хотя соавтором сценария был любимец московской публики Александр Галич.

Нина Николаевна болезненно воспринимала все эти неудачи, равно как и неудачи в комментировании творчества ее мужа. Возможно, иногда она бывала субъективна в своих оценках. Но вкус не покидал ее в тех случаях, когда в печати появлялись действительно талантливые произведения о Грине. Так с восторгом восприняла она очерк рано умершего, ярко одаренного Марка Щеглова. В кино, однако, никто из советских мастеров ее не порадовал.

Тем не менее, фильмы, книги, телевизионные спектакли по Грину притягивали внимание к его Домику. Быть в Крыму и не посетить До-

мик стало вроде бы неприлично. Нашествие посетителей начиналось уже с июня. Нина Николаевна писала московским друзьям:

"Не обижайтесь на меня, если редко пишу... не успеваю. Но сосчитайте, дружок, мои обязанности - ежедневно прибираю комнату А. С.; если накануне было много народа - мою полы в ней, иногда два раза в день, ношу воду за сто метров, не менее пяти и не более десяти ведер ежедневно. Заведя цветы, не могу их не поить и не кормить... Стою в очереди за хлебом (это у нас теперь водится). Ухаживаю за могилами А. С. и мамы. Отвечаю на письма. Посетило меня за полтора месяца триста человек. Это только начало, так как большая волна начнется с конца июня. Со всеми, значит, разговариваю. ...Так устаю к вечеру, что передать Вам не могу. Разваливаюсь. И весь день мысль - что бы еще успеть сделать. И обида - на бессилие..."

Стремительно заполнялись страницы Книги Домика.

"Романтики всех стран, соединяйтесь!" - написал поэт Борис Серман из Симферополя. Вскоре он стал одним из верных друзей Нины Николаевны.

"Глубочайшую проношу благодарность Нине Николаевне Грин за ее труды по сохранению памяти о великом писателе, за ее искреннюю любовь к нему, которую я почувствовал в ее рассказах о нем. Архиепископ Алексий. 4 июня 1961 г.".

Украинский поэт-классик Максим Рыльский, посетив Домик, записал в Книге: "19.VI.61 р. Низко клоняюсь памяти прекрасного письменника, чистого сэrdцем Олександра Степановича Грина".

Рыльский в дальнейшем тоже принял живое участие в борьбе за создание музея Грина.

"Был в гостях у Грина, - написал в Книге житель Казани Р. Сафийуллин 29 июня 1961

года. – Давно мечтал об этом. Ухожу с ощущением громадной светлой грусти. Грин был великим сказочником-философом. Он и сейчас, в 1961 году, нужнее нам, чем многие "серьезные" реалисты. Больше Грина в литературе! Больше о Грине!"

Чувство любви, признательности и боли за писателя прозвучало и в адресованных Грину стихах читателя Орлова из Симферополя:

Бросаясь на скалистые рога,
Штурмуют волны берег неизвестный,
И если морю тесны берега,
То в сердце и подавно морю тесно.

А он встает с постели. И с трудом
Идет к столу нетвердыми шагами,
И каждая страница под пером
Морскими заполняется ветрами.

Гремит прибой на дальнем берегу,
И сквозь наплыв предсмертного тумана
Он ясно видит площади Гель-Гью,
Зеленый Лисс и бухты Зурбагана.

В последний раз волшебная страна
Встает перед ним в таком великолепье,
Что вновь воображения волна
Сорвать готова якорные цепи.

И я спрошу – пусть с резкостью в словах
У тех, кто смел винить его за это:
Он к нам приплыл на алых парусах,
А вы на парусах какого цвета?

Когда такие стихи появились на страницах Книги, Нина Николаевна читала и перечитывала их со слезами на глазах. И не в таланте авторов тут было дело. Ее волновало, что в новых поколениях сохранилась любовь к А. С., не утратилось понимание Грина. Бог с ними с каждодневными огорчениями, пусть работы для

нее будет еще больше. Главное – вот эти строчки, свидетели того, что Грин нужен людям...

Многих гостей, однако, заботили более прозаические проблемы: почему государство не возьмет на себя заботу о Домике? "Нужен музей, настоящий музей, – писал житель Феодосии. – Неужели Александр Степанович не заслужил его?" Ученый из Кишинева, однако, предостерегал: "...Такой необыкновенный, нестандартный писатель как Грин выглядел бы совершенно несоответственно, если бы его мемориальный дом попал в руки, управляемые Стандартной Директивой". И это было верно. Друзья Домика видели тем не менее, что сил у Нины Николаевны становится год от года все меньше. Денег тоже. Надо было спешить, чтобы успеть передать гриновское наследие в руки государственной организации, прежде чем хозяин Домика полностью потеряет возможность вести его.

Власти, между тем, хотя и загребали миллионы рублей, распродавая тиражи гриновских книг и демонстрируя фильмы по Грину, не желали создавать музей. Александра Грина воспринимали в официальных кругах по-прежнему как временного "попутчика", ведь 12 том второго издания Большой советской энциклопедии с поносной статьей о нем был опубликован совсем недавно, а другое издание энциклопедии пока еще было далеко. Но главное, иновников пугали рассказы о Нине Николаевне, которые проникли благодаря стараниям крымского партаппарата и в министерства, и в редакции газет, и в ЦК партии в Москве и Киеве. Проверять эти рассказы никто не собирался. Ведь они касались частного лица...

Неожиданно нашелся, однако, человек, который взялся разрушить заговор клеветы и наветов, возведенных на хозяйку Домика.

Саше Верхману не было и тридцати, когда он во время своего летнего отпуска заехал в Старый Крым. Инженер из Киева, человек вовсе не политичный и не облаченный никакими полномочиями, этот рыжий лохматый парень был рядовым из армии читателей и почитателей Грина. О своих чувствах к писателю он рассказывал позднее так:

“Грина я полюбил в 1956-м, когда вышел его однотомник. Вся наша “стая” во Львовском Политехническом – восемь человек – восприняла эту книгу как событие. В следующие шесть лет, закончив институт, я продолжал искать произведения Александра Степановича, а в 1962 твердо решил после отдыха на Кавказе заехать на несколько дней в Крым, к Грину и его жене”.

Первая встреча с Ниной Николаевной принесла Саше чувство радости и узнавания. Хозяйка Домика была доброжелательна, ее рассказы звучали искренне и горячо. Когда Саша уходил вечером в гостиницу, она разрешила ему взять с собой на ночь Книгу отзывов. А утром начались для поклонника Грина разочарования. В гостинице, в случайных разговорах на улице, на кладбище незнакомые люди рассказывали ему истории про то, как Грин умирал один на соломе, брошенный женой, как Нина Николаевна шпионила для немцев и т. д. и т. п. Все эти неожиданно обрушившиеся на него сведения поразительно не вязались с образом жены писателя. Саша решил разобраться в этой истории. Отправился в горсовет. Председатель

Егоров, маленький лукавец с мышиными глазками, явно принял его за корреспондента. "Что вы мне все Домик да Домик, - сказал он, покосившись на Сашин фотоаппарат. - Смотрите, какую у нас большую больницу построили".

- "Не интересует меня больница, - наступал Верхман. - Вы лучше объясните, почему Нина Николаевна в ее возрасте должна тащить одна такой груз?" Егоров вытащил из стола довольно затрапанную бумажку и прочитал по ней все то, что Верхман уже слышал: бросила, предавала, сотрудничала. Саша попытался выяснить, кто именно подписал бумажку, но Егоров торопливо спрятал "документ" в стол: "Это на руки не выдается".

Был в этой встрече еще один забавный эпизод. Верхман потребовал, чтобы хозяин города указал, кто именно в Старом Крыму пострадал от предательства Нины Николаевны Грин при немцах. Егоров указал на жертву предательства - завхоза местной школы Надежду Ивановну Шерстюк. Саша разыскал Шерстюк. Та продолжала болтать, как и все, о том, что Нина Николаевна бросила мужа, но добавила, что сама она с Грин никаких дел никогда не имела. "Да Грин в авторитете у немцев и не ходила", - добавила Шерстюк.

После этого Саша начал искать в городке людей, живших тут до войны. Человек общительный, нашел он и таких. Бывший командир партизанского отряда Водопьянов, мужчина лет 60, сдержанный и немногословный, хмуро выслушав вопросы Верхмана, заметил: "Порассказать теперь тут могут что угодно. Что до Нины Николаевны, то она нам не вредила, никого не предавала, но вроде бы и не по-

могала. А впрочем, может быть, я чего-нибудь и не знаю". Водопьянов действительно не знал о том, что Нина Николаевна спасла жизнь 13 жителям города, которым, как уже говорилось выше, грозил расстрел.

Хотя у Саши Верхмана было всего пять свободных дней, он успел опросить довольно много горожан. Вскоре выяснилась важная закономерность: о предательстве Нины Грин говорили лишь люди, приехавшие в Старый Крым после войны. Те, кто жили тут в 30-е годы, сообщали добровольному следователю совсем иное. Особенно интересные сведения дал Дмитрий Павлович Панков, проживший в городе более полувека. Верхман пишет:

"Мы разговорились на улице. Мне указала на этого старца с апостольской бородой случайная женщина. Я попросил его посидеть со мной и рассказать, как умирал Грин. Дмитрий Павлович присел на скамейку и показал палкой на большой белый дом, стоящий напротив Домика:

"Мы со старухой тут жили, - сказал он. - А Грины сначала жили ниже по Октябрьской улице. Когда Александр Степанович был здоров - много ходил и один и с Ниной Николаевной. Иду как-то вечером - ночи у нас летом темные - смотрю фигуры, одна высокая, другая маленькая. Высокая маленькой что-то на небе показывает. Это Александр Степанович жене звезды рассказывал... Всегда, когда идут вместе, тихо о чем-то говорят. Дружно жили... Мы с ними познакомились, когда они уже сюда переехали. Его на линейке перевезли, он был плох совсем... Ольга Алексеевна с Ниной Николаевной чего только для Александра Степановича не делали! Ведь год был голодный, где для больного еду достанешь? А они доставали... Захотелось Александру Степановичу чаю с лимоном, она весь город обегала. У одних тут лимонное дерево было, дали два, она бежит с лимонами, радуется, глаза светятся. 'Вот, достала', - говорит. Все продавала, только чтобы он ел. А он и есть уже не мог. Вот она поставит перед ним еду, а сама уходит. И - под окно - поглядеть: есть или не ест. Иногда улыбнется - значит, поел. А то стоит и плачет - не захотел, видно... Очень она его любила".

Немало таких историй услыхал Саша Верхман от старожилов Старого Крыма. И наслушавшись, в последний, пятый день своего пребывания в городе, снова зашел к Егорову. "Могу сказать вам совершенно уверенно, - сказал Саша, - что будет в вашем городе и музей Грина и памятник ему и улица его имени". Председатель, привстав, сделал непонятный, но изящный жест над головой: "А вот и не будет". Тогда Саша, окончательно рассерженный, крикнул ему: "А ведь вы меня обманули относительно Шерстюк. Вы все солгали. И бумажка ваша ничего не стоит. Вы мерзавец!" Егоров растерянно посмотрел на гостя. Так с ним, очевидно, еще никто не разговаривал. Вконец растерявшись, он сказал "Спасибо". Саша вышел, хлопнув дверью кабинета.

Он возвратился в Киев счастливый, как герой "Золотой цепи" Санди Пруэль, перед которым открылся путь в удивительную страну. И для нашей жизни поездка Верхмана в Старый Крым оказалась событием. С этой поры в Киеве возникла тесная группа "борцов за Грина". Кроме Саши и меня, в нее вошла моя студентка Нина Комарова, та самая, с которой мы впервые попали в дом Нины Николаевны. Нас поддержало несколько писателей и даже чиновников министерств.

Глава 10. Галина Кирилюк и другие

Те семь лет до кончины Нины Николаевны вспоминаются, как плаванье на корабле среди бушующих волн. То нос нашего суденышка полз вверх (пишем из Киева обнадеживающие письма

в Старый Крым), то падаем вниз, в пучину (пишем снова, но стараемся не расстраивать нашу подопечную и не сообщаем всех гадостей, которые пришлось выслушать от бюрократов).

Наиболее активным среди нас был Саша и его же Нина Николаевна одаривала самыми нежными письмами. В поисках союзников навестил он таких наиболее уважаемых киевлян, как Андрей Александрович Бильтцкий, заведующий кафедрой языкоznания Киевского университета, как прозаик и драматург Николай Иванович Дубов, поэт-классик Максим Тедеевич Рыльский. Паролем служили ему письма Нины Николаевны. Эти трое и много других киевских интеллигентов охотно присоединяли свой голос в защиту Музея Грина. Рыльский, в силу его почтенного положения, сумел сделать больше других: он направил письмо министру культуры Украины. Человек четкий и обязателnyй, Максим Тедеевич прислал Саше копию этого решительно составленного документа. Мы, разумеется, запрыгали от радости и сели писать очередную докладную в Старый Крым. Но радость оказалась преждевременной. Вот как Саша Верхман описывает свой визит к Галине Степановне Кирилюк, заведующей отделом музеев в министерстве культуры, к которой в конце концов сходились все просьбы и команды, относящиеся к судьбе музея Грина.

"Меня приняла мощная женщина, с высокой прической и длинным лошадиным лицом. Она любезно пригласила меня сесть, выслушала и как-то по-домашнему сказала: "Вот Грина я совсем не знаю. Моя дочь любит его, а мне он не попадался". По ее тону я понял, что со сплетнями крымскими она еще не знакома. Мы немного поговорили, потом она попросила меня подождать минут десять, у нее дело. Вернулась она совершенно

изменившейся: холодной и надменной. Я потом вычислил, что она уходила читать Большую советскую энциклопедию. Во втором издании БСЭ Грин, как известно, изображен антисемитским, реакционным писателем-космополитом. Галину Степановну понять было можно: сама-то она Грина не читала, как же ей разобраться...

— Официального музея Грина создавать не будем, — решительно заявила она, садясь за стол и пристально меня разглядывая — что я за тип? Пропагандиру какого-то чуждого писателя. Может быть, я и сам из этих, как их? — абстракционистов. В тот год их как раз здорово били.

— Если что и получите, то только музей на общественных началах. Сейчас такие широко практикуются, — закончила беседу Кирилюк.

Она простилась со мной сурово, без тени улыбки".

Саша очень точно написал портрет этой Кирилюк. Я и сама бывала у нее и не раз. И с каждым разом эта дама встречала нас все более злобно и истерично. Наслушавшись в парткабинетах о "предательстве" Нины Николаевны, она возненавидела ее и твердо решила не допускать создания музея, где жена Грина имела какие бы то ни было права.

Я бы не сказала, чтобы в министерских дебрях наши атаки оставались совсем без ответа. Мы не позволяли чиновникам забывать о "Деле Грина". Результаты этого "внимания", к сожалению, радовали мало. Должностные лица из министерства культуры Украины несколько раз ездили в Крым "выяснить положение". Проводились совещания киевских должностных с должностными симферопольскими, писались распоряжения, по телефону давались указания, которые в конечном счете сводились к тому, что, да, Музей Грина организовать надо, но лишь на общественных началах, то есть без государственной помощи и без уча-

стия Нины Николаевны Грин, как директора или даже смотрителя музея.

Склонная к оптимизму, наша подопечная всю эту возню готова была воспринять за благо: все-таки наверху говорят о необходимости сохранять память Александра Степановича. Может быть, договорятся до чего-нибудь всерьез... Писала нам:

"По существу Домик А. С. с августа 1960 года уже и является общественным музеем, в котором я работаю бессменной общественностью. Прошло через него более 18 тысяч человек. А какие три тома записей!.. Нужели все сдвинулось с мертвой точки? Нужели я действительно подышу воздухом домика-музея А. С. Грина? Ведь с 1940 года это моя мечта..."

Что было ответить ей на это?.. Годы 1963 и 1964-й были временем очередных "идеологических заморозков". На этот раз в искусстве и литературе травили абстракционистов. "Литгазета" обрушила на читателей водопад назидательных статей на эту тему: выступили Софонов, Грибачев, Кочетов, Шолохов, Исаев – целый сталинский букет. При новом редакторе Александре Чаковском заголовки зазвучали, как военные приказы: "Воспеть подвиг народа", "Об ответственности художника перед партией и народом", "Бороться с чуждой идеологией". В периоды такого рода идеологических кампаний имя писателя Александра Грина, как правило, становилось нежелательным и неуместным. Со своей неподобающей, отдельностью, он переставал вписываться в литературу, которой приказано было служить, воспевать и быть ответственной. В пору холодов все меньше могла сделать для нас добрая и умна Фрида Вигдорова, работавшая в "Известиях", пере-

ставал отвечать на письма Нины Николаевны Константин Паустовский. Очередная поездка хозяйки Домика в Москву не принесла ей ничего, кроме разочарований.

“Трудно, трудно жить старому человеку, бьющемуся сердцем о камень”, – писала Грин Саше Верхману из столицы. Но видеть мир только в негативных цветах она попросту не могла. Узнавши, что геологи на Тянь-Шане назвали вновь открытый перевал именем Грина, она разражалась потоком радостно-грустных эмоций: “Мне плакалось от нежности и горечи. С одной стороны, великая любовь к Грину,увековечение его памяти в далеких, далеких горах, с другой – серая Кирилюк, которая никогда не зацветет А. С.”. Она писала, что силы ее убывают, и это было правдой. Мы это видели во время наших поездок в Старый Крым, а особенно в начале 1964 года, когда пригласили Нину Николаевну в Киев, где вместе с нами она в очередной раз обходила чиновничьи кабинеты. Наша взаимная нежность с ней после этой встречи еще более возросла.

Чувство спаянности и доверия все сильнее звучало с каждым годом в ее письмах:

“Но помните одно, все дорогие ребята, любящие Грина. Умру я, скажем, раньше нужного мне срока – продолжите в Старом Крыму гриновское дело, как бы это сделала я. И берегите там его память”.

Нас с Сашей тем временем начала мучить другая забота. По нашим расчетам гонорар за “Избранное” Грина, полученный Ниной Николаевной в 1956 году, должен был подходить к концу. На эти деньги она в течение восьми лет содержала себя, Домик, могилу Александра

Степановича, несколько раз ездила по делам музея в Москву, Ленинград, Киев. На пособие в 21 рубль, которое ей положили по старости, разумеется, не прожить. Весной 1964-го мы обратились за поддержкой к Максиму Рыльскому. Он - человек безотказный - тут же послал просьбу в Литфонд украинских писателей с просьбой определить Грин пенсию, как вдове писателя. Речь шла о 60 рублях в месяц, и Максим Тедеевич говорил об этой сумме извinyaющимся тоном - вот, дескать, какая малость, извините. Но мы и тому были рады, полагали: Рыльскому в такой скромной просьбе не откажут. Даже написали в Старый Крым, что дело сделано, скоро пенсию получите. Но летом шестьдесят четвертого Рыльский умер, и из разговоров с чиновниками Литфонда мы поняли, что наши надежды на пенсию для Грин - пустой номер. Что делать? Посыпать ей деньги самим? Мы очень этого хотели. Но как она отнесется к такого рода даянию?

В своей весенний приезд я попыталась это выяснить. Заговорила с Ниной Николаевной, что вот с пенсией все тянут, а деньги из гонорара кончаются. "Нина Николаевна, - осторожно начала я, - представьте себе, что была бы жива моя мама: ведь я помогала бы ей? Можно я буду посыпать вам пятьдесят рублей? Мне это только в радость..." Нина Николаевна разрыдалась: "Я так не могу... Я буду чувствовать себя зависимой и нищей. Государство должно, - понимаете, - должно помогать мне!"

Тогда я вдруг вспомнила, что деньги можно переводить со счета на счет, не указывая имени отправителя. Решившись на преступление, заглянула в лежавшую на столе сберкнижку

хозяйки Домика. Обнаружила, что от некогда "громадного" гонорара 1956 года восемь лет спустя осталось 14 рублей. Переписала номер счета и адрес сберкассы. Дважды мы перевели Нине Николаевне деньги из Киева. Но более рациональное решение пришло нам в голову позднее.

Летом 1964 года мы все трое два месяца провели в научной экспедиции. Саша числился в нашей группе рабочим, так он провел свой отпуск. Вернулись в Киев в конце июля. На столе - письма от Нины Николаевны. Конечно, устала - июль и август в Домике - самое горячее время. Писала, что тревожится об отсутствии назначенной ей Литфондом украинских писателей пенсии. Мы поскребли в затылке: наша ложь от доброго сердца обернулась для подопечной беспокойством и лишними волнениями. Надо было как-то выходить из положения. На совете "гриновцев" решили высыпать пенсию ежемесячно, якобы от Литфонда УССР. Дали телеграмму: "Назначена пенсия Литфонда сентября шестьдесят". Ответ последовал немедля телеграфом же: "Душа улыбается спасибо друзья". "Ну вот все разрешилось благополучно, - писала я в Старый Крым. - Будете получать $50 + 21 = 71$ руб. Это больше того, что могли бы дать местные - крымские власти. А всё дорогой Рыльский, - вдохновенно врала я, - который перед смертью не забыл о Вас".

В октябре мы с Сашей собирались в Старый Крым: двадцать третьего Нине Николаевне исполнялось семьдесят лет. Незадолго до нашего выезда от нее пришло письмо, где она, среди прочего, просила захватить копию постановления СП УССР о пособии. "Это необходимо,

чтобы на руках у меня был какой-то документ". Что делать? - задумались мы с Сашей. Не изготавлять же фальшивую бумагу... Понадеялись, что Нина Николаевна забудет о своей просьбе. Тогда, в шестьдесят четвертом, начала прогрессировать у нее болезнь, ставшая косвенной причиной ее смерти - потеря памяти. Всегда точная и обязательная, она стала забывать проставлять на письмах даты; отдаст кому-нибудь уникальные издания Грина, а потом пишет в отчаянии, что ее обокрали. Одни и те же события по несколько раз описывает в своих письмах. Думаю, что при той нагрузке, которая выпадала на ее долю, сбой памяти был неизбежен. Люди, ехавшие к ней толпами, бесконечные разговоры, хлопоты о Домике, огромная переписка - кто бы вынес это в ее возрасте? Голова у нее оставалась ясной, подводила память.

Впрочем, для забывчивости в ту осень были и другие причины. За несколько дней до нашего отъезда в стране произошел правительственный переворот: утром 16 октября ничего не подозревавшие советские граждане прочитали в газетах (или услышали по радио) сообщение:

"Четырнадцатого октября с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.".

Событие это, само по себе незначительное, пробудило у нас надежды: может быть, при смене караула выгонят из Крымского обкома

наиболее заклятых противников Гриновского музея. А может статься, уберут из "Известий" зятя Хрущева Аджубея и сотруднику этой газеты нашего друга Фриду Вигдорову перестанут травить, угрожая исключением из Союза писателей за ее страстную защиту поэта Бродского. Может быть, в новых условиях Фрида сможет написать и о Домике в Старом Крыму?..

Нина Николаевна была возбуждена последними политическими событиями. "Саша, — просила она, — расскажите, голубчик, что такое Брежнев? У него такие выразительные брови? Это о чем-то говорит?"

Юбилей прошел тихо. Вечером двадцать третьего мы сидели вчетвером. Нина Николаевна кажется была довольна. Сказала: "Как нам спокойно! Не люблю многолюдных застолий с тостами".

О своей просьбе насчет документа о пенсии она так и не вспомнила.

Глава 11. Поражение или победа?

Боюсь, что у читателей моих создастся впечатление, что друзья Нины Николаевны — люди, у которых нет иных забот, как только заниматься судьбой Домика; что в Старый Крым ездили мы от избытка свободного времени. Это не так, совсем не так. Саша Верхман напряженно работал все эти годы в своем конструкторском бюро и часто выезжал в нелегкие служебные командировки. Нина Комарова — химик — служила на одном из предприятий в Умани. Я продолжала свои ботанические исследования в академическом институте в Киеве, перемежая лабораторную работу экспедициями

в поисках лекарственных растений. При всем том мы, включая симферопольского поэта Бориса Сермана, сотрудника отдела культуры Крымского облисполкома молодого энтузиаста Геннадия Берестовского и многих других почитателей Грина, считали делом своей жизни помогать Нине Николаевне. В многолетних усилиях наших, в дружбе с оклеветанной вдовой Грина мы видели утверждение справедливости вообще, дорожили возможностью вести эту борьбу, хотя каждый из нас мог скорее прогадать нежели выгадать в этих сражениях с тупыми, безграмотными, но хитрыми и изворотливыми чиновниками.

Странная то была борьба: мы – "бунтовщики" – оставались всегда в пределах закона, а те, кому по должности надлежало поддерживать и защищать закон, в споре с нами постоянно попирали его. Защищали они в основном свои должности и свое служебное спокойствие, нам же клеили отнюдь не безопасные в условиях советского режима политические ярлыки. Нет, практически мы ничего не добились. При жизни Нины Николаевны музей в Домике так и не был создан. После пятнадцати лет забот о памяти своего мужа вдова Александра Грина умерла не реабилитированной по закону и оклеветанной. Никто из тех, кто возводил на нее злостную напраслину, не извинился перед ней, никто не признался в том, что участвовал в травле. Система, при которой рядовой человек – ничто, а чиновник – всё, осталась верна себе. Но и мы себе не изменили. Более того, мы оказывались победителями всякий раз, когда обращались к обществу, к народу, к молодежи.

Осенью 1964 года, возвращаясь после дня рождения Нины Николаевны в Киев, мы заехали в Симферополь. По счастливой случайности прямо на улице встретился нам наш единомышленник, длинный, худой и длинноволосый Геннадий Берестовский. Он шел куда-то с пачкой служебных папок под мышкой. Увидав нас, швырнул папки на тротуар и бросился обниматься. Мы зашли втроем к еще одному другу Нины Николаевны, поэту Серману. И тут в разговоре Саша Верхман изложил наш проект: устроить в 1965 году, к восьмидесятипятилетию Александра Грина, слёт его читателей в Старом Крыму. Саша показал письмо- обращение, текст которого мы оставили на столе Грина в Домике.

"ВСЕМ ГРИНОВЦАМ

23 августа 1965 года исполняется 85 лет со дня рождения Александра Степановича Грина. Мы предлагаем отметить этот день слётом романтиков Советского Союза. Если к 23 августа все вы на ракетах, самолетах, вертолетах, метлах, велосипедах, дрезинах, аквалангах, печках, мотопедах, а также пешим ходом хоть на один день прибудете в Старый Крым, слёт состоится. Думаю, что нам есть о чём поговорить, есть, что спеть и рассказать друг другу. ДУМАЙТЕ, ПРЕДЛАГАЙТЕ, СОВЕТУЙТЕ. Оставляйте свои адреса".

Геннадий и Борис встретили этот план с радостью. "Народу приедет много, я уверен, - сказал Гена. - Надо обдумать, как их разместить". "И чем кормить, - добавил Серман. - В общем, проблем будет много, но идея отличная. Жить ей, братцы, и жить".

Так и оказалось.

Зачем мы все это затеяли? По наивности? Из желания побаловаться? Да нет, все мы были

люди довольно взрослые и достаточно битые жизнью. И вместе с тем хотелось нам обрести свой собственный праздник, не подаренный, не указанный сверху, а подлинный, искренний праздник, которому вместе с нами порадуются тысячи и тысячи читателей. Но затеивая слёт, принимали мы в расчет и нравы своего отечества. В середине 60-х идеологическая служба уже не могла запретить празднование дня рождения Грина. Мелкие пакости, разумеется, будут, мы это знали, но в целом Грин и мы самим стал необходим. Обнищавшая идеями и идеалами, утратившая романтику революции, энтузиазм эпохи реконструкции и патриотизм времен Второй мировой войны, система нуждалась в инъекции романтики. Грин нужен был идеологам как источник романтической, ободряющей струи, которую можно присвоить, объявить своей, советской. Так что призыв наш к гриновцам не чужд был официозной установке. Двусмысленность? Мы у себя на родине давно к ней привыкли...

В те годы в стране уже начали возникать разрешенные властями группы любителей Грина. В Ленинграде возник большой литературный клуб старшеклассников "Алые паруса". В июле 1965 года "парусята", как прозвала их Нина Николаевна, приехали в Крым. Сначала они побывали в Домике, затем ушли в Коктебель и там у подножья Кара-Дага, над Лягушачьей бухтой создали палаточный городок "Зурбаган". Каждая палатка имела в этом городечинце свое "гриновское" имя: Марианна, Бриз, Посейдон, Бригантина, Секрет. В городе были улицы Флибустьеров и Двенадцати ветров, площади Дискуссии и Фрези Грант. Нину Нико-

лаевну привезли в "Зурбаган" на специальном катере. Двое ребят подняли ее на шезлонге по крутой горе вверх. (Она весело и гордо надувала щеки: "Несут как королеву!"). Ей показали улицы города, предоставили место под тентом на надувном матрасе и преподнесли тарелку с ее любимым блюдом: манной кашей. День был ясен и тих, море зеркально-голубое. "Как я по нем соскучилась", - сказала она, не сводя глаз с морской глади.

Потом был концерт. Ребята пели песни на слова Грина и песни о нем. Был прочитан отрывок из "Бегущей по волнам" о Несбывшемся:

"Рано или поздно, под старость или в расцвете лет
Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь по-
нять, откуда долетает зов. Тогда, очнувшись среди
своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым
днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом ста-
ряясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшее-
ся? Не ясен ли его образ?"

Концерт завершился постановкой новеллы "Словоохотливый домовой". Следующим номером программы Первову и Верхмана принимали в члены клуба "Алые паруса". После произнесения клятвы ("Я вступаю в клуб для того, чтобы быть со всеми, кто любит людей и книги, дороги и моря. Я клянусь всегда идти в ногу со временем, не страшась ветра в лицо") в нашу честь над вершиной Кара-Дага взлетела алая ракета. Нам вручили значки: белый ромб с острым парусом и буквами ЛК...

Было много и других сюрпризов 23 июля. Но приезд "парусят" запомнился мне, к сожалению, не только этим. В тот первый день, когда тридцать четыре члена клуба в белых рубашках, синих шортах с панамками на головах подошли к Домику, меня поразил унылый вид школьников. С чего бы, казалось, 15-16-летним маль-

чишкам и девчонкам удручаться, едучи на свидание с Грином? Оказалось, что причина для расстройства у них была серьезная. Едва их группа с двумя учительницами сошла в Старом Крыму с автобуса, как к ним подошли двое и по поручению председателя горсовета, некоего Сотникова, посоветовали в Домик не ходить и с Ниной Николаевной не встречаться. Тут же была преподнесена детям "крымская легенда" об одиноком Грине, брошенном женой и умирающем на соломе. Дети были потрясены этой встречей. Они с опаской подошли к Домику, пряча за спины приготовленные букеты полевых цветов. К ним вышла ничего не подозревавшая Нина Николаевна и начала рассказ о Грине, о их жизни в Крыму, о его последних днях. Чем дольше говорила она, тем явственно светлели лица "парусят". А вечером мы вместе с учительницами окончательно развеяли клевету старокрымского начальства. Мы подружились с ленинградским клубом, ребята нам поверили. Но сколько туристов, приезжих, обработанных таким вот образом в гостинице, в кафе, на улицах Старого Крыма, увезли с собой горькое чувство обиды за любимого писателя, брошенного предательницей-женой. Впрочем, что говорить о туристах, если сам Илья Григорьевич Эренбург, клятвенно обещавший поддержать борьбу за музей Грина, наслушавшись "крымских легенд" и учуяв носом опытного дипломата опасность, прислал нам с Сашей письмо, уместившееся на полутора строках: "Уважаемые т.т. Первова и Верхман! Я не желаю иметь никакого касательства к делам Н. Н. Грин". Текст невелик, но для характеристики автора материала сколько угодно...

И все-таки, повторяю, всякий раз, когда мы через головы должностных лиц говорили об Александре Грине с читающей публикой, мы замечали нечто такое, что радовало нас и Нину Николаевну.

В тот июльский вечер, когда мы рассказывали "парусятам" правду о супругах Грин, возникла идея: на горной площадке над кладбищем сложить башню из камней. Смысл сооружения виделся нам в том, чтобы подсказать (нет, не современным чиновникам, а может быть, людям будущего) мысль о необходимости памятника писателю. Идея была радостно подхвачена нашими слушателями и уже на следующий день "парусята" принялись таскать камни. К вечеру на площадке поднялась уже довольно высокая пирамида, увенчанная плоской треугольной плитой с высеченной на ней бригантиной под алыми парусами. К основанию пирамиды прислонили плиту с надписью: "Здесь должен быть памятник А. С. Грину". А чтобы идея эта не захирела и не была забыта, мы оставили в Домике на столе Александра Степановича обращение: "Дорогой товарищ! Над Старокрымским кладбищем заложено основание будущего памятника капитану романтиков - Александру Грину... Считай своим долгом принести туда обыкновенный камень".

История эта имела обычное в подобных случаях продолжение. Никем не разрешенное и идеологически сомнительное сооружение вызвало негодование властей. Камни растащили, доску с надписью разбивали дважды. Но ребята жаловались в высокие инстанции и местным чиновникам приходилось все восстанавливать заново. С 1967 года 23 августа наш тур стал

местом подъема паруса в честь дня рождения Грина. Сперва это был маленький парус; потом возникла стройная дюралевая мачта и настоящий, видный издалека парус. Его поднимали рано утром. Проезжие машины останавливались, люди выходили, не веря своим глазам. Тур стал местом встреч, местом возникновения дружб.

Но эти ежегодные встречи начали тревожить КГБ. К нам стали подсыпать "гринолюбов" в штатском, которых мы без труда разоблачали. Однажды, после очередного слёта "гринян", с площадки исчезли парус и мачта. Местные милиционеры, к которым мы обратились с жалобой, объяснили: кражу совершили работники КГБ. Как известно, милиция и КГБ - организации хотя и близкие, между собой не слишком дружные. В ответ на кражу друзья Грина сделали новую, более тяжелую мачту и она простояла несколько лет. Однако к столетию Грина, в 1980-м, местные власти все-таки добились своего: они разбросали собранные парусятами камни, а возле рухнувшей мачты устроили городскую свалку. Подъем паруса стал официальным, санкционированным сверху мероприятием, его перенесли на противоположную сторону города, подальше от кладбища и дорог. Мы, ветераны этой традиции, в официозном мероприятии участия не принимаем.

Так оно и шло в течение 60-х годов: покойного писателя причесывали, официализировали и вместе с тем делали все, чтобы подавить любую инициативу, которую проявляли по отношению к Грину рядовые читатели. В Старом Крыму, где совсем еще недавно ходила-гуляла легенда о том, что Грин вообще здесь никогда не жил (умер-де на пароходе, плывшем из Ялты

в Феодосию), вдруг переименовали кинотеатр "Прогресс", дав ему вполне гриновское имя "Мечта". А второй, только что построенный кинотеатр нарекли опять-таки под Грина "Бригантиной". И одновременно киевские и крымские начальники вполне серьезно обсуждали вопрос о том, чтобы перенести прах писателя в Феодосию (1966) и таким образом искоренить паломничество приезжих в Домик и на местное кладбище.

В печати то и дело появлялись монографии и статьи о Грине, полные передержек: писателя настойчиво перекрашивали и перешивали по советской мерке. Все эти "портные" и "маляры" с высшим образованием и билетами Союза писателей в кармане делали свое дело (в 60-е годы и позднее), игнорируя факты истории, свидетельства современников и запечатленную в его собственных книгах позицию самого писателя. Перекраска Грина продолжается поныне. В 1980-м, на вечере, посвященном столетию Александра Степановича, поэт Сергей Наровчатов патетически восклицал: "Нельзя забывать, что цвет алых парусов – это цвет революции, цвет Октября!"

Явственно ощущали мы все эти годы и стремление властей любыми средствами оторвать от памяти Грина Нину Николаевну. Редактор шеститомного собрания сочинений Грина литературовед В. М. Россельс пригласил ее подготовить комментарий к произведениям, помещенным в этом издании. Нина Николаевна всерьез взялась за сбор материалов, но очень скоро по приказу свыше, от ее услуг отказались. Несколько раз делались попытки реабилитировать вдову Грина. Наиболее решительно взялся за

это Сергей Сергеевич Смирнов, писатель, прославившийся тем, что восстановил справедливость по отношению к защитникам Брестской крепости, сидевшим сперва в немецких, а затем в советских лагерях. Но и Смирнов ничего не смог сделать. "Не то время", - говорили ему наверху. А иногда отвечали и более грубо: "Вы уже достаточно нареабилитировали. Хватит".

В пенсии Нине Николаевне также отказывали. Мы продолжали посыпать ей "пенсию Литфонда", но кто-то проболтался о происхождении этих денег. Она пережила это открытие очень тяжело. Я слышала ее ответ на вопрос экскурсантов, помогает ли ей государство. "Нет, регулярную помощь присыпают друзья из Киева, но, согласитесь, что так быть не должно..."

Глава 12. Под занавес

Хотя главным объектом гонений все эти годы оставалась Нина Николаевна, не обошла карающая десница и меня. Из Крыма в Киев пришел донос. Тамошние власти не простили нам с Сашей излишней активности в истории с Домиком. Сашино начальство на донос внимания не обратило, а за меня, как за члена правящей партии, взялись всерьез.

Однажды, придя в институт, я увидела объявление, извещавшее моих коллег, что на следующей неделе предстоит открытое партийное собрание, где будет рассматриваться "персональное дело Первовой Ю. А.". Но до собрания мне предстояло пройти еще через одно сито - партбюро. Бюро заседало в кабинете директора. Заглянув в начальственную дверь, я увидела знакомый шиньон: избивать меня пожаловала та

самая дама-лошадь из министерства культуры, которую мы с Сашей особенно часто беспокоили в последние годы, заведующая отделом музеев Галина Степановна Кирилюк.

Персональное дело было подготовлено на высоком уровне. Сперва заседали без меня, а я сидела в приемной и каялась. "Сама во всем виновата, - думала я. - Чего полезла в ряды? Положим, позвали, но уговаривать не пришлось - почла за честь! И когда?! В сорок девятом! Вот и мыкайся теперь. Поделом". Меня позвали. По-разному взирали на паршивую овцу судьи, сидящие в кабинете. Наш партийный секретарь, молодая женщина, - с дружеской и печальной укоризной: "Как вы могли?" Директор - с откровенным любопытством. Мой сотрудник по отделу, добрейший человек, - жалостливо: "Ой, что сейчас будет!" Главным грехом моим была дружба с Ниной Николаевной Грин, которая... И тут последовал обычный набор сплетен. Информацию по этому поводу давала все та же Кирилюк. "Первова проявила политическую незрелость. Зная все эти факты, она не дала им надлежащей оценки. Наше оружие - бдительность".

После того как все присутствовавшие, и в том числе Кирилюк, выступили, незначительно варьируя тезис о бдительности и незрелости, мне тоже дали слово.

Я сказала: то, что здесь было названо фактами, на самом деле - чистейшая ложь; что есть о том документы, есть и свидетельства. Меня не попросили показать документы, никто не интересовался свидетельствами. Видимо, все было решено заранее. Затем последовало партийное собрание, где вина мои были сформулиро-

вана окончательно: мне дали выговор "за политическую незрелость и недоверие к руководящим партийным работникам". После этого последовало еще девять партийных инстанций, где продолжалось обсуждение моей судьбы. Про все рассказывать противно, но кое о чем все-таки вкратце упомяну.

Парткомиссия состояла из отставников КГБ. Старики понятия не имели о писателе Грине, тем не менее, они заверяли, что любят его, и даже знали, что он написал про какие-то паруса не то голубые, не то розовые. Мой серенький, неприметный "выговор без занесения в личное дело" в руках кагебешников превратился в "строгий выговор с занесением". Потому как не признавалась, не каялась... Потом последовала проработка в парткоме Президиума Академии наук Украины.

Саша был в это время в командировке. Перед отъездом тревожился: "Вас будут избивать, а меня не будет рядом". Вернувшись после очередной проработки, я нашла в почтовом ящике его письмо:

"После парткома, - писал он, - надо помыть руки, поставить Первый концерт Шопена, представить себе зимний лес (или весенний, по выбору) и сразу станет чисто и легко. Ибо для этого созданы мы, а не для парткомов".

Самыми злобными были две последние инстанции: партийная комиссия и районный комитет партии. Внешность председателя парткомиссии, высокого старца с седыми вьющимися усами и вполне осмысленным, как мне показалось, выражением худого лица, приятно удивила. Ненужели и в парткомиссиях случаются интеллигентные люди? Я ошиблась и на этот раз. Он

спросил меня: "Неужели вы любите Грина? Вы же коммунист". - "А что, его издают в нашей стране только для беспартийных?". Стариk поморщился: "Не думаю, чтобы его так уж часто издавали". Я напомнила ему, что в прошлом году вышло шеститомное собрание сочинений Грина тиражом в миллион экземпляров. "Нет, вы что-то преувеличиваете. Грин был мистик и носил вериги. Смеетесь? Одну минуту". Он вышел и вернулся с 12-м томом Большой советской энциклопедии (второе издание) и прочитал мне ту пресловутую статью, к которой не раз уже обращались наши оппоненты. Слова "мистика", "мистицизм", "мистик" повторялись там несколько раз. "А где же вериги?" - поинтересовалась я. Стариk промолчал. Логика для него, очевидно, заключалась в том, что где мистика, там ищи и вериги. "Я знаю эту статью, но том вышел еще в пятьдесят втором году". Стариk не растерялся: "А в пятьдесят втором вы любили Грина?" - "Конечно, я люблю его с детства". Стариk торжествовал. "Вот видите. Вы тогда уже были коммунисткой, а издание энциклопедии партийное..." Против подобной аргументации возражать было трудно: я обязана была во всем совпадать с изгибами линии партии. В заключение председатель сурово сказал: "Вам не строгий выговор надо дать, вас исключить следует". Но не исключили. Из партии я вышла сама. Несколько позднее.

...23 августа 1965 года. Александру Грину - 80. Саша записывает в дневнике:

"Народу в Старый Крым наехало множество, говорят, две тысячи. Их размещают в школе, библиотеках, палатах. Вот что мы наделали.

Часов в десять утра поднялись суета и многолюдье. Появились киношники и телевизионщики из Симферополя. Мученики и мучители. Нина Николаевна должна была держать кораблик с алыми парусами и двигаться, двигаться, чтобы строить им кадр, сюжет, фактуру и натуру. Потом им понадобился молодой улыбающийся парень со значком ЛК. Меня с моей еврейской физиономией вежливо отклонили, придравшись к моей небритости.

Приехал Вадим Ковский, высокий, красивый, дружелюбный, хорошо воспитанный интеллектуал-аспирант. У него диссертация по Грину. Кроме того, он написал стихи о Нине Николаевне, которые тут же прочитал:

Этот Домик вовсе не музей,
Знаменит не редкими вещами:
Этот Домик просто для друзей
Женщины с лучистыми глазами.

Нас сюда дороги привели
Не затем, чтоб поклоняться стенам.
Мы поклон отвесим до земли
Этим много повидавшим стенам.

И услышим тихий голос той,
Что сумела, не согнувши спину,
Сквозь беду и боль пройти с мечтой,
Много лет назад рожденной Грином.

Здесь одно лишь ясно вновь и вновь –
Хоть судьба людей нещадно метит,
Должно верить в Верность и Любовь,
Коли этот Домик есть на свете.

Из Коктебельского Дома творчества приехал микроавтобус с писателями. Среди них – Сергей Сергеевич Смирнов. Все смотрели на Смирнова, а он шел к Нине Николаевне, сидевшей на крыльце в своем шезлонге. Толпа расступилась. Сергей Сергеевич подошел и поцеловал ей руку. Стало очень тихо”.

А теперь я, Первова, продолжаю хронику юбилея по своим записям.

Юбилейный митинг проходил в новорожденной “Бригантине”. Перед кинозеркалом стоял длинный стол, покрытый красной скатертью и заставленный цветами. За ним, во всю ширину

киноэкрана, был укреплен портрет юбиляра. Нина Николаевна огорченно сказала: "Как страшен и непохож Александр Степанович!" В этой непохожести было что-то символическое. Мы сели в первом ряду. Зал был полон. На деревьях, окружавших кинотеатр, примостились мальчишки.

Митинг задерживался. Прошло двадцать минут, а из кинобудки, где уединился Смирнов с местным начальством, никто не выходил. Нина Николаевна начала волноваться, и я пошла узнать, в чем дело. Поднимаясь по узкой железной лестнице, услышала голоса: один принадлежал секретарю Кировского райкома Ковалеву, который орал: "Я не посажу Грин в президиуме! Народ не допустит". - "Успокойтесь, - ответил ровным голосом Смирнов. - Нина Николаевна будет сидеть рядом со мной". Он действительно провел ее на сцену и посадил за стол президиума рядом.

Митинг открыл секретарь райкома, известный жителям района благодаря своей татуировке на руке и весьма грузной фигуре, под кличкой "Витя пузатый". Оказалось, что он всю жизнь любил "передового советского писателя" Александра Грина; что Грин принимал участие в революции; что жители Старого Крыма гордятся своим земляком. Заключительная часть выступления была по привычке посвящена достижениям сельского хозяйства в районе. Хлопали вяло.

Следующим было выступление Смирнова:

"У Грина, - сказал он, - удивительная посмертная судьба. Кривая любви к нему после многих лет забвения - не по вине читательской аудитории, скажем прямо, - идет крещендо. Его шеститомник, только что вы-

шедший огромным тиражом, уже раскуплен... Здесь секретарь райкома изъяснялся в своей любви к Грину. Любовь эта вызывает у нас, писателей, известное сомнение: город, казалось бы, в самом деле должен гордиться, что в нем незадолго до своей смерти поселился Грин, в старокрымской земле похоронен. Но где же улица Грина? Почему Домик-музей не на государственном обеспечении? И здесь будет уместно сказать о беспримерном мужестве вдовы писателя, Нины Николаевны Грин (Бурные аплодисменты. Все встают. Секретарь райкома вытирает лоб)... За вашу отвагу, за вашу работу для памяти Александра Степановича – спасибо вам, дорогая Нина Николаевна! Все мы, любящие Грина, никогда не забудем того, что вы для нас сделали".

Смирнов склонился к руке Нины Николаевны, аудитория зарукоплескала.

Была на той встрече и художественная часть, но крайне короткая. Актриса из Севастополя прочитала отрывки из "Алых парусов", а феодосийский поэт Марк Кабаков произнес свои стихи. Едва он дочитал последнюю строку, как "Витя пузатый", довольно невежливо отодвинув поэта, объявил, что "митинг" закрыт. "Почему?" – кричали молодые горячие голоса. "Почему закрыли? Откройте!" Подошла группа моряков. Они приехали с песней о Грине, но им не разрешили выступить. "Сергей Сергеевич!" – взывали к Смирнову. Он пожал плечами: "Я здесь не хозяин..." Большая толпа молодежи ушла в лес, подальше от всевидящего ока власти. Там продолжалась художественная часть: пели, читали Грина, говорили о нем.

Закончился этот вечер и вовсе неожиданно. Сидели мы с Ниной Николаевной на скамейке в саду Домика, вдруг с улицы раздались крики: "Смотрите! Смотрите!" По улице двигалось факельное шествие. Мальчики и девочки, пионеры из лагеря Артек, остановились у калитки с криками: "Слава Грину! Слава Нине Николаев-

не!" Потом колонна юных "факельщиков" двинулась к кладбищу, а оттуда по крутой тропе вверх, туда, где была сложена каменная пирамида - предшественник будущего памятника Александру Степановичу. Мы долго глядели, как в ночной темноте ползла все выше и выше огненная цепочка. Пламенные точки совершили ряд взлетов, вычертив нечто похожее на буквы "А" и "Г". Нина Николаевна глядела туда блестящими глазами. Повторяла: "Ну и день! До чего душа переполнена! Хорошо хоть я дожила!"

...Победа или поражение? Не знаю. Знаю только, что в ту "оттепель" мы, гриновцы, сказали вслух все, что хотели сказать о Грине, о себе и о них. А это немало.

С туром на горе связано еще одно воспоминание. В один из дней рождения Нины Николаевны мы приехали к ней и, как обычно, втроем пошли на кладбище, к могиле Александра Степановича. Сели на скамью. Постучав палочкой по каменистой земле, Нина Николаевна уверенно, с радостью даже в голосе сказала: "Здесь я буду лежать". "Ходить будут", - заметила я. "Так ведь к Александру Степановичу", - возразила она.

Потом мы поднялись к туру. "Лучшего памятника А. С. не надо", - сказала Нина Николаевна. И продолжала: "В первый год нашей жизни здесь мы часто поднимались по этой тропе на Агармыш. Лес там, вы знаете, густой, деревья огромные, а в погожие дни видно море. Мы были очень счастливы, что сюда приехали... здесь было так надежно, такая тишина. Это ведь позже началось - голод, нищета, болезни. А в первые месяцы мы много ходили вдвоем и

чаще всего сюда. Подъем одолеем, остановимся, смотрим на море".

Эти слова мы вспомнили, разбирая архив Нины Николаевны после ее смерти. Нам встретился пожелавший лист из ученической тетради - видимо, введение к записям о Грине, сделанное ею в лагере на Печоре.

"Мне трудно писать воспоминания, - прочитали мы, - так как я принадлежу к той породе людей, в душе которых не запечатлеваются все мелочи духа и быта, являющиеся рисунком на жизненной канве, таким драгоценным, чтобы дать представление другим о прожитой жизни.

В душе и памяти моей сильнее всего аромат пережитого или олицетворение его. Так жизнь моя с Александром Степановичем - это аромат не пряно пахнущих цветов, даже горькие ее минуты, а запах чебреца, полыни, прекрасные по-своему.

А олицетворение ее я увидела, приехав в Старый Крым. Это вид с Агармыша на Феодосию при заходящем солнце: в золотой чаше берегов лазурь черноморских вод. Это и есть наша с Александром Степановичем жизнь... Многим... мои воспоминания, быть может, покажутся идеализацией его образа. Это неверно. Ее нет в моих воспоминаниях - светел для меня образ Александра Степановича. Для меня он всегда был таким, как в его рассказах, то есть настоящим.

И неужели пленительная чистота и душевная свежесть, и мужество его искусства не засияют полным светом поглотителям наших потерянных дней?

1952 г.
с/х Иоссер

Н. Грин".

Вместо эпилога

Нина Николаевна скончалась в Киеве 27 сентября 1970 года. Согласно воле покойной, выраженной в духовном завещании и обращенном ко мне и к Александру Верхману - пове-

ренным при ее жизни и душеприказчикам после ее смерти – мы должны были похоронить Нину Николаевну в семейной ограде на старокрымском кладбище между могилами Ольги Алексеевны Мироновой, ее матери, и Александра Степановича Грина, ее мужа.

Гроб был перевезен из Киева в Старый Крым. Местные власти отказались выполнить волю Нины Николаевны. Было проведено четыре срочных совещания на областном уровне. Решения были однозначны. Мы звонили в Москву в Союз писателей. Они звонили в ЦК коммунистической партии Украины. Высшее начальство подтвердило: "Все правильно. Не разрешать".

Гроб, обтянутый темно-красным газетом, стоял в Домике. Люди шли проститься и несли цветы. Старушки подходили к гробу, крестились: "Как это Валька Поздеева не побоялась нарушить волю покойницы Что это делается..." Валентина Ивановна Поздеева, председатель Старокрымского горисполкома, женщина толстая и решительная, на наши вопросы ответила: "Она была поклонница фашизма и изменяла Грину". Шли дни. Нам надо было возвращаться домой. Все мы отпросились с работы, сроки истекли.

В субботу 3 октября у Саши Верхмана состоялся последний разговор с председателем райисполкома, носившим многозначительную фамилию Планетов. Планетов заявил, что мы им надоели, мы мешаем им работать, и они сами без нас похоронят Грин. Обещано было, что автобус приедет за гробом в 4 часа дня, но прикатил он в 12. Кроме рабочих, в нем сидел некто в штатском. Сбежались жители улицы. Слышались их вомущенные голоса: "Почему не

подождали людей? Школьники за цветами пошли! Фашисты!" Не обращая внимания на крики, рабочие вынесли гроб из Домика и поставили в автобус. На следующей улице к толпе, сопровождавшей машину, присоединилась большая группа туристов. Их оттаскивали, им угрожали: "Отведем в милицию!" Их уговаривали: "Вы знаете, кто была жена Грина? Она предавала советских людей".

Могила на кладбище была вырыта метрах в пятидесяти от ограды Гринов. Опустили на веревках гроб. Все происходило в полном молчании. Мы стояли в стороне. Туристы рядом с нами. Рабочие насыпали холм. Сверху ткнули деревянную пирамиду кирпично-красного цвета. Оплеванные, обесчещенные, смотрели мы на это кощунство. У всех была одна мысль: "Перехоронить! Когда?"

В Киеве мы с Сашей окончательно решили тайно перехоронить Нину Николаевну через год, в день ее рождения 23 октября 1971 года. Проконсультировались у знакомого юриста. Он рекомендовал отказаться от этой затеи. Мы не вняли. "Тогда имейте в виду, если вас поймают на месте - получите по три года; вас подведут под статью Уголовного кодекса об осквернении и ограблении могил. Успеете перенести гроб в могилу Грина - обе статьи отпадают". "Следовательно, надо спешить", - резюмировал Саша. "Ну вот, вы все поняли", - покачал головой юрист.

В Симферополе были двое ребят, два Виктора, на которых мы рассчитывали. Третьим нашим помощником оказался Феликс, сын моей приятельницы. Узнав, что я в конце октября еду в Крым, Феликс спросил, что я собираюсь там

делать. "Восстанавливать справедливость". Он сразу догадался. "Можно я с вами? Вот только денег на дорогу..." Я сказала, что деньги будут. "Тогда все в порядке. Еду с вами", - сказал Феликс. В Симферополе стояла теплая крымская осень. Поехали к одному из Викторов. Произошел запомнившийся диалог: "Вы просто так приехали или не просто так?" - "Не просто так, Витя". - "Наконец-то! Сейчас пойду за Виктором. Как я рад!" Он вернулся со вторым Виктором. Ребята были взволнованы предстоящим. "Есть еще один доброволец, - сказал Виктор-второй. - Мой друг Николай. Давно рвется". Договорились встретиться 22 октября вечером на автобусной станции в Старом Крыму и расстались.

Саперные лопаты, отправленные из Киева, ждали нас с Сашей в Коктебеле на почте. На турбазе Саша одолжил у старого знакомого ледоруб. Туманно пояснил: "Для подъема в горы". Было решено, что сначала я сама поеду в Старый Крым, чтобы проверить, как примут там мой приезд. Утро 21-го в Старом Крыму было холодное, ветреное, с низким небом. Я попросилась ночевать к знакомой простой женщине. Сказала, что приехала отметить день рождения Нины Николаевны и привести в порядок ее могилу. Нарочно, чтобы обратить на себя внимание местных властей, побывала в главных присутственных местах: в ресторане "Горном", в библиотеке, в универмаге. Знакомым говорила все то же: буду приводить в порядок могилу.

В сумерках пошла на кладбище. Там не было ни души. Зашла в ограду, села под алычей. Быстро темнело. Вспомнилось, как мы сидели с Ниной Николаевной здесь несколько лет назад

и она, постукив палочкой по земле, сказала: "Здесь я буду лежать!", - радостно уверенная, что ее воля будет выполнена. Около могил было тихо, но каждый звук заставлял напрягаться. Послышались осторожные шаги. Я вышла за ограду и спросила, стараясь, чтобы голос звучал твердо: "Кто здесь?" Это была кошка. Просидев два часа и никого не дождавшись, я поняла, что крымских властей мой приезд не насторожил.

Весь следующий день - 22 октября - лил холодный ровный дождь. Я была в отчаянии: ребята не приедут в такую погоду. Но вечером на автостанции меня встретили и Феликс и Виктор-первый. Потом запыхавшись прибежал Саша: он нес лопату - выпросил у моей хозяйки. Саша посмотрел на часы, сказал: "Пора. Остальные найдут нас на кладбище". Подходя к воротам кладбища, услышали голоса: это были только что приехавшие Николай и Виктор-второй. Мы облегченно вздохнули: все в сборе...

Двое начали копать в ограде, трое - раскрывать холм над гробом Нины Николаевны. Я сидела на стреме, на скамье, ведущей к могиле Грина. Поднялся ветер, он заглушал стук лопат о камни, шаги, голоса. Часа через два ко мне подошел Виктор-первый: "Юлия Александровна, до гроба дошли". В стенках раскрытой могилы были укреплены два фонарика. При их свете я увидела гроб Нины Николаевны. Стоя в яме, Николай подводил под него веревку. Меня охватило чувство огромного облегчения. Теперь все дело почти сделано. Подошел Саша. "Опасности, что нас накроют, почти нет, - сказал он, - пойдемте, я провожу вас". Свою хозяйку я предупредила, что задержусь на дне рождения;

она поджидала меня. "Я тебе в гостиной постелила, Александровна. Как справили? Гостей много было?" - "Да нет, немного, - ответила я. - А так все хорошо".

Мне не спалось. Когда рассвело, я заняла пост у окна. Около семи появились три фигуры: Саша, Николай и Виктор-первый. Увидав меня, замахали руками, стали показывать, что все в порядке. Слава Богу! Камень с души... Я пошла к хозяйке и попросила ее приютить и этих троих, дескать со дня рождения идут. Она дружелюбно всех разложила, двоих на кровати, одного на диван. Я ни о чем их не стала спрашивать, и они мгновенно уснули. Только Николай успел, засыпая, сказать: "Самые счастливые похороны в моей жизни".

В десять утра я их разбудила. Саша сказал, протирая глаза: "Какой странный сон приснился". - "А я уже не спал, - отозвался Виктор. - Лежу, смотрю кадр за кадром и не верю". - "Вот если так вкалывать на моем родном заводе, - подал голос Николай. - Быть бы мне ударником коммунистического труда". Пошли проводить на первый автобус Феликса и Виктора-второго, которые ночевали у каких-то знакомых. По дороге гробокопатели мои рассказывали со всеми подробностями, что происходило после моего ухода с кладбища. Гроб несли, сменяясь. Освещенный огнями с шоссе, он, казалось, плыл по воздуху. Не исключено, что если бы в эту пору забрел на кладбище местный житель, то пошла бы гулять по окрестностям легенда о том, как Нина Николаевна сама себя перехоронила. Рыть в ограде оказалось очень трудно, в земле было много камней. Для гроба сделали нишу и заложили ее

камнями, чтобы было надежнее. Когда закончили работу, Саша включил магнитофон. Еще в Киеве он для этого случая записал "Лякrimозу" из "Реквиема" Моцарта. Я себе представила: предутренняя тишина и вдруг над кладбищем звучит эта удивительная музыка... На дворе стояла солнечная погода: 23 октября тысяча девятьсот семьдесят первого года, суббота, день рождения Нины Николаевны Грин.

*

Год спустя у Виктора-второго власти произвели обыск. Никакого отношения к Нине Николаевне обыск тот не имел, но гебешники обнаружили дневник, в котором будущий историк бисерным почерком описывал события осени 1971 года. Ребят вызвали в КГБ; они вели себя достойно. Да, перехоронили, но вины своей в этом не видят. Им угрожали, пугали, дескать, Первова и Верхман уже сидят. Потом вызвал их прокурор Крымской области. На столе его лежали три незаполненные ордера на арест. Прокурор долго говорил, как нехорошо идти против власти, как строго за это карают. При этом многозначительно поглядывал на ордера. Но конец истории оказался счастливым. "Пусть вам это будет уроком на всю жизнь, - сказал прокурор, - а сейчас вы свободны..." Не веря своему счастью, ребята ушли. Больше их не трогали.

Теперь стало возможно открыто говорить людям о том, что Нина Николаевна похоронена рядом с Александром Степановичем. Как хорошо было дарить эту "тайну" людям, огорченным

тем, что Грины врозвь. Всем, кто любит Грина, кто знал и любил Нину Николаевну, было нужно, чтобы ее (да, бесспорно, и его) воля была выполнена.

Шумит старая алыха над тремя могилами.

Виктор БЕСКРОВНЫХ

Еще о Чернобыле

Благодаря своевременным и решительным действиям Политбюро, ЦК и правительства, четкости и оперативности местных органов по локализации аварии и эвакуации населения, мы не имеет тех последствий, которые могли бы иметь.

"Правда Украины" 22.04.87

"С заботой о людях", страница третья. Я плакала. Зашла в ванную, включила воду и плакала. Мне так обидно было за людей, за неправду. Газеты писали неправду. Может быть, впервые я воочию столкнулась с этим. Знать реальную суть и читать такие лживые статьи - это потрясение страшное, это душу выворачивало.

Л. Ковалевская, корреспондент чернобыльской газеты "Трибуна энергетика"

Два года я уходил от этой темы. То, что газеты давали о Чернобыле, походило на правду, как выхлопные газы на кислород. Привычный к такой особенности отечественной прессы, я ждал, когда накопится наконец критическая масса материала, чтобы уже стало возможным

Статья получена от Московской группы Международного общества прав человека.

извлечь из нее нечто, несомненно связанное с правдой. И когда московская группа Международного общества прав человека предложила мне написать обзор о Чернобыле, я не раздумывая купил билет до Киева.

...Чудесен Киев, просто нет слов. Весеннее солнышко пробует силу, я иду по Крещатику, неторопливо поглядывая вокруг. Все прекрасно, и вдруг замечаю через пару-другую часов, — не хватает мне чего-то, какой-то малой, наверное, но важной мелочи. Так бывает, если придешь не ко времени в гости, и вроде рады тебе, и внимательны, но что-то не так, что-то мешает тебе быть естественным. И вдруг понял — воробьев, мне не хватало воробьев, обычного городского воробышного племени, рассыпанных шумных стаек, вспархивающих вдруг с куста. Я не увидел их в Киеве, наверное, их там все еще очень мало, даже спустя два года, — воробьев, отыскивающих в пыли невидимые зерна, крошки и еще что-то только им ведомое. Именно эти крошечные зерна и жучки стоили птахам жизни за сто километров от катастрофы.

Западным журналистам, посетившим Чернобыль и Припять через двенадцать месяцев, уже поздно было, конечно, обвешиваться радиометрами, но думаю, стоило бы внимательно присмотреться к количеству и качеству живой твари вокруг, чтобы точнее приборов определить схваченные в те дни дозы. Наверное, это помогло бы освободиться им от гипнотизирующего хора всех средств нашей печати, радио и ТВ, на все лады уверяющих, клявшихся и убеждавших в чистоте и безопасности Чернобыля, Киева, области, республики, Европы.

В библиотеке имени КПСС

В республиканской библиотеке имени КПСС меня ждала целая картотека о Чернобыле, прямо море статей, океан строчек, поглотивших правду. Только за первый год после катастрофы опубликовано более 450 материалов в газетах и журналах, проведено более десяти пресс-конференций, построено более ста двадцати защитных дамб, обводных каналов и ловушек.

Было бы поучительно подробнее разобрать столь мощное дезинформационное сооружение, но объем статьи не позволяет мне особо вдаваться в детали. Главное, в ходе анализа Чернобыльской трагедии мне, кажется, удалось увидеть другое – некий общий сценарий развития событий на самом деле и его отражение в печати и других средствах массовой информации, пригодный вполне для анализа событий других, на первый взгляд, никак не связанных с чернобыльскими.

Пойдем, однако, по порядку, восстановим сначала первые звенья события.

Цепь событий

Интервал между событиями	Время событий	Событие
00 часов, 00 минут	1 час 26 минут ночи, 26 апреля 86-го года, суббота	Разрушение четвертого блока АЭС. Выброс в окружающую среду около ста килограммов радиоактивного вещества.

Через 10-15 минут	К 1.40 ночи	Прибыли пожарные и фельдшер со станции скорой помощи.
Через два часа	К 3.30 утра	На АЭС прибыл пред- седатель Припятского исполкома.
Через восемь часов	В 10 утра, 26 апреля, суббота	В горкоме партии состоялось совещание партийных и совет- ских работников, специалистов.
Через 15 часов	К 16 часам 26 апреля	Из Москвы прибыла правительственная комиссия.
Через 22 часа	В 23 часа	Из города Припяти в Москву вывезли 26 жертв катастрофы.
Через полтора суток	27 апреля, в 12 часов дня	Из Припяти вывезли в Москву еще 106 жертв.
Через сутки и 13 часов	27 апреля, в 14 часов, в воскресенье	Началась наконец эвакуация жителей города Припяти.
Через трое суток	29 апреля	Первое сообщение в печати об аварии на Чернобыльской АЭС.
Через шесть суток	1 мая	Состоялся прием по- слов в МИД СССР, на котором второй зам. министра А. Ковалев сообщил об аварии послам.
Через 7 суток	2 мая 86-го года	В Чернобыль прибыли представители выс- шего эшелона власти, члены Политбюро.
Через 11 суток	6 мая	Собрана первая пресс-

конференция для журналистов.
Населению Киева впервые объявлено о мерах предосторожности.

Через полтора месяца	Июнь 86-го	Посещение Чернобыля иностранными специалистами-атомщиками, политическими и общественными деятелями.
Через один год	С первого июня 87-го года	Разрешено посещение Чернобыля иностранным корреспондентам.
Через год и четыре месяца	Август 87-го года	Закончено топливное следствие и вынесен торопливый приговор начальнику АЭС и более мелкой сошке.

Орган ЦК КПУ сообщает

Давайте теперь посмотрим, о чем писали в дни катастрофы газеты Украины в ответ на хлынувшие в редакции тысячи звонков, писем, требований. Перед вами - краткий обзор центральной партийной газеты "Правда Украины" с 26 по 30 апреля 1986 года.

26 апреля: газета сообщает читателям об очередном заседании Политбюро ЦК КПСС по поводу предстоящего субботника. Объявила о постановлении Верховного Совета СССР считать 11 мая рабочим днем, рассказала о вручении наград группе активистов Общества охраны природы, рассуждает на темы украшения улиц к

предстоящему празднику. Есть и про аварию – в совхозе Криворожском пьяный водитель врезался куда-то в прошлом месяце и вчера получил в суде по заслугам.

27 апреля: опять вести из ЦК КПСС про субботник. Приветственная телеграмма Бабраку Кармалю по случаю праздника. На страницу обзор журнала "Коммунист Украины". И опять про деятельность Общества охраны природы, преогромная статья. Четвертая страница занята сообщениями на тему "Человек в семье".

28 апреля: в этот день сотрудники газеты вздохнули с облегчением, в этот день им не надо было притворяться несведущими – 27 апреля был понедельник и, значит, выходной.

29 апреля: первая страница всецело посвящена раннему севу, вторая – полтавскому методу безотвальной вспашки, третья – интервью Олега Туманова о его деятельности на радио "Свобода", четвертая – таблица выигрышер лотереи. И лишь на шестой странице, снизу, в самом не-приметном месте (тут надо отдать должное редакции, умеют политически грамотно составить макет), коротенькое сообщение, растворенное в трех строчках на два столбца. Вот оно полностью: "От Совета Министров СССР. На Чернобыльской АЭС произошла авария, поврежден один из реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помочь, создана правительственная комиссия". Заметить его, листая подшивку, просто невозможно.

30 апреля: на третьей странице в очень не-приметном месте: "От Совета Министров СССР. Как уже сообщалось в печати, на Чернобыльской АЭС в ста тридцати километрах севернее

Киева произошла авария. На месте работает правительенная комиссия под руководством заместителя председателя Совета Министров СССР т. Щербака В. Е. В ее состав вошли руководители министерств и ведомств, видные учёные и специалисты. По предварительным данным, авария произошла в одном из помещений четвертого энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. При аварии погибли два человека. Приняты первоочередные меры по ликвидации последствий аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизируется, пострадавшим оказывается необходимая помощь. Жители поселка АЭС и трех ближайших населенных пунктов эвакуированы".

Советские катастрофы - лучшие в мире

Хорошее сообщение. Я серьезно. Как в маленьком желуде спрятаны все сведения о жизни огромного дуба, так и в этом коротком сообщении содержится полная схема подачи и развития всей последующей прессы о Чернобыле.

Огромный шлейф радиации, выброшенный за много километров, подан как "некоторая утечка", погибли уже первые жертвы радиации, о них ни слова, лишь строчка о двух погибших при обвале здания. Сто тридцать человек лежит при смерти в Москве - о них что-то невнятное - "пострадавшим оказывается помощь".

Тут все при деле - и успокоительная интонация, и умолчания, и ложь, и даже оставлена

возможность для дальнейшего маневрирования – “по предварительным данным”. Все, что надо и для жителей региона, и для редакторов всех центральных и местных газет, и все с самого высшего уровня.

Возьми сегодня любую статью – непременно есть в ней ставший уже общим местом упрек в воздух о недостаточной гласности в момент аварии, о шапкозакидательской тенденции подачи материалов о Чернобыле в прессе тех дней. Причем как-то чувствуется в этом воздухе, что виноваты в таком освещении местные советские и партийные органы. Я далек от симпатии к этим созданиям нашей действительности, но в данном случае невольно вынужден их защитить, – нет, не они задали такой тон в местной и центральной печати, они, кстати, вообще неспособны пока самостоятельно задавать тон никакому новому политическому освещению события.

Почему, однако, высший орган исполнительной власти, Совмин СССР, вынужден был идти на ложь? Боязнь паники, как полагают некоторые? Совершенно определенно, нет. Паника возникает, если люди не знают истинной обстановки, ложь тут куда опасней, это общеизвестно. Причина, конечно, глубже. Вряд ли можно допустить, что прибывшая на место правительенная комиссия вначале не отдавала себе отчета о всем трагизме происшедшего и масштабе его последствий.

Чем глубже я забирался в газетно-журнальные дебри 86-го года, в противоречивые завалы года прошлого, чем детальнее сопоставлял их с мнениями авторов года нынешнего и свидетельствами участников трагедии, тем

явственнее видел – идет мифотворчество, идет усиленная, ускоренная, мощная работа по созданию мифа о Чернобыле. Пока еще путанно, нахально, так, чтобы можно было отступить, если припрут, сослаться на неудачно свернутый смысл фразы, но завтра, завтра уже на ту же фразу будут опираться, как на непреложный факт. Пройдет недолгих пять–десять лет, и власть бросит нам свысока: Да полно, никакого Чернобыля в вашем смысле не было, была авария, обычная авария, каких на Западе по десятку в день, они скрывают только, а мы – нет, мы сразу всех предупредили и быстренько–быстренько все засыпали. Кого надо – наказали, кого надо – наградили: "Благодаря своевременным и решительным действиям Политбюро, ЦК и правительства, четкости и оперативности местных органов по локализации аварии и быстрой эвакуации населения, мы не имеем тех последствий, которые могли бы иметь". Но главное – коллективы Киевщины не ослабили борьбы за выполнение и перевыполнение планов и соцобязательств 86-го года. За решительные действия по ликвидации последствий аварии более семисот человек награждены орденами и медалями, более шестисот – грамотами Верховного Совета" ("Правда Украины", 22 мая 87, стр. 3).

Может, я слишком субъективен, суди сам, читатель, вот тебе мои записи – сопоставления, построенные только на материалах отечественной прессы. Лишь кое-где я позволю себе расставить акценты.

Метаморфоза Чернобыля

В прессе

"Сразу после начала аварии было рекомендовано жителям сократить пребывание вне помещения, не открывать окна" ("Советская Россия", 31.1.88).

"2 апреля еще было неясно, надо ли эвакуировать людей. Более того, обстановка в самом городе Припяти в этот день была относительно благополучной. Об этом часто забывают, извращают факты" (Р. Ильин, член правительенной комиссии).

"С эвакуацией не запоздали, как можно еще услышать в разговорах, особенно с подачи "радиоголосов" ("Советская Россия", 31 января 88 года).

"И люди смело вступили в схватку с могучим атомом. Небывалой идейной стойкости и мужеству советского чело-

На самом деле

"Представьте - вторые сутки после аварии, в воскресенье, в кафе нашем детском полно родителей с детьми, едят мороженое. Выходной день, все хорошо, все спокойно. С собачками люди прогуливаются по городу" (А. Перковская, секретарь Припятского горкома комсомола).

"Иными словами, эвакуировать надо только после поражения людей, не раньше. И действительно, эвакуация была проведена лишь после резкого ухудшения радиационной обстановки в городе и поражения жителей" (В. Б.).

"Реактор был хорошо виден, видно, что горит и что разворочена стена. Пламя было над дыркой... Такое впечатление огненного столба. Пламя так не может стоять, не колышась, а тут огненный столп стоит" (Л. Ковалевская, корреспондент местной газеты "Трибуна Энергетика").

"В Чернобыле вот уже двое суток как начали умирать. Гибли люди, которые и не знали толком, отчего они умирают. Те, от

века всегда поражались его недруги" (В. А. Рапов, журнал "Радуга" № 10, 86 год, стр. 133).

кого зависели жизнь и здоровье людей, занимались спасением собственных семей, вывозя их ночными дорогами подальше от зоны, чтобы к утру явиться возглавить, рапортовать по инстанциям, что обстановка тяжелая, но все контролируется" (Н. Гашинский, мастер по ремонту реактора).

"Уже на второй день, 27 апреля, в 24 школах Полесского и 18 школах Иваньковского районов больше двух с половиной тысяч ребят из переселенских семей смогли продолжить учебу" (И. Плющ, председатель Киевского облисполкома в журнале "Советские народные депутаты", № 7, 86 г., стр. 9).

"После аварии в атмосферу попало определенное количество радиоактивных веществ" (Ю. Израэль, председатель Комитета СССР по контролю природной среды).

"Можно бы назвать конкретный уровень радиации, но он постоянно меняется к лучшему".

"Уровень радиации достиг 15 мР (миллирентген) в час, пятого мая он снизился в три раза" (В.

Ложь самоочевидна – 27 апреля было воскресенье, о какой учебе в этот день можно говорить? К тому же, люди едва успевали 27 апреля добраться до нового места, так как эвакуация началась после обеда, в четырнадцать часов (В. Б.).

"На самом деле в атмосферу попало более пяти процентов содержимого реактора, то есть не менее ста килограммов ядерного горючего. Точные данные мне разыскать не удалось, как и точное значение уровня радиации, привязанное к определенному месту и времени. Впрочем, это никому не удалось до сих пор, и вряд ли удастся" (В. Б.).

Тут я не пойму: то ли уровень радиации достиг 5 мР в час и не с места дальше, то ли эти чины не

Щербина, 7 мая 86 года).

“Уровень радиации на земле достигал 15 мР в час, сейчас он в три раза ниже” (Ю. Израэль, 11 мая 86 года).

“Обследовано двадцать тысяч киевлян, в том числе пять тысяч детей. Ни у одного не обнаружено изменения состояния здоровья, которое можно связать с действием радиации” (А. Романенко, министр здравоохранения УССР, “Правда Украины”, 9 мая 86 года).

Романенко А., 9 мая: “В настоящее время уровень радиации не представляет опасности для здоровья населения”.

Романенко А., 22 мая: “Не рекомендую купаться, загорать на пляже, собирать ягоды и цветы. Рекомендую носить сапоги”.

По заданию правительства на Украине и в других республиках срочно налаживаются выпуск приборов для контроля уровня радиации, которыми будут оснащены все предприятия Госагропрома” (Журнал тов”, № 7, 86 год, стр. 50).

успели согласовать уровня гласности (В. Б.).

Министру ли не знать, что последствия радиации могут оказаться и через сорок лет. Сравните ниже еще два его откровения.

Просто, извините, дуреешь, когда читаешь это подряд, но другого не было, и киевляне читали то, что давали (В. Б.).

Можно не сомневаться, выпуск наладят, правда, уже после того, как радиация пройдет через желудки селян и горожан. Не тратить же валюту на срочную закупку за границей.

Сравнения эти можно вести до бесконечности, у меня их лишь за несколько дней работы

в Киеве накопилось десять блокнотов, не включая сюда прессу сегодняшнюю и будущую, тем более будущую.

Блины по Ильину

Авария на Чернобыльской АЭС не выросла бы в национальную трагедию, не вмешайся в ликвидацию ее последствий партийные власти, что сразу придало течению событий характер события политического.

Вначале партийные власти развернули было течение событий по накатанному сценарию. Однако растущее требовательное беспокойство стран Запада и провозглашенная к этому времени кампания гласности внутри страны вынудили власти свернуть с накатанной десятилетиями колеи и придать огласке какой-то минимум информации о Чернобыле, то есть сделать то, чего они никогда прежде не делали в подобной ситуации. Неудивительно, что сделано это было, как первый блин — комом. Правда, вперемежку с самым бессовестным враньем, которое впоследствии пришлось как-то прятать под более искусной ложью. Одним из таких поваров, разминающих лживый ком в приличную хотя бы с виду лепешку, стал председатель национальной комиссии по радиационной защите Л. Ильин.

Вице-президент Академии медицинских наук СССР, директор Института биофизики, лауреат Ленинской и государственной премии академик Ильин считается, так сказать, по должности наикомпетентным в стране специалистом по радиационной защите. Кому, как не

ему, давать единственно верное освещение событий? Кроме того, именно под руководством Ильина в Советском Союзе разрабатывались нормы и предельно допустимые дозы облучения на случай аварии, отсюда понятна жгучая личная заинтересованность академика скрыть подлинные масштабы бедствия.

Когда Чернобыль проверил эти нормы на надежность и безопасность, то они затрещали по всем швам. Изрядно пришлось попотеть лауреату премий, сочиняя для печати ответы, хотя бы издали похожие на правду.

Явную ложь академика я даже обсуждать не буду, покажу лишь некоторые из тех моментов, которые, возможно, неизвестны неспециалистам.

Л. Ильин: "30 апреля мы дали рекомендации о повсеместном запрете потребления молока от коров, находившихся на пастбищах во всех районах, примыкающих к Чернобылю". До первого мая, то есть в самые опасные дни, предприятия, следовательно, принимали и продавали загрязненное радиоактивными веществами молоко и изделия из него населению Киева и других городов республики. Иными словами, не с пылью, так с молоком жители получили свое. На Украине, кстати, до тридцати процентов молока потребляется от личных коров. Пойди, убеди крестьянина сдоить молоко на землю.

Л. Ильин: "В 86-87 годах непосредственно в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, проведен анализ состояния здоровья детей и взрослых. Не обнаружено отклонений от состояния здоровья по сравнению с контрольными группами". Комментарий: в зависимости от условий облучения скрытый период заболе-

вания у детей может длиться до десяти лет, у взрослых - до двадцати четырех и даже до сорока лет. У детей в отдельных случаях опухоли были зарегистрированы при дозе порядка 1 мР. Все выявленные случаи рака щитовидной железы после облучения можно считать радиогенными.

Л. Ильин: "Для любителей спекуляции повторим: диагноз лучевой болезни поставлен 237 человекам". Комментарий: 237 человек - действительно немного для одного из самых мрачных событий XX века, поэтому, чтобы не выходить за пределы означенного официально числа, медики теперь всеми правдами и неправдами стремятся ставить новым выявленным жертвам катастрофы любой другой подходящий диагноз. Осенью 87-го года мать одного из восьмидесяти водителей автопарка, брошенного на эвакуацию жителей Чернобыля, рассказала мне о мытарстве сына по клиникам Москвы:

"Заболел сын сразу после эвакуации. Сначала поставили диагноз "лучевая болезнь", поставили на учет, теперь сняли, хотя он тает на глазах. А вместе с диагнозом сняли и полагающиеся льготы жертвам Чернобыля. Сколько ни мыкались по больницам, ничего не могли изменить. Это, говорят, у вас просто гипертония. Теперь вот едем обратно в Киев".

Л. Ильин: "Мы просчитали, какую дозу получило в результате Чернобыльской аварии все население СССР. Выяснилось, что даже на ближайшие пятьдесят лет прибавка на одного человека составит 0,12 бэра. Для сравнения: естественный фон радиации составляет 0,1-0,2 бэра в год". Комментарий: Гениальный ход. Жаль, что Л. Ильин постеснялся просчитать на

все население земного шара, вышло бы еще лучше. Давайте, однако, просчитаем, как надо. На шестьсот тысяч жителей, внесенных в общесоюзный регистр, подвергшихся радиационному воздействию. Решаем - прибавка на каждого жителя СССР, то есть на триста миллионов по 0,12 бэра дают общую дозу - триста миллионов умножить на ноль двенадцать, равняется 36 миллионов бэров. Поделим эту дозу на 600 тысяч пострадавших - 60 бэров на человека, то есть 60 бэров на каждого, внесенного в список.

По нормам международной комиссии радиационной защиты (МКРЗ), допускается нагрузка на орган - 50 бэров. Некоторые правительства, заботясь о здоровье своих граждан, не принимают новые нормы, принятые МКРЗ, если они увеличиваются. Так, в ФРГ допустимый предел остался по-прежнему 3 бэра, это на случай аварии. Для повседневной жизни эти нормы в десятки раз меньше. Л. Ильин: "Когда в августе 86 года мы приехали на совещание (МАГАТЭ) (МАГАТЭ - Международное агентство по атомной энергии) в Вену, то представили коллективные дозы, намеренно, из гуманных соображений, завышенные". Смысл "гуманности" коллективного расчета доз я уже показал в предыдущем абзаце.

...А журнал "Атомная энергия" с данными для МАГАТЭ мне в библиотеке просто не дали, сказав, что он-де в переплете. Отдали туда сразу по получении и все еще переплетают... Таким образом, я не могу сравнить уровня радиации, предложенного для МАГАТЭ, со скучными сведениями нашей печати, не могу критически их анализировать, извините. Но, оче-

видно, не случайно ни одна массовая газета или журнал не перепечатала данных для МАГАТЭ для общесоюзного сведения.

Л. Ильин: "Теперь посмотрим, какова динамика онкологических заболеваний. Например, в Могилевской области она составила в 85, 86 и в 87 годах соответственно 239, 258 и 269 случаев на одну тысячу населения. Явный рост, но и в целом по стране наблюдается та же динамика роста. Словом, объяснить рост онкологических заболеваний в нашей стране Чернобыльской аварией совершенно невозможно". Почему Л. Ильин не взял для обсуждения те же пресловутые 600.000 пострадавших из все-союзного регистра - все потому же: поглубже спрятать правду. Любому здравомыслящему врачу известно, что смертельные исходы после радиационного заражения людей наступают не только вследствие онкологических заболеваний. Пик таких исходов ожидается через пять лет после аварии.

Л. Ильин: "Детская смертность в Киевской области на 85, 86 и 87 годы составила соответственно: 15,5; 12,2 и 12,1 на одну тысячу родившихся. В Гомельской области соответственно 16,3; 12,4 и 13,1. Объяснение только одно - после аварии усилено медицинское наблюдение". Комментарий: вот тут я с автором согласен полностью - геноцидоподобный уровень детской смертности в СССР действительно может скрыть любые аварии и эпидемии, стоит только чуть-чуть улучшить заботу медиков в родильных домах и последить за качеством бесплатной медицинской помощи педиатров. Одно меня смущает - откуда у автора эти данные? Согласно "Аргументам и фактам" № 19

за 87 год смертность детей в стране в 85 году составила 26,0 в городах и 32,0 в сельской местности, обеспечив тем стране 3 место в мире.

Л. Ильин: "По нашим оценкам, возможный рост раковых заболеваний среди населения европейской части СССР за пятьдесят лет составит сотую долю процента от обычного уровня раковых заболеваний". Комментарий: в переводе на человеческий язык это означает смерть дополнительно 2-10 тысяч человек спустя десятилетие после катастрофы. Ильин упрямо переводит конкретные цифры в относительные проценты, чтобы приучить жителей видеть лучевую смерть вблизи, но не видеть, что она – следствие Чернобыля.

Л. Ильин: "Не обнаружено отклонений в состоянии здоровья по сравнению с контрольными группами, которые живут вблизи тридцатикилометровой зоны". Комментарий: перед нами еще одна находка гения глухой защиты – умение выбрать подходящую группу сравнения. "Во дает! – изумлялся один мой знакомый врач. – Это же козе понятно, что тут, вблизи зоны, людей совсем нельзя брать для сравнения. Вот в Белоруссии, в Хоницком районе, например, нам до сих пор не рекомендуют топить дровами. Кстати, чем топить, если газом здесь не пахнет? В колхозе до сих пор радиационно-грязные корма, те, что выросли на загрязненной земле, а медицинская помощь... у нас в районе не хватает сорока медиков, как можно в таких местах собирать статистику?" Прав был тот врач – академик Ильин сознательно сравнивает между собой две примерно одинаково

больные группы и, естественно, не находит разницы.

Таков Ильин, председатель национальной комиссии радиационной защиты. Не из большой симпатии я показал тебе его, читатель, крупным планом. В одном надо отдать должное вице-президенту АМН - за долгие годы карьеры он отлично усвоил технику обращения любого факта в идеологически чуждый советскому гражданину фантом, как, впрочем, и все другие строители всех рангов, строители огромного, надежного саркофага над правдой о Чернобыле.

Обратная связь

Возможно, все так, - возразит мне читатель, - но вот вопрос: почему так активно содействовали этой гигантской лжи партийные местные и высшие чины? Отчего не воспользовались Чернобылем в своих узких, как теперь говорят "ведомственных", интересах? Им-то что за корысть? Подробнее про корысть отвечу чуть позже, а пока скажу вкратце. Чиновники эти наделены огромной властью, безграничной даже, но они столь же безгранично невежественны в физике, медицине, безопасности, технике и тому подобных тонкостях. И в силу этого вынуждены полагаться на мнение специалистов, коими, вот парадокс, управляют. Специалисты, в свою очередь, более всего, естественно, озабочены тоже не государственными, а собственными интересами и коли их, специалистов, власть послала разобраться в Чернобыльской катастрофе, то они, будьте уверены, установят прожекторы гласности так, чтобы вы-

глядеть наиболее привлекательно в глазах общественности и, что важнее, в глазах высшего начальства.

Обратная связь работает так: специалисты-чиновники из министерств требуют содействия, денег, благ, наконец, а в случае провала очередной затеи гласно выгораживают не только себя, но и чиновников партийного аппарата. Круг этот замыкается на всех уровнях, создавая тем самым глубоко эшелонированную защиту всех действующих лиц от возмездия или гласности.

Этот негодяй Брюханов

Двадцать девятого июля 87 года, через 15 месяцев после трагедии, судебная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело об аварии на Чернобыльской АЭС. Все. С этого момента правда о Чернобыле надежно погребена в стальных сейфах прокуратуры СССР*.

Основной виновник аварии - директор АЭС В. Брюханов. Его обвинили в том, что он:

- не принял мер к ограничению масштабов аварии;

* Между прочим, дальнейшая судьба этих материалов пока неопределенная. С одной стороны, работники Прокуратуры СССР, заботясь о своем здоровье, предложили бы надежно захоронить взрывоопасные документы в сейфах Министерства атомной энергетики, которое тоже не прочь бы их иметь, ибо это единственный способ уничтожить улики и скрыть истину об аварии от потомков. Но, с другой стороны, опасаются, что у кого-то уже есть копии с оригиналов.

- не ввел в действие план защиты населения от радиоактивного заражения;
- умышленно занижал данные об уровнях радиации, что помешало своевременной эвакуации людей из опасной зоны.

Странно, не правда ли, читать такое обвинение и видеть на скамье подсудимых всего лишь директора и его ближайших подручных. Вообразим на минуту, что события развивались "правильно", то есть В. Брюханов объехал АЭС, лично осмотрел, точно оценил степень опасности и... что дальше? Что реально, то есть не спрашивая позволения, мог сделать директор АЭС? Врубить на станции сирену? Да, это он мог. А еще что? Все, решительно больше ничего. Даже объявить по радио жителям уровень радиации на улице и потребовать немедленно закрыть форточки, собрать вещи и не выходить на улицу до новой команды, не мог не согласовав, хотя формально и имел на это право. Напомню - даже правительенная комиссия сначала сняла четвертый блок со всех сторон на видеоролик, потом отправила его в Москву, потом сидела и ждала решения из столицы СССР. Сообщение жителям о грозящей опасности - акт несомненно политический по всем меркам нашего общества. Мало ли кто с каким обращением захочет обратиться к народу?

Почти немедленно (смотрите *Цепь событий*) прибывшие политработники приступили к делу вполне профессионально - последствия аварии устраниять, населению - ни гу-гу. Согласно инструкции, сведения об авариях на АЭС относятся к секретным от населения.

Открытый суд над директором АЭС при

закрытых дверях. Никто не знает, какие фразы всплыли в ходе разбирательства, что содержалось в частных определениях суда в адрес Госкомэнергонадзора СССР, Минатомэнерго СССР. Корреспондентов в зал не допустили. Верховная власть поспешила поставить точку на поиске виновных, ограничившись ловлей стрелочника.

Правительственная комиссия

Нужна ли была правительственная комиссия? После изучения всех обстоятельств ее работы скажу – нет, не нужна. На Украине, даже в одном Киеве и Припяти нашлось бы необходимое число грамотных, мыслящих людей, способных верно определить стратегию и тактику ликвидации последствий.

И в то же время да, нужна, если знать, как работает наша система общей безответственности. Казалось бы, пусть припятские власти растерялись, но есть же еще власти областные, киевские, республиканские. Нет, в Чернобыле могли взорваться все блоки сразу, могли умирать тысячи людей каждый день, это никак бы не ускорило ход ликвидации последствий. Органы продолжали бы методично замалчивать правду, преступно дезинформировать население, ожидая указания с самого верха.

Нашла ли правительственная комиссия оригинальный способ по ликвидации? Нет, не нашла. Способ был один – поскорее все замуровать, загрязненную землю срыть и закопать поглубже, вывезти людей подальше, хотя и были резонные альтернативы. Например, отдать все науке, скажем, группе специалистов из спец-

предприятия "Комплекс" (ныне "Спецатом"), нашедшей оригинальное решение по дезактивации больших территорий, что позволило бы в течение трех-пяти лет вернуть к жизни большой регион, включающий юг Белоруссии и север Украины. Однако академики из правительственной комиссии не могли согласиться с таким решением, ибо оно ставило под сомнение само существование их институтов и ведомств, для которых Чернобыльская катастрофа стала кормушкой (?!?!).

В результате аварии недополучено 25 тысяч тонн зерна, 70 тысяч тонн картофеля, 30 тысяч тонн молока, 1 тысяча тонн вина.

С другой стороны, вспомним ту волну милосердия, которая прокатилась по стране и за рубежом. Граждане и государства присыпали пострадавшим деньги, вещи, еду, кто что мог. Это естественно. Центр Хаммера, например, подарил медицинское оборудование на полтора миллиона долларов, не рублей. Менее естественно другое – прокатившаяся по стране насилиственная кампания отработки в счет Чернобыля смены, недели, декады, месяца, выходного, субботника, отчисления от зарплаты до десяти процентов денег. Поставлено с размахом на всю страну, по рублю – и то на сотни миллионов тянет, но ведь не рубль же стоит рабочая смена или декада.

Поначалу в печати то и дело появлялись статейки об убытках от Чернобыля, теперь они сошли на нет. Очень подозреваю, что Чернобыль перестал числиться в казне в разделе убытков и давно перенесен в разряд прибылей.

Чернобыль № 2. Контуры сценария

Мы устроены так, что, столкнувшись с событием, прежде всего спрашиваем, что случилось. Немного попривыкнув к обстановке, начинаем допытываться подробностей, как это происходило. И лишь спустя какое-то время спрашиваем себя и других, почему это могло случиться. Увы, чаще всего мы точно знаем, что произошло, отчетливо представляем, как это происходило, но вся груда фактов, сведений, подробностей редко переплавляется в драгоценный слиток-ответ на вопрос "почему?".

То ли другие "заботы" нас отвлекают, то ли тускнеет свет происшедшего в нашей памяти в сравнении с калейдоскопом текущих событий. Прошло два года, и пресса как-то перестала возвращаться к нему, хотя период полураспада радиоактивных изотопов из Чернобыля куда дольше периода полураспада памяти, и за два года они сохранились прекрасно и еще долго будут греть наши кости предательски невидимым светом.

Авария вытолкнула на свет сразу клубок проблем. Гласность. Самостоятельность местной власти. Некомпетентность власти высшего эшелона. Сверхцентрализация власти. Коррупция. Что главное среди них, в чем именно заключается гарантия неповторения подобных катастроф? Я затрудняюсь сделать окончательный вывод, и наконец, ответ пришел, причем с самой неожиданной стороны - из Нагорного Карабаха. Недавние события, так быстро развернувшиеся для многих в национальную трагедию армян. Что общего между ними и Чернобылем? Есть общее - сценарий развития чернобыльских и карабах-

ских событий, а, возможно, и других, еще не состоявшихся драм будущего. Вот его основные акты:

Действие первое.

Главные события – авария или неожиданное политическое решение местных властей передать по воле жителей автономную область в Армению.

Жизнь, хотя и небогата такими вот внеплановыми катастрофами, но избежать их невозможно нигде в мире. Например, может где-то под Уралом взорваться вдруг склад химического оружия, могут крымские татары разом явиться в Крым или евреи автономного Биробиджана потребуют включения их автономной области в состав Израиля.

Действие второе.

Собственно, действием его назвать трудно, ибо это первая реакция властей в точности повторяет финал бессмертного "Ревизора": присоединительная власть замирает в немой сцене, вопросительно поводя глазами.

Время, вот основная ценность и содержание второго действия. Бессмысленное и потому преступное топтание на месте, неумение и боязнь решать самим плюс огромное желание утаить случившееся от начальства и народа. Все это фатально развертывает события до размеров катастрофы. Убежден – практических убийств, насилия, резни в Нагорном Карабахе не случилось бы вовсе, если после известного постановления местной власти республиканские власти сочли себя вправе самостоятельно принимать решения, всецело входящие в их компетенцию, включили бы Карабах как автономную

область в Армению, а не ждали бы разрастания конфликта до трагедии.

Точно так же не было бы и миллиона пострадавших в Чернобыльской катастрофе, имей местная власть реальное право действовать самостоятельно.

Действие третье.

Это реакция вышего эшелона власти – жесткое администрирование как путь решения проблемы. Замалчивание в печати всей правды о событиях, с одновременным взваливанием ответственности за жертвы на лидеров демонстраций и митингов в Карабахе или на первого подвернувшегося стрелочника, каким стал директор АЭС в Чернобыле. Одновременно в средствах массовой информации несется безудержный поток славословия борьбе народа с опасностью. Тем самым массы уводятся от критического осмысления ситуации и, значит, уходят от ответственности и местные, и высшие этажи власти.

События в Чернобыле уже нашли своих эпических бардов (даже крупные некогда поэты Вознесенский и Евтушенко откликнулись и на Чернобыль, и на Карабах одами во славу мужества и мудрости народа. По-видимому, это доходней и безопасней, нежели жечь сердца людей глаголом). Воздвигших саркофаг, похоронивших правду. У Карабаха все, как говорится, впереди.

Занавес

Приходится признать, что Чернобыль не стал, как казалось вначале многим, переломным моментом в развитии гласности или демократии

в стране, хотя и принес некоторые перемены. Развитие событий в Нагорном Карабахе подтвердило невозможность дальнейшего развития демократии в стране без коренной ломки существующей модели социализма. Сегодня мы, к сожалению, не имеем гарантий от повторения актов описанного сценария ни в законах, ни в печати, ни в иных видах гласности.

Киев - Москва, весна 1988 год

Александр ЮГОВ

На экономическом ринге

*По выступлениям академика
А. Г. Аганбегяна последних лет*

Научная карьера Абела Гезевича Аганбегяна (1932 г. р.) начиналась весьма благоприятно. Окончив в 22 года Московский экономический институт, он стал работать в Госкомитете СМ СССР по вопросам труда и заработной платы. В 28 лет переезжает в Новосибирск заведовать лабораторией новоорганизованного Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР. В 31 год — самый молодой член-корреспондент Академии наук СССР. В 33 года — директор Сибирского Института экономики, самый молодой в стране. В 42 года — академик, затем секретарь отделения экономики Академии наук, член ее президиума. С 1970 года А. Г. в качестве бессменного главного редактора начал выпускать новый экономический журнал "ЭКО". Журнал завоевал популярность не только у узких специалистов, ныне его тираж в 4 раза больше тиража академических "Вопросов экономики".

На рубеже 1960-70 годов карьера Аганбегяна зашаталась. Несколько его критических в адрес

советской экономики выступлений (невинных по нынешним временам) привели к суровому одергиванию: "по Аганбегяну" принято партийно-правительственное постановление, известным ученым предлагают осудить инакомыслящего экономиста¹. Это совпало с репрессиями против многих молодых сотрудников новосибирского Академгородка, "распоясавшихся" в период "Пражской весны". Над Аганбегяном нависла угроза потери должностей и даже научных званий (такие примеры тоже известны). Однако он удержался. В дальнейшем, нужно признать, ореол опального ученого сыграл ему на руку. В кругах интеллигенции, особенно технической, ходили туманные разговоры о некоем "ученом экономисте с трудной фамилией", который еще давно "все говорил и предсказывал". Об Аганбегяне вспомнили, когда после Брежнева на верхах начали искать теоретические и практические альтернативы глубокому экономическому кризису.

На пользу А. Г. пошла и его смелость в апреле 1983 года, когда он принял решение² опубликовать для служебного пользования "революционный" доклад Т. И. Заславской³, ныне широко известный. Снятая с доклада фотокопия попала на Запад и была опубликована в "Вашингтон пост", а затем в ряде других зарубежных изданий. Через "радиоголоса" и эмигрантские издания этот доклад вернулся в Советский Союз, вызвав возбуждение интеллигентско-технических кругов.

Вскоре после прихода к власти Горбачева Аганбегян становится его экономическим советником. По советской прессе 1986–87 годов хорошо видно, как растут его роль и влияние в

общественной жизни страны. Вообще следует отметить, что, пожалуй, впервые за 70 лет высокообразованные (то есть, как правило, критически мыслящие) ученые - экономисты, социологи, философы, историки - вышли на авансцену общественной жизни. На телеэкранах стали появляться живые выступления и дискуссии ученых, газеты и журналы наперебой заказывают статьи и берут интервью у самых откровенных и публицистически подкованных, а некоторым ученым даже доверяют представлять стратегию перестройки на зарубежных форумах. Факт безусловно новый и непривычный. Примечательно, что именно Аганбегян делал сообщение представителям советских и иностранных средств массовой информации об итогах закончившегося пленума ЦК КПСС (июнь 1987 г.), на котором обсуждался Проект о государственном предприятии СССР. Примечательно потому, что Аганбегян не член, не кандидат в члены ЦК и даже не член ревизионной комиссии ЦК КПСС. Тем самым подчеркивалась его роль руководителя научным сектором государственной комиссии по проблемам перестройки.

Эта роль, однако, налагает и определенные ограничения. А. Г. уже не может только наносить критические удары по советской экономике. Он обязан утверждать идейную преемственность и социалистические идеалы, на которых, якобы, зиждится перестройка. Пользуясь спортивной аналогией, боксер-тяжеловес должен теперь демонстрировать не столько силу удара, сколько способность маневрировать и делать нырки, что у него, естественно, хуже получается. Хронологически это становилось все заметнее.

Цифры как приговор

Цифры – язык экономики. Никакое социально-экономическое доказательство без них немыслимо. Цифры, которые академик Аганбегян приводит в своих статьях и интервью, говорят сами за себя. Вернее, они вопиют – за нас всех, за тот тупик, в который завела страну порочная социалистическая экономика. Эти цифры убедительнее всего отражают "оригинальный" характер производства в СССР и не менее оригинальный, но, увы, вынужденный характер потребления. Особенно впечатляют они в сравнении с аналогичными цифрами производства и потребления в Соединенных Штатах и в других развитых странах свободного мира.

Возьмем ВНП – валовой национальный продукт. Сумма всего произведенного промышленностью и сельским хозяйством плюс сумма всех услуг. Показатель, которым пользуются в экономике и статистике для сравнения стран друг с другом, чтобы судить, как быстро продвигается вперед страна и продвигается ли она вообще.

Академик Аганбегян показывает, насколько резко затормозилось развитие Советского Союза. Если за годы 8-й пятилетки национальный доход вырос на 41%, то в 9-й – на 28%, в 10-й – на 21%, в 11-й – только на 16,5%. "Каждый наш шаг вперед становился все короче и короче и давался нам все большим трудом, требовал все больших ресурсов"⁴.

Этот цифровой перепад нуждается в адвокате. Собственно, ничего страшного в уменьшении с годами роста национального дохода нет. Страна, как спортсмен: интенсивно работая, она

сначала быстро наращивает результаты, но, когда они становятся достаточно высокими, каждое приращение дается с трудом. Относительное (процентуальное) приращение и должно уменьшаться. 16,5% за пятилетку – это 3,3% в год. Развитые страны Запада были бы вполне довольны, если бы такой прирост ВНП у них был стабильно каждый год.

Важнее другое: из чего складывается ВНП, как он подсчитывается? Все ли его компоненты действительно нужны, действительно ли идут на пользу людям? Или некоторые фигурируют просто так, для "показателя", а точнее – для показухи?

Общий эквивалент подсчета – денежное выражение продукта или услуги. Следовательно, решающее значение имеет цена. Цена, которая складывается на свободном рынке товаров и услуг, входит в ВНП совершенно оправданно. Если потребитель, будь то частный покупатель или предприятие, данный товар или данную услугу на рынке выбрал, из всех конкурирующих предложений отобрал и данную цену заплатил, значит этот товар или эта услуга ему необходимы. Объективность цены обусловлена свободой выбора. Ну, а если конкуренции нет и цена диктуется монопольно? Аганбегян приводит такой пример:

"Допустим, автопромышленность стала выпускать новую легковую машину, у которой, по сравнению с предыдущей моделью, не улучшились главные для автомобиля потребительские качества – скорость, мощность и экономичность двигателя, комфорт, а тем не менее цена значительно возросла за счет всяких хромированных фиントифлюшек, которыми ее изукрасили, то есть при прежнем потребительском качестве возрастила цена из-

делия, а с ней и валовая стоимость всей продукции предприятия, отрасли. Так как для улучшения общих показателей эту немудреную операцию проделывали многие отрасли, то увеличивалась и стоимость совокупного валового продукта страны. Некоторые считают, что достигнутый этим способом рост составлял примерно 4% в год, что практически нейтрализовало увеличение на 3,3% национального дохода в последние годы”⁴.

Нейтрализовало – довольно мягко сказано. Если цена искусственно увеличивается добавлением дорогостоящих “финтифлюшек”, вредным увеличением веса или размеров, то это не просто показ дутого ВНП. На разного рода “финтифлюшки”, на лишний вес, на фиктивные километры или кубометры переводится труд миллионов людей.

В таких основных отраслях народного хозяйства, как, например, машиностроение или строительство, обобщенная стоимость выпускаемых машин и оборудования или суммарная стоимость выполненных работ дают прекрасную возможность накручивать объемы как только угодно производителю. Писатель В. Селюнин и экономист Г. Ханин произвели сравнительный расчет показателей роста в машиностроении – денежного и в физических единицах. Они пришли к выводу о более чем двукратном превышении стоимостного показателя по сравнению с выпуском в штуках или иных натуральных измерителях за период 1956–1975 годов.

”А в 1976–1983 годах разрыв между показателями углубился: в физических единицах производство техники возросло за этот период на 9%, а при исчислении в рублях – на 75%. Официально признана только вторая цифра, по ней и судят о темпах развития машиностроения. Темп, конечно, великолепный, неясно лишь, куда запропастились колоссальные прибавки производства.

Ответ как раз и дают расчеты по натуре: речь идет о машинах, которых не было”⁵.

Специалисты на Западе вообще ставят под сомнение данные о росте национального дохода в СССР. Они считают, что цифры Госкомстата неверны методологически, так как повторно учитывают одни и те же изделия. Пересчитанные по западной методологии темпы роста национального дохода СССР оказываются меньше в 1,5-2 раза. С единой методологией расчета и надо бы начинать, иначе получается не рост ВНП, а сплошная липа.

В условиях свободной рыночной экономики никто не станет про запас набирать сырье, материалы или оборудование: это все денег стоит, и немалых. Ни одна фирма не станет выпускать свой товар, если на него нет гарантированного спроса. Те фирмы, чьи изделия вдруг не нашли потребителя, разоряются. Накопление “затоваренного товара”, выпуск не пользующихся спросом изделий, длительная “работа на склад” – это все присуще исключительно социалистической экономике.

“Психология накопительства ‘на всякий пожарный случай’, – пишет А. Г., – привела к тому, что суммарные запасы различных видов сырья и материалов достигли у нас колоссальных размеров – по народному хозяйству запасы оцениваются в 460 миллиардов рублей”⁴.

Цифра, конечно, производит впечатление. Но одной ее недостаточно, желательно знать, как она соотносится с национальным доходом страны, как рост запасов корректируется с ростом ВНП. В этом нам помогает другой экономист, доктор экономических наук Отто Лан-

цис. Тоже, между прочим, интересный факт: в конце 1960-х годов О. Лацис, как и А. Аганбегян, был в опале, его даже чуть-чуть не исключили из партии. Сегодня он заместитель главного редактора журнала "Коммунист"... Вот что писал О. Лацис в "своем" журнале:

"Если бы запасы в народном хозяйстве после 1970 года возросли лишь в той мере, что и национальный доход, они составляли бы сегодня 294 миллиарда рублей. А фактически их накоплено на 463,5 миллиарда. Излишек, то есть омертвленные средства, - 169,5 миллиардов рублей. Для сравнения: стоимостной "вес" всего запланированного на 12-ю пятилетку ускорения (превышение национального дохода, который мы получим за пять лет при запланированных темпах, по сравнению с тем, что было бы при более низких темпах прошлой пятилетки) составляет примерно 84 миллиарда рублей".

Как пишет далее О. Лацис, проверка Комитетом народного контроля СССР работы Московского главного территориального управления Госснаба СССР, проведенная летом 1986 года, показала, что указанная тенденция не изменилась. Рост неустановленного оборудования⁷ показывает, что она не изменилась и в 1987 году. Наращивание омертвленных запасов по-прежнему превышает рост национального дохода.

Но если это так, то какой смысл имеет борьба за более высокий процент роста национального дохода? Какой смысл имеют рассуждения самого Аганбегяна о том, что "уже в нынешней пятилетке мы должны довести его (прирост национального дохода. - А. Ю.) до 4%. Более 5% - таким этот показатель станет в девяностые годы"⁸? Если указанная тенденция коренным образом не изменится, то прирост ВНП, как это ни парадоксально звучит, - просто невыгодное дело. Народ от него не бога-

тает, а, газорот, нищает. Все больше общественного труда, все больше национального достояния - богатств недр земли перемалывается в никому не нужные запасы, обременяющие склады. А ведь нужно еще учесть огромные в масштабах страны расходы на транспортировку и хранение этих запасов. И на их, в конечном счете, уничтожение - сжигание, разлом, размельчение и т. п.

Пока будут существовать административные манипуляции с ценами, с повторным статистическим учетом, пока будут расти омертвленные запасы, цифры национального дохода будут представлять собой, по сути дела, очковтирательство. А восторги по поводу его роста (4% роста! 5%! 6%) - забавы для легковерных. Величины ВНП и его процентного роста обретут смысл только после того, как будут устранины пороки советской статистической отчетности. Но это, в свою очередь, будет не раньше, чем изменится весь экономический механизм, так как вся система показателей и статистической отчетности по ним есть неотъемлемая часть Командно-Административной Системы.

Растущий камень Сизифа

Хуже увеличивающихся неиспользуемых запасов ничего уже, кажется, быть не может. Экономика никакой, самой богатой по ресурсам, страны не может долго выдерживать такого бедствия. Но экономика реального социализма знает еще более страшную беду - не полноценное, слабое, бесхозяйственное использование всего "получаемого" от государ-

ства: станков, машин, механизмов, оборудования, всех основных и оборотных фондов. По сути, это фиктивное использование, фикция: оборот колоссальный, деятельность кипучая, все заняты выше головы, а конечные результаты – ничтожные, абсолютно не соответствующие затраченной энергии общества. И это еще хуже, чем просто плодить запасы. Законсервированная машина или станок еще имеют теоретические шансы когда-нибудь принести пользу обществу. Машины, которые без конца ломаются, или ржавеют, или растаскиваются на запчасти, таких шансов, естественно, не имеют. Их "использование" лишь ухудшает рабочую мораль. Когда, допустим, минеральные удобрения лежат годами на складе, то это, конечно, разврат. Но еще хуже, когда совершенно незаинтересованные поденщики бросают их не туда, не так, не столько, и лишь портят землю и то, что на ней произрастает. Примеры фиктивного и даже вредного применения неисчислимые.

"Америка в 1986 году, – пишет Аганбегян, – выплатила 75 миллионов тонн стали. А мы – 161 миллиард. При этом США дают конечного продукта (машин и станков) в полтора-два раза больше, чем мы"⁹.

"Производя стали намного больше, чем вся капиталистическая Европа, мы вынуждены закупать много металла на мировом рынке. Таковы гримасы дефицитной экономики: много лишнего, а нужного не хватает"¹⁰.

16 лет назад, в 1972 году, приведя ряд примеров бессмысленного использования металла, автор этих строк писал:

"А мы радуемся, что производим сейчас более 130 миллионов тонн стали, что уже США обогнали. Да так и 500 млн. тонн мало будет! И никакие Америки за

нами не угоняются. Разве что американские фермеры вместе с промышленными компаниями вступят с нами в соревнование по уничтожению покупаемых машин и оборудования”¹⁰.

Гипербола не так уж велика. За истекшие 15 лет мы стали производить на 30 млн. тонн стали больше, а США - на 50 млн. тонн меньше. То, что американцы сейчас производят, им, видимо, вполне хватает. И понятно: в дело пошли микроэлектроника, малотоннажная химия, искусственные заменители, чистые и сверхчистые материалы. Наращивать выпуск стали и чугуна, вместо того чтобы его снижать, - это сегодня показатель отсталости.

Машины и станки, между прочим, - тоже не конечный продукт. Иначе Советский Союз был бы одной из самых богатых стран мира.

“Наш станочный парк более чем вдвое превышает станочный парк США, - пишет А. Г. - Но что толку в этих станках, если коэффициент сменности у них чуть больше единицы?”⁴

Дело не столько в коэффициенте сменности. Не так уж много предприятий в США работают в две, а тем более в три смены. Там за сменную работу нужно рабочим хорошо приплачивать. Но если мы производим новых станков меньше, а станочный парк у нас вдвое больше, то, значит, крутятся миллионы морально устаревших станков. Работать сегодня на таких непроизводительных, устаревших станках - это тоже фиктивное использование. А сколько станков бездействует, потому что на них некому работать или некому их наладить? А сколько станков стоит на складах, так как не введены в строй цеха, где они должны работать? Только на предприятиях Мингазпрома на конец 1987

года скопилось на 1.304 миллиона рублей неустановленного оборудования, в том числе на 571 миллион - импортного. Только по предприятиям трех министерств (газовой, угольной и электротехнической промышленности) запасы неустановленного оборудования возросли за 1987 год почти на 200 миллионов рублей, из них импортного - на 127 миллионов⁷. "Складской национальный продукт", СНП, как видим, все растет...

Или взять положение с грузовиками. А. Г. откровенно сообщает читателю:

"Четыре пятых машин выпускается грузоподъемностью в 4-5 тонн. Нужно это ЗИЛу и ГАЗу - не народному хозяйству. В мире производство автомобилей такой грузоподъемности составляет лишь 3%. Неудивительно, что зиловские машины ходят полупустыми и в одну смену. Либо стоят в гаражах: процентов сорок их вообще не работает"⁸.

А. Г. рассказывает о грузовике ГАЗа с маломощным двигателем, который тем не менее съедает на 100 километров пути примерно 20 литров бензина. Установка более мощного дизельного двигателя (и есть уже опытный образец), расходующего на 100 километров всего 14 литров дешевого топлива, увеличила бы производительность труда на таком грузовике в 1,7 раза. Сколько теряет народное хозяйство от того, что по стране бегают многие тысячи горьковских грузовиков старой модели? И возможно ли было бы такое, спросим, в условиях конкурентно-рыночной экономики?

Но особенно расточительно используются сельскохозяйственные машины. Если свободный фермер за свои деньги купит трактор или комбайн, то он, ясное дело, относиться к нему

будет бережно. На следующий год он новый не купит. Другое дело колхоз или совхоз: платят они не из своего кармана.

"Ведь колхозы и совхозы покупали технику в кредит, взятый у государства. Их долг сейчас вырос под сто миллиардов рублей. Этот госкредит стал безвозвратным, его не погасили. Конечно, несложно тратить не свои деньги на ненужную вещь..."⁹

Логичный вывод: деньги должны быть свои, тогда и тратить их будут с умом и не покупать ненужного. Но это будет, если и заработки крестьян будут свои, а не ничьи – государственные или псевдоколлективные, а по сути – тоже государственные. Свои заработки и свои траты – это прерогативы полноценного, юридически узаконенного хозяина. Он не купит непроизводительную и неудобную поделку, но зато то, что купит, будет использовать по-хозяйски. Тогда не нужно будет ставить недоуменных вопросов:

"Мы производим тракторов в 4,5 раза больше, чем в США. Зачем? Объем продукции растениеводства в нашей стране в 1,5 раза меньше, чем в Штатах. К тому же в расчете на трактор мы производим прицепных и навесных орудий вдвое меньше, чем это делается в других странах, – меньше, чем нужно для нормальной работы. Впечатление такое, будто, производя машины, мы не собираемся их использовать".

Конечно, академик Аганбегян имеет под рукой необходимые статистические данные, даже те, что от рядового гражданина тщательно скрываются. Но, собственно, социалистическая бесхозяйственность настолько очевидна, что выводы можно сделать, и не обладая секретной статистикой. В 1972 году автор этих строк произвел несложный арифметический подсчет¹⁰.

Пользуясь тем, что в статистических сборниках по тракторам (единственно) фигурировал показатель их парка в сельском хозяйстве, подсчитал, как он согласуется с данными производства тракторов, цифры которого непрерывно росли. Выяснилось, что за десятилетие (1961-1970 гг.) промышленность выпустила 3,67 млн. тракторов. Из них сельскому хозяйству поставлено было 2,6 млн. (Оказывается, трактора можно поставлять еще куда-то кроме сельского хозяйства. Странные, должно быть, трактора!) А парк тракторов за эти же 10 лет возрос всего на 740 тысяч. Это означает, что 72% тракторов пошло на замену. В 1983 году такой же подсчет¹¹ показал: за 1971-1980 гг. было выпущено 5,35 млн. тракторов. Из них сельскому хозяйству поставлено 3,5 млн. (Еще больше "тракторов" - 1,85 млн. - пошло "налево"). А парк тракторов увеличился на 530 тысяч. Уже 85% от числа поставленных колхозам и совхозам пошло на замену. За 11-ю пятилетку (1981-1985 гг.) при непрерывно увеличивающемся выпуске новых тракторов этот показатель еще вырос - 87%. Так уже и до 100% недалеко... Немногим меньше этот показатель для зерновых комбайнов - 76% в среднем за 1981-1985 гг. А по грузовикам и прицепам, идущим сельскому хозяйству, он даже выше - около 90%¹².

Здесь дело уже не только в бесхозяйственной, порой буквально варварской эксплуатации. Сплошь и рядом совершенно новые трактора или комбайны разбирают на запчасти, некоторые еще на железнодорожных платформах. Об этом неоднократно писали в советской прессе. Постоит практически новый трактор или ком-

байн под открытым небом, поржавеет, потом его списывают, получают новый...

И в несельскохозяйственных отраслях использование оборудования не намного лучше и эффективнее. Например, министерство путей сообщения без конца заказывает все новые железнодорожные вагоны. А 58% вагонов в то же время простояивают в хозяйстве МПС⁵. Министерство заказывает, а территориальные управления железных дорог при каждом удобном и неудобном случае норовят свои вагоны списать: ведь ключевой показатель работы управления – оборот вагонов, меньше списочных вагонов – выше показатель...

В условиях советской экономики в бессмысленный циркуляционный поток попадают не только всевозможные машины, станки и оборудование, но и то, что по общепринятым критериям считается конечным, а следовательно, очечным продуктом. Возьмем, к примеру, зерно. Не будем уже вспоминать, что оценка урожая зерновых идет по "биологическому" урожаю, который на 20–25% выше реально остающегося, "амбарного". Цифру в 20% потерь давно уже признает и советское руководство. Но другая "липовая" линия – вынужденно-глупое использование – ничуть не лучше.

"Зерном мы кормим скот (еще и хуже – выпеченым хлебом! – А. Ю.), которого у нас в 1,5 раза больше, чем в США. Больше. Но дает он меньше. Можно сказать, что кормов коровам хватает только для того, чтобы они выжили",⁹ но не для того, чтобы давали много хорошего молока.

В 1985 году у нас было в четыре раза больше молочных коров, чем в США: 43,6 и 10,9

млн. соответственно¹³. А общее производство молока – всего на 36% больше¹⁴. Американская корова давала в 2,7 раза больше молока, чем советская – 5637 кг в год против 2052¹³. Естественное следствие: житель СССР должен проработать 20 минут, чтобы купить литр молока, и 3,5 часа, чтобы купить килограмм масла. Американцу для этого достаточно 4 и 40 минут¹⁵. И это при государственном субсидировании: дотации колхозам и совхозам за молоко достигли уже 19,4 млрд. рублей в год¹⁶, или примерно 19 коп. за литр.

Общее производство молока по стране удалось довести в последние годы до 102 млн. тонн¹⁷. Но кто может при этом сказать, сколько туфты в советском "молочном вале"? Вот в газетной статье с примечательным заголовком "Всё начистоту" проскальзывает, как ведет себя привыкший дояр: "Не получается намеченное (!) количество молока – добавляет воду"¹⁸. Это только дояр или доярка. А есть еще бригадир, завфермой, председатель колхоза, директор молзавода. И все заинтересованы в большей цифре – чтобы выполнять растущий план и получать премии. Такое однообразие интересов определяет и статистические данные. Ручейки туфты сливаются в полноводную реку.

Не будем уже сравнивать ассортимент молочных и кисломолочных продуктов в СССР и США, это вещи несравнимые. Не будем сравнивать и качество рядовых молочных продуктов. Но ведь и разница в их *реальной* стоимости пятикратная. Опять-таки закрывая глаза на то, что указываемая Госкомстата среднестатистическая зарплата тоже в большой степени липовая. В нее хитроумно включают всевозмож-

ные "социальные достижения". Она ежегодно растет процентов на пять, но советские граждане в один голос утверждают, что никакого увеличения покупательной способности они не ощущают, скорее наоборот¹⁹.

Скот кормят зерном, но он не дает в нужных количествах ни молока, ни мяса. С мясом положение в стране еще хуже, чем с молоком. Здесь даже официальная статистика признает, что мы производим его на 36% меньше, чем США¹⁴. Потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в СССР в 1986 году составило 62 кг, в США - почти вдвое больше²⁰. Больше, чем у нас, потребление мяса в других социалистических странах, в том числе в бедной Польше²⁰. Но даже цифра "62" доверия не внушает. Она совершенно не соответствует действительной ситуации. Общеизвестно, что в большинстве областей и районов страны мясо распределяется по талонам - 1,5-2 кг в месяц на человека. Там же, где продажа мяса "бесталонная", средняя норма потребления ничуть не выше. В год получается даже не половина декларируемой цифры. Неужели небольшой сравнительно процент привилегированных "прикрепленцев" спецмагазинов и работников мясокомбинатов съедают мяса столько, что это поднимает цифру до 62 кг? Нет, конечно. В этой цифре тоже липа приписок и подтасовок. Мясо нельзя разбавлять, как молоко, но можно получать его из воздуха. Отсюда и парадокс: сдаточный вес крупного рогатого скота и свиней в последние годы упал²¹, а цифра потребления мяса населением - возросла. Одна из таких "передовых технологий" описывается газетой "Правда":

"Одно хозяйство продаёт другому молодняк для до-рацивания или телочек для воспроизводства стада. Реального мяса здесь нет и даже не будет, если речь идет, допустим, о племенных телочках. Но хозяйству, что их продавало, оно засчитывается в план по весу и отражается на показателях производства мяса"²¹.

Наиболее верный индикатор мясного дефицита - рынок. 3-4-кратное превышение рыночных цен над государственными лучше всего определяет глубину и устойчивость дефицита. И сравнивать нужно не по абстрактной цифре душевого потребления, в которую напихано чертите сколько туфты (естественно, с советской стороны), а по реальной стоимости для потребителя, то есть по количеству часов и минут, которые потребитель должен отработать, чтобы купить килограмм мяса. Для покупки килограмма свинины или говядины американец должен проработать 40-50 минут, а житель СССР - 110-115 минут¹⁵. Это - если покупать мясо по государственной цене. Если же брать рыночные цены, разница будет десятикратной. А по курятине она десятикратная и по государственной цене.

В ряде советских публикаций сегодня осправывают "обывательское мнение", согласно которому мы, мол, живем в 5-10 раз хуже американцев. Используя индексы потребления и индексы цен (по официальному курсу валют), советские пропагандисты доказывают, что уровень жизни у нас, конечно, ниже, но не настолько. Однако если сравнивать по реальной стоимости продуктов питания, а тем более бытовых предметов длительного пользования, то правы оказываются скорее "обыватели". А если бы еще можно было учесть качество потребляемых продуктов и изделий, то правота "обыва-

телей" была бы еще очевиднее. Вот что пишет по этому поводу А. Г.:

"...мы питаемся плохо, прежде всего с качественной стороны. В первую очередь у нас не удовлетворена потребность населения в продукции животноводства. Хронически не хватает животных белков и жиров. Дело даже не в количестве, не в том, что мы хотим иметь на душу населения 80 килограммов мяса, а съедаем пока только 61 килограмм. Дело не в этом. Ибо в питании важны качество и структура потребляемых продуктов. Мы едим в основном мороженое мясо, которое утеряло половину своих питательных веществ. Мы едим перемороженную рыбу, в которой тоже осталось мало проку"⁴.

Задача "догнать и перегнать Америку" по потреблению мяса, как видим, даже не ставится. Нам хотя бы 2/3 ее количественного уровня достичь...

Этот итог, конечно, не случаен. Циркуляционные игры даром не проходят. Если носить решетом воду, то трудно рассчитывать, что воды будет вдоволь. В 1972 году определение советской экономики как сизифова труда¹⁰ некоторые посчитали преувеличением. Сегодня оно стало банальностью. При наступившей гласности писатель Анатолий Злобин даже написал на эту тему художественное эссе²². Примеры и цифры А. Г. Аганбегяна убедительно показывают степень "сизифовости".

Однако имеется и довольно существенная разница. Сизиф вкатывал на гору все один и тот же камень. Советским людям приходится тащить на себе экономику, непрерывно растущую по объему и весу. Общество вкладывает в производство все больше людей, все больше часов работы, все больше физического и интеллектуального напряжения. А конечный резуль-

тат общественного труда - уровень потребления, удельный расход труда на "потребляемую единицу", качество взаимного обслуживания, свободное время для своих личных потребностей - отнюдь не становится лучше. А чем-то даже хуже.

Падают и морально-нравственные качества людей. При сизифовом труде это вполне естественный результат. В большей или меньшей степени, но это падение характерно для всех социалистических стран. Перестраиваться должны они все.

Преимущества, которых нет

Для чего нужна экономика? Станный вопрос. Естественно, скажет всякий, чтобы обеспечить максимальное благосостояние людей и непрерывно улучшать качество их жизни. А что включает в себя понятие "качество жизни"? Это уже вопрос посложнее. Оно охватывает многое, многие стороны жизни. И оценки этих сторон и их приоритетов весьма субъективны. Насколько было бы проще, если бы существовала единая общемировая шкала приоритетов и единая система оценок каждого компонента качества жизни! В этом случае, скажем прямо, страны победившего социализма выглядели бы совсем бледно. В мировой "турнирной таблице" по качеству жизни они откатывались бы все дальше и дальше. Субъективность оценок плюс инерционность привычек плюс официальная демагогия делают картину не столь очевидной. Хотя есть безошибочный комплексный критерий - миграционные потоки "туда"

и "сюда". Их сравнительные объемы, а тем более потенциально-подавленные импульсы, как и турнирная таблица, точнее всего расставляют всё на свои места.

Критические удары по советской экономике, особенно столь тяжеловесные, как у академика Аганбегяна, требуют какого-то существенного контрбаланса. Иначе невольно возникает вопрос: а зачем вообще нужно было социалистический огород городить? Какие-то же свои преимущества у системы реального социализма должны быть? В жизни, а не только в теоретических трудах Основоположников?

У А. Г. Аганбегяна этот "баланс" выглядит следующим образом:

"Эффективность народного хозяйства, которой мы хотим достичь, должна в конечном итоге обратиться на пользу человеку и привести к высшему в мире уровню жизни. Причем не такому, который есть в других странах, а качественно новому, с учетом наших социалистических преимуществ. Собственно, и сейчас отдельными примерами, отдельными сторонами жизни мы можем показать и доказать свои завоевания: полная занятость населения, отсутствие безработицы, дискриминации, эксплуатации человека человеком, регулируемый и довольно короткий рабочий день (и это при относительно низком пока уровне производительности труда по сравнению с другими развитыми странами), общественные фонды потребления, достижения в области социальных льгот и приоритетов. Однако есть сферы, где мы серьезно отстаем от развитых стран: по уровню реальных доходов, обеспеченности и комфортности жилья, средней продолжительности жизни, среднему уровню образования и некоторым другим аспектам, где нам предстоит еще много поработать..."⁴.

Вторая, критическая часть процитированного абзаца как бы оттеняет объективность примеров "наших преимуществ". Однако, если не декларировать их простым перечислением, а попы-

таться конкретно, по пунктам проанализировать, картина получается несколько иная.

“Полная занятость населения, отсутствие безработицы”

Это всегда записывается социализму в актив первым пунктом, как и безработица – капитализму. (Понятия “социализм” и “капитализм” уже так запутаны разными теоретиками, особенно теоретиками перестройки, что автор применяет их здесь исключительно для ясности размежевания.) Однако встает вопрос: почему советская экономика, перестраиваясь, готова отказаться от столь важного преимущества? Причем самым решительным и массированным образом? Сам Аганбегян писал в “Известиях”:

“В СССР несколько тысяч явно убыточных предприятий. Их ничто не спасет. В интересах общества их надо ликвидировать”.

И несколько дальше:

“С моей точки зрения, ликвидация не должна быть случаем чрезвычайным, единичным. Из сорока шести тысяч существующих у нас предприятий надо оставить только те, что способны к саморазвитию... Предприятия должны развиваться за счет собственных средств”⁹.

Но это то самое, что уже многие десятки лет существует в развитых странах “капитализма”. Предприятия, способные к саморазвитию, выживают и процветают, неспособные – банкротятся. А их работники становятся безработными. Ищут другую работу, переквалифици-

руются, переучиваются, переезжают, одним словом - "пере". Почему же отсутствие этого "пере" считается нашим преимуществом, от которого мы почему-то хотим поскорее избавиться?

А может быть, пора уже признать, что в современной сложной социально-экономической структуре общества безработица - отнюдь не однозначно отрицательное явление? Что у нее диалектически есть и свои положительные стороны? Еще до того, как в советской печати начали появляться статьи, оправдывающие предстоящую в стране безработицу, автор этих строк писал:

"...безработица становится тяжелой и вредной нагрузкой для общества лишь тогда, когда существенно и длительно превышает оптимальный предел. Но в целом как явление безработица имеет и ряд положительных сторон. Она препятствует "разбалтыванию" трудовой морали населения, ускоряет прогрессивные структурные перемены, заставляет общество быстрее пересматривать приоритеты в распределении занятости и общественно полезной деятельности"²³.

Первый положительный аспект сейчас фактически признали и советские специалисты. Вот что пишет, к примеру, доктор экономических наук Николай Шмелев:

"...не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной занятости, сегодня, кажется, ясно всем"²⁴.

Но это не единственный и даже не главный порок "чрезмерно полной занятости". Она не служит надежным препятствием и естественным предохранительным клапаном от таких чрезвы-

чайно вредных явлений, как изготовление ненужных вещей, перепроизводство, работа на склад. А это все обходится обществу гораздо дороже, чем содержание какого-то числа безработных, к тому же за счет их собственных предварительных отчислений от заработка.

Будь в стране определенная резервная армия труда, на разных профессиональных уровнях, было бы легче поспевать за быстрыми структурными переменами, определяющими сегодняшнюю мировую экономику. Мы не просыпали бы с такой силой электронизацию, развитие информационных технологий, генную инженерию, на что жалуется сам А. Г. Наличие постоянных трудовых резервов в развитых странах помогает им всерьез заняться экологическими проблемами, вкладывать растущие доли национального продукта в улучшение окружающей среды. В СССР же все умножающиеся жалобы на необходимость что-то конкретное предпринимать для защиты окружающей среды натыкаются на встречные вопросы практиков: "А кто это будет делать? А за счет чего?"

Надо смотреть правде в глаза. "Чрезмерно полная занятость" никаким преимуществом сегодня не является. Наоборот, она свидетельствует о внутренних труднопреодолимых пороках экономического механизма.

"Дискриминация"

В чем тут конкретно наше преимущество? Где и в чем А. Г. может указать дискриминацию в развитых странах Запада, с которыми он все время сравнивает нашу экономику? Расовая

дискриминация, дискриминация национальных меньшинств? Но это все - давно в прошлом. Сейчас же, подтягивая исторически отставшие расовые и национальные группы населения, некоторые страны даже устанавливают нормы и квоты, которые можно, при желании назвать "дискриминацией наоборот". Вот, в США некоторые белые абитуриенты жалуются, что при лучших оценках и результатах экзаменов их не приняли в какие-то колледжи и аспирантуры, а негритянских или пуэрториканских студентов - приняли. То же самое при приеме на работу в некоторые госучреждения. Как это назвать?

Дискриминация иностранных рабочих, о чем много пишет советская печать? Но они в развитых странах пользуются теми же социальными правами, у них те же ставки заработной платы. Да, они работают, как правило, на более тяжелых, грязных работах, не требующих высокой квалификации. Но чего другого можно ожидать, если в страну приезжают сотни тысяч и даже миллионы иностранных рабочих - без языка, без нужной специальности, без знания обычая и культуры данной страны? Они знали, на что идут, и рады даже этому. Дискриминацию они начинают ощущать, когда их перестаютпускать. А вот это как раз и есть практика не только Советского Союза, но всех соцстран. Даже сравнительно благоустроенные социалистические страны (ГДР, Венгрия, Чехословакия) не принимают ни политических беженцев, ни экономических переселенцев из стран Азии или Африки. Но зато много пишут о дискриминации иностранных рабочих на Западе.

Дискриминация женщин? Тоже излюбленная тема советских газет. Только в итоге почему-

то получается, что в развитых странах Запада процент женщин на руководящих, престижных должностях выше, чем в СССР. Особенно, если эту долю отсчитывать от числа работающих женщин, а не женщин вообще. Известно, что в Советском Союзе работает 93% от женщин трудоспособного возраста, в развитых странах этот процент чуть ли не вдвое меньше. Многие советские женщины с удовольствием отказались бы, если бы имели такую возможность, и от равной оплаты, и от самого равного труда. Они не возражали бы, наверное, чтобы их "дискриминировали" — отобрали ломы, кирки, лопаты, носилки и прочие атрибуты считавшегося в прошлом мужского труда.

А вот в Советском Союзе есть стойкие виды дискриминации, которых нет в развитых и даже в неразвитых (но некоммунистических) странах. Во-первых, имеется в виду ситуация в ряде союзных и автономных республик страны. Требования "выдвигать национальные кадры!" искают характер профессионального отбора и административного роста: нарушается естественная зависимость от объективных критерииов (знания, опыт, научный или культурный потенциал и пр.). Ради "интернациональной гармонии" об этом не принято говорить в советской прессе, но русское и другие меньшинства в ряде республик ощущают такой вид дискриминации все сильнее.

Другой вид дискриминации охватывает все население страны. Это — дискриминация по партийному признаку. В странах с многопартийной системой нет ничего подобного. Отлично известно, что карьеру в Советском Союзе можно сделать только с партийным билетом.

Без него тебе не помогут даже незаурядные способности. Несколько выдающихся ученых-беспартийных – то самое исключение, которое подтверждает правило. Фактически для руководства самой малой административной единицей (заводским цехом, колхозной бригадой, отделом института и пр.) уже нужен партийный билет. О руководстве самими заводами, колхозами, совхозами, институтами, школами, больницами и т. д. нет и речи: здесь беспартийных директоров по всей стране можно пересчитать по пальцам. Это ли не показатель чисто дискриминационного отбора?

Характерные цифры: в Москве на 8,5 миллионов жителей свыше миллиона членов КПСС, то есть каждый восьмой²⁵. В среднем по стране член КПСС каждый пятнадцатый. Отчего такая огромная разница? Оттого, что в Москве сосредоточена администрация по всем линиям – партийной, министерской, профсоюзной, комсомольской, научной, гебистской и т. д. Беспартийных начальников нынче практически нет.

А что такое льготное, закрытое и полузакрытое, распределение дефицита, как не дискриминация рядового непривилегированного большинства населения? Все эти спецполиклиники, спецсанатории, спецмагазины и т. п. – привычные примеры дискриминационной практики, возведенной в систему.

Так что не стоило бы А. Г. упоминать отсутствие дискриминации в числе "завоеваний социализма". Дело обстоит как раз наоборот.

”Эксплуатация человека человеком”

Сразу же на память приходит анекдот: "При капитализме есть эксплуатация человека человеком, а при социализме - наоборот!" Если же серьезно, то что это за феномен такой в современных условиях, чем он определяется? Как можно говорить об эксплуатации наемного труда, если сегодня в развитых странах возможному произволу работодателей противостоят не только мощь профсоюзных объединений, но и четкие государственные законы, оговаривающие основные нормы найма и увольнения? Существует минимальная зарплата, ниже которой наемному работнику платить нельзя. Существует строго фиксированный рабочий день (40-часовая пятидневная рабочая неделя; а в некоторых странах уже меньше), произвольно превышать который работодатель не имеет права. Он может только предложить работникам по найму какое-то время поработать сверхурочно. И они охотно соглашаются, так как получают за сверхурочные часы полуторную и даже двойную оплату (в СССР рабочие трудятся сверхурочно обычно "за отгул"). В договоре на любую штатную должность (а такие письменные договоры в развитых странах обязательны) оговариваются все социальные условия, все выходные и праздничные дни, условия техники безопасности и т. п. Уволить без предупреждения работника по найму сегодня никто не имеет права, а в случае увольнения ему выплачивается соответствующая компенсация. Где же тут эксплуатация? Как она вообще возможна в условиях свободного рынка на рабочую силу, с

одной стороны, и узаконенных социальных достижениях трудящихся, с другой?

Фактически, об эксплуатации можно говорить только опосредованно, только в сравнении. Там, где оплата одного рабочего часа (при прочих равных условиях) намного меньше, — там и эксплуатация. И существует она, как выясняется, не от неуемного стремления работодателей к прибыли и сверхприбыли. Это знамя марксизма сильно полиняло и выцвело. Стремлению работодателей к прибыли уже давно противостоит не менее неуемное стремление работающих по найму, объединившихся в профессиональные союзы, получать как можно большую зарплату, невзирая на условия конъюнктуры и возможности фирмы. И еще неясно, какое стремление сильнее. И какое ложится более тяжелым грузом на плечи общества в целом.

Эксплуатация образуется не от злой воли и произвола. Она становится непременным следствием экономики неэффективной, растратной, хронически несостыкованной и несбалансированной. И рады бы оплачивать рабочий час лучше и полнее — да нечем. И вот логическое следствие: приглашаем иностранные фирмы по-эксплуатировать нашу рабочую силу. В успех создаваемых советско-иностранных смешанных фирм СССР может вложить один компонент — необычайную дешевизну трудовых ресурсов. Главным образом ею иностранных предпринимателей и соблазняют.

Понятие эксплуатации становится все более неясным, туманным, мифическим. Идеологи социализма временами пытаются ухватиться за него, но впечатление такое, что хватают они

пустоту. В докладе на заседании секции общественных наук президиума АН СССР секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, стремясь вписать "индивидуально-трудовую деятельность" в социализм, говорил:

"Если индивидуально-трудовая деятельность может принести пользу, то почему надо сооружать идеологические и практические препятствия для ее развития? Необходимо строго выдерживать лишь одно ограничение: не допускать эксплуатации"²⁶.

Но он тут же уходит от скользкой темы. Что же это такое - эксплуатация? Чем характеризуется "пограничная полоса", где она начинается и где кончается? Можно не сомневаться, что ни академик Аганбегян, ни секретарь ЦК КПСС Яковлев не возьмутся это понятие уточнить и четко определить.

"Регулируемый и довольно короткий рабочий день"

Не совсем ясно, что имеется в виду под термином "регулируемый". Рабочий день сегодня всюду регулируемый, в том смысле, что под воздействием технологической необходимости, с одной стороны, и социальных достижений трудящихся, с другой, он непрерывно уменьшается, дробится и принимает разные формы - но с сохранением предельного на данный период количества часов рабочей недели.

А вот насчет того, что рабочий день в Советском Союзе "короткий", - это неверно ни с какой стороны. Ни реально, ни даже арифметически. Официальная рабочая неделя в СССР - 41 час. В подавляющем большинстве развитых

стран – 40 часов, в некоторых даже меньше. В ФРГ, например, сейчас идет серьезная борьба профсоюза за установление 35-часовой рабочей недели. Фактически же рабочая неделя в развитых странах еще меньше за счет двух категорий трудящихся: а) постоянно работающих полдня; это главным образом женщины, матери семейств; б) работающих неполную рабочую неделю из-за сокращения производства. Полдневного рабочего дня в СССР нет, во всяком случае, официально признанного и повсеместно распространенного; советские женщины могут о нем только мечтать. Вторую категорию трудящихся советские пропагандисты квалифицируют как частично безработных. Не расшифровывая при этом, сколько они за неполную рабочую неделю зарабатывают...

В пересчете на год прокламируемая "короткость" рабочего дня в СССР совсем улетучивается. Рабочий ежегодный отпуск в развитых странах у большой категории трудящихся сегодня достигает 5–6 недель. В СССР – максимум 4 недели, у очень многих отпуск составляет всего 2 недели. Намного больше в развитых странах праздничных дней, в некоторых почти вдвое – 13 и 7 дней в году.

Реальный рабочий день в СССР существенно удлиняется специфическими советскими порядками: субботники, воскресники, авралы, "прихваты", обязательные партийные, профсоюзные, производственные собрания и заседания после работы. Затем он удлиняется недостаточным и неорганизованным общественным транспортом. Среднестатистический советский рабочий или служащий тратит на дорогу на работу и с работы гораздо больше времени, чем его запад-

ный коллега (не говоря уже о комфорте бельности поездок). Считай это время рабочим или не считай, но из свободного времени человека оно вычитается.

А. Г. напоминает, что "в своих работах Карл Маркс и Фридрих Энгельс придавали большое значение такому элементу социалистического образа жизни, как расширение свободного времени, считая, что люди будут использовать его для своего духовного развития и самосовершенствования"⁴. Однако именно по этому "элементу" социалистический образ жизни (реальной жизни реального социализма!) не идет ни в какое сравнение с несоциалистическим. Чисто арифметическая разница в продолжительности рабочего дня – лишь часть истины, причем не самая существенная. Практика реального социализма вызывает колоссальное "сужение" свободного времени. Бесконечные очереди за всем и вся, многочасовые поиски пресловутого дефицита, непрерывные жертвы часов и дней на алтарь государственного бюрократизма. И наконец, самое главное, о чем мы уже говорили, – процент работающих женщин. Если в советской семье, независимо от количества и возраста детей, почти каждая мать вынуждена работать, то, естественно, все трудоемкие и "времяемкие" домашние дела могут делаться лишь после работы и в выходные дни. Либо обоими супругами поровну, либо преимущественно женщиной (дискриминация!). Вот и самосовершенствующийся тут духовно!

Да, красиво говорили Основоположники! Мягко стелили, да жестко оказалось спать.

"Общественные фонды потребления"

Назойливая, но весьма односторонняя и искаженная пропаганда создает у советского человека впечатление, что общественные фонды потребления (ОФП) – исключительное завоевание СССР и других социалистических стран. Кое-кто из советских обывателей наверняка даже считает, что в развитых странах Запада вообще нет ОФП, а если есть, то на самом примитивном уровне. В то время как ОФП в развитых странах – и полнее, и больше.

Несравнимы расходы на социальное обеспечение. На пенсию в СССР можно существовать, но не жить, даже на максимальную пенсию. Пенсионеры в развитых странах по всем параметрам "пенсионной жизни" (питание, жилье, медицинское обслуживание, транспорт, поездки на курорты, возможность путешествовать и т. д.) "стоят" на несколько порядков выше.

Несравнимы объем и размеры пособий – по временной нетрудоспособности, по потере кормильца семьи, по беременности и родам, по уходу и кормлению ребенка. На пособия по многодетности в ряде развитых стран (США, ФРГ, Франция и др.) семья или даже мать-одиночка с многими детьми могут скромно жить, не имея при этом других доходов. В СССР это, конечно, невозможно. На государственные дотации семьи с малым доходом на Западе могут снимать квартиры на уровне "среднего класса". В Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, ФРГ, Австрии и т. п. – это совершенно нормальная практика. Что толку от дешевизны квартир в Советском Союзе (за счет тех же госдотаций), если этих квартир нужно ждать годами и десятилетиями?

В развитых странах Запада так же, как в СССР, бесплатно школьное государственное образование. Но условия обучения в среднем лучше. В некоторых странах дети даже бесплатно получают горячие завтраки. За высшее образование нужно платить (тоже далеко не всюду), но многие студенты получают стипендии, безвозвратные либо с последующей частичной выплатой. Но то, что остается специалисту после вычета помесячных выплат, в несколько раз выше (здесь разница именно в "разах", а не в процентах!), чем месячная зарплата "распределенного" молодого специалиста в СССР. Здесь, как и во многих других случаях, "бесплатность" – понятие чисто формальное и декоративное. Оно пропагандно эксплуатируется, но смысла имеет мало.

Пропагандисты "преимуществ социализма" вообще придают ОФП уродливо искаженное значение. Любой здравомыслящий человек понимает, что ничего с неба бесплатно не падает, разве что в народных сказках, да еще в у托пических сказаниях Основоположников. ОФП создаются за счет нашего же труда, наших отчислений от зарплаты – других источников нет и быть не может. Какая мне разница: буду ли я больше зарабатывать, а затем больше платить за то, что сегодня считается ОФП, либо буду меньше зарабатывать, но зато больше получать из государственного кармана?

Разница, впрочем, есть, но она не в пользу воспевателей ОФП. Во-первых, человек хочет платить сам, по своему пониманию и своим приоритетам, а не чтобы у него насиливо отбирали, подстригая всех под одну гребенку. Персоналистическая основа человека

неискоренима, недооценка ее – возможно, основная ошибка Основоположников. Во-вторых, образование ОФП и их последующее распределение и расходование – занятие отнюдь не безболезненное и уж совсем не бесплатное. Это не просто перекладывание из личного кармана в государственный, а затем обратно. Для технического осуществления этих "перевалочных операций" в масштабах такого государства, как СССР, нужны миллионные штаты и миллиардные средства. Штаты, занятые распределением и перераспределением, учетом и контролем, двойным и тройным контролем за честностью и справедливостью распределения, интенсивно разбухают, но социальная справедливость при этом отнюдь не увеличивается. Недаром о ее дефиците так много говорят в последнее время.

Понимание этого в советском обществе тоже растет. Вот какие точные и образные сравнения нашел кандидат экономических наук и публицист Геннадий Лисичкин – давний, покрытый шрамами борец с социально-экономическим догматизмом:

"Обезличка разъела всё. Пускай человек, если он высокопроизводительно работает, хоть тысячу рублей получает за свой труд, но пускай он сам строит себе дом, покупает за полную стоимость молоко и мясо. Это ведь типично иждивенческое общество, где каждый, как на паперти, заголяя свои язвы, кричит: дай, дай, дай! Мне кажется, что понимание социализма как общего котла, черпая из которого народ благодарит государство за заботу о себе, достаточно примитивно и является не чем иным, как пережитком феодального сознания"²⁷.

Иными словами, общественные фонды потребления не только не являются каким-то исключительным завоеванием социализма, но это "завоевание", все более отходя от опти-

мальных и, следовательно, полезных соотношений, все более подрывая самостоятельность и инициативу граждан, оказывает вредное воздействие на экономику в целом. Сегодняшние намерения уменьшить государственные дотации на основные продукты питания, на содержание жилищного фонда, на здравоохранение, на спорт, на культуру (киностудии, театры, издательства и пр.) - фактическое признание этого вывода. В то же время оно странным образом соседствует с провозглашением ОФП достижением и завоеванием социализма.

“Достижения в области социальных льгот и приоритетов”

Какие тут, собственно, достижения? Любой вид социальных льгот можно подробно, с помощью цифровых выкладок, разобрать и доказать, что в сравнении с развитыми странами Запада они мизерны или вообще фиктивны. Не могут быть роскошные плоды у дерева с гнилыми корнями. Если экономика страны в огромной степени работает вхолостую (а именно об этом и свидетельствуют убийственные цифры, приведенные Аганбегяном), то откуда взяться достижениям в области социальных льгот? Эти “льготы”, как и ОФП в целом, не идут ни в какое сравнение со льготами социально слабым слоям и группам населения в развитых странах.

Социальные приоритеты диктуются не голым желанием, но возможностями государства, уровнем его экономического развития. Сама расстановка социальных приоритетов выдает уровень развития данной страны и качество

функционирования ее экономики. Правительства бедных стран вынуждены вводить такие социальные льготы и субсидировать такие социальные сферы, какие для богатых, развитых стран - давно пройденный этап. Как и по адресу людей, по адресу стран можно пошутить: назови свои социальные приоритеты, и я скажу, что ты собой представляешь.

В статье "Перелом и ускорение"²⁸ у академика Аганбегяна есть специальный раздел - "Новое качество роста - социальные приоритеты". Оказывается, на восьмом десятке советская власть решила осуществить "крукий поворот в развитии народного хозяйства в сторону решения социальных задач, и прежде всего повышения благосостояния народа". Какие же социальные проблемы должны вписаться в этот "крукий поворот"?

"Важнейшая из таких проблем - улучшение питания населения".

Для разрешения этой вечно актуальной проблемы ранее была разработана специальная "Продовольственная программа". Теперь партией предусмотрена "глубокая перестройка всего агропромышленного комплекса"...

Конечно, у развитых стран Запада нет таких достижений, цитируемый социальный приоритет у них даже не сформулирован. Чего нет, того нет. Их население питается как-то стихийно, без продовольственных программ и партийных постановлений. Правда, их питание много лучше - калорийнее, разнообразнее (не хлеб и картошка преимущественно), с большим набором витаминов. Но социальным завоеванием это как-то никто не называет.

"Еще одна важнейшая задача – насыщение потребительского рынка широким ассортиментом высококачественных товаров и разнообразными услугами".

Опять-таки развитые страны никогда не выдвигали эту "задачу" в качестве социального приоритета. Они "насыщали" потребительский рынок совсем естественно, не думая об этом и не ставя "задач", как не думает человек о том, что, дыша, он выполняет важную задачу насыщения крови кислородом. Был бы "потребительский рынок", а уж широкий ассортимент товаров и услуг появляется автоматически. А для чего же иначе работает народ? Ведь не для торжественных сводок выполнения и красных знамен передовикам!

"Большое внимание будет уделено обеспечению населения жильем".

Этот "социальный приоритет" провозглашается в СССР, сколько мы себя помним. Приоритет ставится и стоит, как штык! Качество же жилья советского человека по-прежнему, говоря общепринятым языком, неадекватно мировым стандартам. Если же по-простому, то плохое жилье у советского человека, очень плохое! И разница в жилищных условиях (беря не только метраж, но и весь комплекс коммунальных услуг) между среднестатистическим советским гражданином и его "визави" в развитых странах с годами не только не сокращается, но, увы, еще больше растет. Сам А. Г. в своем обстоятельном интервью "Огоньку"⁴ показал это достаточно убедительно.

На примере Аганбегяна видно, как меняется тон и даже суть высказываний, когда независимый (разумеется, относительно) критик Административной Системы занимает высокое руководящее положение. А. Г., ставший экономическим советником Генсека и репрезентантом новой экономической политики, практически вынужден говорить языком Партии, то бишь ее Политбюро. Противоречия при этом до смешного прозрачны и недостойны интеллекта Аганбегяна. Но что поделаешь?! Назвался груздем... Очевидно, он считает, что это необходимая и приемлемая плата за возможность конструктивно влиять на ход перестройки. Другое объяснение придумать трудно.

За примерами далеко ходить не нужно. Вот 11 декабря 1987 года А. Г. выступает перед советскими телезрителями с "Мыслями о перестройке". Это уже после его поездки во Францию, в Англию и, сопровождая Горбачева, в США. Публичные выступления Аганбегяна в этих странах вызвали огромный интерес, его роль общеизвестна. Возросла и ответственность. Пресс ответственности давит: на тебя смотрят миллионы, тебя цитируют и на тебя ссылаются, в том числе "наши враги". Не нужно даже ждать упреков сверху, - работает самоцензура ("самоуправление"). Отсюда и такие телепассажи:

"Мы говорим решительное 'нет' тем, кто предрекает нам безработицу, инфляцию, массовое банкротство промышленных предприятий и прочие беды"²⁹.

Простите, Абел Гезович, но Вы же и предрекаете! Всего лишь 3,5 месяца назад Вы утверждали в "Известиях"⁹, что несколько тысяч явно убыточных советских предприятий ничто не спасет, что надо оставить только те предприятия, что способны к саморазвитию (точные цитаты см. выше). Это ли не массовое банкротство, это ли не предстоящая безработица? Не Вы ли в другом телевыступлении сказали, что минимум 8 миллионов "управителей" должны будут искать новую работу? Или Вы считаете, что можно будет в одночасье им эту новую работу предоставить? Как совместить эти заявления?

Еще смешнее с инфляцией. В самой советской прессе нынче полно статей, с цифрами и процентами показывающих реальный уровень инфляции, причем весьма высокий. Ее и предрекать не надо, она давно уже идет полным ходом. И, в отличие от попавших в полосу высокой инфляции развитых стран, задевает гораздо более широкие слои населения. Фактическую, в противовес официальным данным инфляцию признает уже и советская пресса:

"...реальный их (цен. - А. Ю.) рост значительно превышает те индексы, которые публиковались ЦСУ и которые не отражают ни роста рыночных цен, ни появления более дорогих и вымывания более дешевых изделий. По нашим расчетам, за последнюю четверть века индекс розничных цен и тарифов на услуги повышался в среднем на 2,8% в год"³⁰.

Целый ряд ведущих экономистов страны (Абалкин, Богомолов, Петраков, Шмелев и др.) нам теперь популярно разъяснили, что гораздо хуже открытой инфляции ее типично социалистическая конверсия - хроническая и нарастаю-

щая дефицитность. Отложенный потребительский спрос, переход в разряд дефицитных все новых продуктов и товаров, талонное распределение, злоупотребление "распределительными" привилегиями – это все плата за ложную стабильность цен (которой все равно нет, под тем или иным соусом цены растут). Открытая инфляция, пусть самая высокая, уже лучше: они ничего не замутняет, но показывает серьезность экономического заболевания, а тем самым – пути лечения.

Аганбегян, Заславская и другие ведущие экономисты и социологи выступают за ликвидацию государственных дотаций не только на основные продукты питания, но и на квартиры, транспорт, курорты, какие-то формы медицинского обслуживания. Это значит резко, как минимум, вдвое повысить цены. Зарплаты же возрастут, согласно самому Аганбегяну³¹, на 20–35%. Что это, если не легализация инфляции, перекачка дефицитности в открытый рост цен? Даже имея "широкие основания", нельзя сидеть сразу на двух стульях, если стулья повернуты спинкой друг к другу.

Выступая в американской Академии наук в Вашингтоне, Аганбегян пошутил: "Мы не собираемся вводить фондовую биржу, мы хотим спать спокойно". Дело было после волнений на всех биржах мира в ноябре-декабре 1987 г. В своем журнале "ЭКО" А. Г. более откровенен:

"В отдельных социалистических странах делаются первые шаги по созданию рынка ценных бумаг. Скажем, в Венгрии предприятиям через банк разрешен выпуск акций, которые приобретаются населением. Доход по ним выше, чем при хранении денег в сберкассе... Но у нас подобные меры пока (разрядка моя. – А. Ю.) не предусмотрены. Надо многому научиться, овладеть

рынком товаров, ведь мы пока не умеем делать и этого. А уж потом, со знанием дела, можно перейти к рынку ценных бумаг"³².

Фондовая биржа - всего лишь атрибут рынка ценных бумаг. Если пока не в состоянии делать первые шаги, то не стоит изображать великую принципиальность. Что это, двойная бухгалтерия в расчете на разные аудитории?

Еще одно больное место - следование в кильватере за КНР. На той же пресс-конференции А. Г. подчеркнул, что Советский Союз не будет подражать Китаю и не станет вводить в широком масштабе элементы рыночного хозяйства. Но и весь пафос выступлений и интервью А. Г. последних двух лет - именно введение этих самых "элементов" в широком масштабе. Как же понимать сие "экспортное исполнение"? После известных "октябрьских событий" в Москве (Ельцин и пр.) включен механизм торможения? Или это сознательная, согласованная политика? Мол, перед иностранцами будем гордо держать идеологический хвост пистолетом, а дома его постепенно поджимать?

Самое трудное для социалистических реформаторов - это показать разницу между конечным итогом перестройки и тем, как сегодня выглядит социально-рыночная экономика в развитых странах. Именно показать эту разницу, а не провозгласить - на словах она всегда существует, глубокая и высокоидейная. Но реформаторы в социалистических странах - люди образованные, они отлично знают, что основная характеристика социально-рыночной экономики - ее способность к саморегуляции. Иными словами - способность самоустанавливать оптимальное соотношение между рыночной

(производительной) и социальной (распределительной) ветвями государственного экономического полиспаста*. В условиях социально-рыночной экономики это соотношение оптимально для данного народа, для данного государства в данный конкретный период. Стойкая дистанция от самоустанавливающегося соотношения означает не что иное, как сознательное, идеологически обоснованное отклонение от оптимума. Значит, опять сталинская формула "Нам нужна не всякая производительность труда", лишь с меньшим вызовом провозглашенная? Поэтому и избегают социалистические реформаторы не только строить футурологические теории, но вообще касаться скользкой темы конечных отглажий.

Коммунистический Китай тоже ведь не полностью потерял свою идеологическую девственность, он тоже, если послушать вождей КПК, всего лишь "немножко беременный" рыночными методами. Печально, когда творцы перестройки начинают всерьез доказывать, что мы, мол, беременны еще меньше Китая. Если это действительно так, то плод обречен на монголоидность.

Академик Аганбегян заявил в США, что Советский Союз не будет подражать коммунистическому Китаю в области сельского хозяйства. Здесь между СССР и КНР существует, по его словам, огромная разница. 80% миллиардного населения КНР занимается сельским хо-

* Полиспаст - грузоподъемное устройство, состоящее из системы подвижных и неподвижных блоков, огибаемых канатом или цепью. Позволяет получить выигрыш в силе.

зяйством, крестьяне владеют небольшими наделами и обрабатывают их практически вручную. Наша же технология производства рассчитана на крупные земельные хозяйства. Мы не можем, утверждал А. Г., пойти на распыление земель, принадлежащих колхозам и совхозам.

Эти доводы можно повернуть как раз наоборот. Если китайское сельское хозяйство, с крошечными наделами, слабомеханизированное, слабохимизированное, за 8 лет прямой заинтересованности крестьянина совершило такой резкой скачок (прогресс тут неоспорим и подтверждается всевозможными цифрами и процен-тами), то советское сельское хозяйство за тот же период наверняка сделало бы не меньший рывок. Что означало бы - избавиться от импортной зерновой зависимости. Или это Аганбегян специально успокаивал американских фермеров: "не бойтесь, мы не собираемся следовать китайскому примеру"?

Между прочим, это противоречит и известным словам Горбачева, сказанным им в разговоре с механизаторами Раменского района Московской области в начале августа 1987 года:

"А почему вам не передать в аренду вообще и землю, и основные фонды? Смысл такой - быть уже по-настоящему хозяевами"³³.

Такая долгосрочная аренда и есть китайский опыт. Вряд ли Аганбегян не знал этих слов Горбачева. Скорее можно предположить, что за четыре месяца на верхах произошли какие события, которые показали, что зондаж Горбачева наталкивается на решительное сопротивление высшей номенклатуры. В заявлении Аганбегяна

перед американскими учеными отражен вывод, к которому на верхах КПСС вроде бы пришли. Но что будет, если суровая реальность заставит признать, что догосрочная аренда земли и основных фондов - единственная возможность наполнить полки продовольственных магазинов?

В США А. Г. противоречил и своим "домашним" заявлениям. Вот что он говорил в интервью "Огоньку" всего лишь 5 месяцев назад:

"Отрицательный результат прежних лет убедил, что без принятия революционных мер в области сельского хозяйства все наши смелые планы окажутся не более чем благими намерениями"⁴.

Но что есть "революционные меры"? Свободный выход крестьян из колхозов и совхозов и догосрочная аренда ими у государства земли и основных фондов. Все остальное уже испробовано и положительных результатов не дало. Хотя для многих еще живых творцов и воспевателей "великого перелома" в стране меры эти скорее - контрреволюционные. Не в этом ли основа "торможения"?

Правда, догосрочная аренда - и это уже показал китайский опыт - тоже паллиатив с существенными принципиальными изъянами³⁴. В мире существует много других стран, с опытом гораздо более привлекательным, чем китайский - американский, канадский, евстралийский, французский опыт, опыт всех тех стран, которые продают или, если понадобится, могут продавать Советскому Союзу свои зерновые и прочие излишки. Их опыт - это рыночно-фермерское сельское хозяйство, где фермер полный хозяин "распыленной" земли, скота, машин, а

обществу выплачивает налог, земельную ренту. Количество фермеров уменьшается по мере роста производительности их труда, но это означает возможность для одних покупать, а для других продавать свои наделы. Идет процесс естественного отбора, который постепенно приводит к максимальной производительности при минимуме занятых. Государство смягчает этот процесс (различного рода субсидиями, льготами, кредитами и пр.), заботясь о его постепенности, плавности и как можно более высокой безболезненности. Но, в конце концов, только процесс конкурентного отбора способен обеспечить оптимум – наилучшее в данных условиях сочетание максимальной производительности и минимальных социальных потрясений. В сельском хозяйстве всех этих стран де-факто торжествует солидаристический принцип оптимальной поддержки.

Промежуточный китайский опыт и должен был бы стать той революционной мерой, к которой призывает А. Г. Публичное отрицание его тушит весь "революционный жар" преобразований. Выпячивание политической индивидуальности и непохожести СССР идет наперекор здравому смыслу перестройки.

"Куда повернет деревня? – спрашивает не менее грамотный, но более независимый экономист Н. Шмелев. – К суперструктурам, ко всем большему нагромождению различных административных конструкций, идеально задуманных, но уже не единожды доказавших свою беспомощность в реальной жизни? Или же к здравому смыслу, освобождению сельского труженика от почти уже раздавившей его административной пирамиды, ненужность которой ясна теперь, кажется, всем, кроме тех, кому она обеспечивает хоть какое-то занятие и безбедную жизнь"³⁵.

Академик Аганбегян не присоединяется безоговорочно к сторонникам здравого смысла, но пытается балансировать где-то посередине. Жизнь, однако, заставит покинуть эту позицию весьма неустойчивого балансирования.

Сейчас специалисты обрели возможность не соглашаться и мотивированно оспаривать паллиативные, с "традиционным душком" решения. И это уже в ряде случаев чувствительно ударило по предложениям А. Г. Так, его расчет необходимого увеличения национального дохода до 4-5% в год был поставлен под сомнение статьей Василия Селюнина³⁶. Профессор МГУ Гавриил Попов убедительно показал, что предложенное рядом экономистов, в том числе и А. Г.⁴, "штрафование" обладателей излишков жилплощади намного более высокой квартплатой мало что даст экономически, но неминуемо усилит административный аспект управляемого механизма³⁷. Фактически полемизирует с утверждением А. Г. ("мы не можем пойти на распыление земель, принадлежащих колхозам и совхозам") целый ряд рубликаций последних месяцев, из них хочется отметить четкую и конструктивную статью доктора экономических наук В. Узуна "Право на выбор судьбы"³⁸. Гласность вскрывает противоречия и затрудняет балансирование.

*

Противоречия академика Аганбегяна вполне понятны и объяснимы. Невозможно, будучи на его месте и в его роли, не окунуться в них с головой. Человек, взваливший на себя бремя

теоретически-конструктивного обоснования перестройки, практически вынужден платить дань социалистической идейности. Да, в сущности, и не так важно, верит ли А. Г. либо кто другой из той же когорты в "преимущества социализма", в возможность "очистить" и построить, наконец, "настоящий социализм", в лозунг "больше демократии, а следовательно, - больше социализма!". Сама логика процесса, если он реально будет углубляться, в конечном счете, тоже потребует, может быть, не самой важной, но неминуемой дани - правильной терминологии и честной дефиниции.

У процесса революционной перестройки народного хозяйства в условиях однопартийной диктатуры (если таковой вообще в этих условиях возможен) нет многих вариантов, он пойдет по вполне предсказуемым этапам: децентрализация, реабилитация частной и кооперативной форм собственности и их полное становление, социально-экономический плюрализм вообще. И этот путь ничего общего не имеет с теоретическими проектами "Коммунистического манифеста", "Государства и революции" или "Вопросов ленинизма", наоборот, он идет им наперекор. Какое-то время можно это скрывать, но до конца не скроешь.

Вот поэтому с академиком Аганбегяном можно полностью согласиться, когда он определяет перестройку экономики как объективную необходимость, а поэтому верит в ее конечный успех. Как согласиться и с тем, что в стране, доведенной до чудовищного кризиса по всем буквально направлениям, на пути перестройки стоят колоссальные трудности.

"Я не допускаю мысли о провале перестройки по той причине, что она явление не субъективное, это не просто желание группы людей, а объективная потребность, требование жизни. И она в той или иной форме, медленнее или быстрее, должна осуществиться.

Но перестройку подстерегают немало опасностей. Замедление ее хода, извращение сути... Не знаю, самая ли это главная опасность, но я бы назвал недооценку сил инерции, пассивность. Это и старая структура нашего хозяйства, которая, как оковы, висит у нас на ногах, это и старое мышление, и выжидательная позиция"³⁹.

Вот тут нет противоречия. Тут неминуемым следствием просвечивают обе стороны медали, которую за долгие десятилетия отковала КПСС со своей коммунистической идеологией... Мы тоже оптимисты и верим, что порочная, растратная и аморальная экономика идеократической системы раньше или позже потерпит сокрушительное поражение. Мы верим, что она окажется на полу, а неподкупный рефери – Мировая История, досчитав до "девяти", поднимет руку победителя – Правды и Здравого Смысла. Для России жизненно важно, чтобы нокаут произошел уже в этом раунде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раиса Берг. "Суховей". New York, 1983, с. 260.
2. Интервью Т. И. Заславской газете "Нью-Йорк таймс", 28.8.1987.
3. Доклад Т. И. Заславской на всесоюзном семинаре социологов в апреле 1983 г. "Посев" 10, 1983.
4. Человек и экономика. Интервью с академиком А. Г. Аганбегяном. "Огонек", №№ 29-30, 1987.
5. Василий Селюнин, Григорий Ханин. Лукавая цифра. "Новый мир", № 3, 1987.
6. О. Лацис. По-новому взглянуть... "Коммунист", № 13, 1986.
7. Ю. Рытов. Миллиарды, которые спят. "Известия", 5.12.1987.

8. На путях обновления. Диалог "ЛГ" с А. Г. Аганбегяном. "Литературная газета", 18.2.1987.
9. Отступать некуда. Беседа с академиком А. Г. Аганбегяном. "Известия", 25.8.1987.
10. Александр Югов. Закон социалистической циркуляции. "Посев" №№ 11-12, 1972.
11. Александр Югов. Четыре причины ухудшения экономики СССР. "Посев" № 7, 1983.
12. USSR-Situation and Outlook Report, United States Department of Agriculture, May 1986.
13. Diercke. Weltstatistik 84/85, с. 245.
14. "Аргументы и факты", №№ 41-426, 1987.
15. Keith Bush. Retail prices in Moscow and four Western cities in October 1986. Radio Liberty, 1987.
16. Елизавета Понарина. Молоко: рубль и литр. "Социалистическая индустрия", 6.1.1988.
17. Der Fischer Weltalmanach 1988, с. 822.
18. Валентина Стругова. Всё начистоту. "Советская Россия", 6.12.1987.
19. См., например, письма читателей в журнал "Собеседник", № 4, 1988.
20. "Аргументы и факты", № 47, 1987.
21. Н. Миронов. Куда же всё ушло? "Правда", 11.-12.1987.
22. Анатолий Злобин. Любой ценой. "Новый мир", № 2, 1987.
23. Александр Югов. Человек без места. "Страна и мир", № 4, 1986.
24. Николай Шмелев. Авансы и долги. "Новый мир", № 6, 1987.
25. Грязный колодец. Выступление Б. Ельцина перед пропагандистами Москвы. "Посев" № 10, 1986.
26. А. Яковлев. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки. "Коммунист", № 8, 1987.
27. Экономика на перепутье. Круглый стол "ЛГ". "Литературная газета", 3.6.1987.
28. А. Г. Аганбегян. Перелом и ускорение. "ЭКО", № 6, 1986.
29. Выступление А. Г. Аганбегяна по центральному телевидению. Сообщение ТАСС, 11.12.1987.
30. В. Волконский. Повышать или снижать? "Социалистическая индустрия", 26.1.1988.
31. Sowjet-Union 1988: Weg von der Planwirtschaft? "Spiegel", № 2, 1988.
32. А. Г. Аганбегян. Программа коренной перестройки. "ЭКО", № 11, 1987.

33. М. С. Горбачев в Подмосковье. "Правда", 7.8. 1987.
34. Александр Югов. Сватовство длиной в четверть века. "Посев" № 2, 1988.
35. Н. Шмелев. Другая опасность. "Московские новости", 3.1.1988.
36. Василий Селюнин. Темпы роста на весах потребления. "Социалистическая индустрия", 5.1.1988.
37. Г. Попов. Механизм управления и жилищный вопрос. "Наука и жизнь", № 10, 1987.
38. В. Узун. Право на выбор судьбы. "Сельская жизнь", 12.3.1988.
39. "Аргументы и факты", № 44, 1987.

Мамонтовский рейд

Письмо участника рейда Мамонтова

От публикатора

Публикуя с любезного разрешения ныне покойного Андрея Альфредовича Руперти его письмо к родителям, написанное им сразу после выхода из рейда корпуса генерала Мамонтова, в котором он участвовал, пройдя весь путь на броневике, мы прежде всего хотели бы отметить, что это письмо – уникальный документ. Ибо, насколько нам известно, ни один из участников этого рейда не опубликовал своих воспоминаний.

Свежесть впечатлений и непосредственность в передаче событий не позволили нам вносить какие-либо поправки или сокращать это письмо, у автора которого, как он пишет сам в сентябре 1919 года, не было "времени и терпения переписывать написанное". Письмо написано от руки на 25-ти разлинованных страницах и к нему приложены многочисленные вырезки из газет того времени о рейде Мамонтова. Посылая его нам, незадолго до своей смерти, А. А. Руперти писал:

"Рейд Мамонтова только эпизод нашей тогдашней борьбы, правда, особенно яркий. Я до самых последних боев в Крыму принимал участие в его обороне, будучи пулеметчиком на славном броневике 'Генерал Слащев'..."

За границей А. А. Руперти, став инженером, занимал видное место в одном из химических концернов в Базеле, где он и скончался 5 августа 1987 года, в возрасте 90 лет.

Все знавшие А. А. Руперти вспоминают о нем, как о добром, отзывчивом и исключительно скромном человеке. Перечитывая это письмо, написанное представителем молодой части интеллигенции, ушедшей служить в белые армии, становится, в частности, очевидным, что ни корнет А. А. Руперти, ни большинство его товарищей не

могли быть грабителями и насильниками, какими рисует всех без исключения мамонтовцев советская пропаганда.

Н. Рутыч

"Ростов, кв. Алеши Матвеева
25/IX ст. ст. 1919 года

Дорогие мои мама и папа,

Я знаю, как Вы обо мне беспокоитесь и волнуетесь, и поэтому, если я Вас и оставил так долго без известий о себе, то это произошло не по моей вине. Я находился в корпусе генерала Мамонтова и вместе с ним был полтора месяца в тылу у большевиков; так что не было возможности послать письмо не только за границу, но и на Дон. Но лучше все по порядку, начиная с последнего письма, которое, как я знаю, Вы получили и где я пишу, что нахожусь у англичан. Когда я писал это письмо, я был занят переводом английских пулеметных уставов на русский язык и намеревался по окончании этого дела устроиться к Мамонтову. Окончание перевода совпало с приездом К. К.* в Новочеркасск, и мне удалось, не без труда, ликвидировать свои дела с англичанами и, получив за труды 6000 рублей, отправиться вместе с Ольгой Николаевной к К. К. на фронт. Он нас взял с собой в свой поезд, так что ехали мы вместе. Когда мы приехали на место, где были расположены войска, К. К. определил меня

* Речь идет о начальнике штаба 4-го Донского корпуса, генерал-майоре Константине Тимофеевиче Калиновском. - Прим. Н. Р.

сначала офицером для поручений при инспекторе артиллерии корпуса. Так как меня сильно не устраивало занимать штабную должность, то я стал присматривать себе более подходящее место. Случайно я узнал, что один из броневых автомобилей корпуса вооружен английскими пулеметами, по которым я в последнее время сделался инструктором и большим специалистом. Заручившись согласием начальника отряда, я перевелся офицером-пулеметчиком на бронированный автомобиль "Медведица". Дня через три начались наши операции по прорыву красного фронта, и я участвовал в первом бою, который и намерен описать подробно*.

Красные занимали деревню Васильевку, на которую должен был быть направлен наш главный удар. В деревне находились части известной Богучарской дивизии красных и особого коммунистического полка. Поэтому при нашем наступлении они не бежали, как полагается красным, а оказывали упорное сопротивление. Вызывали три броневых машины, бывшие при корпусе: "Медведица", "Атаман Каледин" и "Стерегущий". Мы вошли в деревню и были встречены пулеметным и ружейным огнем в упор. Красные сидели кругом нас в подсолнухах в ничтожном расстоянии, но их пули только неприятно щелкали по броне, не

* 40-я Богучарская с. д. входила в состав 8-й Армии, на стыке которой Мамонтов прорвал фронт красных. До июля 1919 г. именовалась 1-й Особой дивизией. Была сформирована для подавления Верхнедонского, Вешенского восстания на Дону в апреле 1919 года. - Прим. Н. Р.

делая нам вреда. Мы открыли по ним пулеметный огонь. Вскоре пулемет моего коллеги отказался работать. Я продолжал стрелять. Красные сделали попытку кинуться на нас сзади в атаку с ручными гранатами, но были отбиты пулеметным огнем вовремя подошедшего "Атамана Каледина". После этого красные не выдержали нашего огня и рассыпались. Мы стали их преследовать. Как потом выяснилось, они частью вновь набросились на броневик "Стрекоза", шедший сзади, и вывели его из строя, подорвав колесо ручной гранатой. Непосредственно за нами в деревню влетели калмыки, и она была занята.

После взятия деревни мы гонялись за красными, причем два раза попадали под сильный обстрел их батарей и поспешно меняли свое положение. Затем пришлось совершить переход без боя и к вечеру опять выезжать обстреливать какую-то пехоту. В общем, почти не вылезая из машины, мы провели девять часов, причем, благодаря июльской жаре (22/VII)*, работе мотора и стрельбе пулеметов, температура внутри машины была около пятидесяти градусов. Поэтому, несмотря на то, что мы работаем почти голые, все время обливаешься потом, в голове стучит, и к вечеру я был почти без сознания и думал, что подобного удовольствия долго не выдержу. К счастью, оказалось, что только первый бой был таким тяжелым. В дальнейшем ничего подобного больше не было, и я остался очень

* Здесь и дальше все даты даны по старому стилю.

доволен службой на броневиках и теперь не думаю ее менять.

После боя под Васильевкой корпус генерала Мамонтова преследовал разбитого противника по Воронежской дороге и через два дня ночевал в большом селе Чигла. Здесь на наши части под вечер напали подошедшие свежие силы красных и ворвались в одну часть деревни. Деревня запылала, а генерал Мамонтов со своим штабом поскакал лично управлять боем. На беду артиллерийский снаряд разорвался как раз посреди штаба и ранил адъютанта, убил лошадей начальника штаба, генерала Мамонтова и еще одну, а у самого К. К. вырвал сзади клок из его кителя. Но судьба, очевидно, не захотела нашей гибели, и генерал остался невредим. К вечеру бой затих, а на следующий день возобновился с новой силой на новом месте – у села Александровка. Большие силы красных наступали на село, занятое нами. Их чрезвычайно густые цепи шли во весь рост одна за другой, подгоняемые конными коммунистами. Мамонтов послал почти всю свою кавалерию для обхода с тыла и охвата флангов красных, а нашим двум броневым машинам дал задачу сдерживать красных перед деревней до подхода конницы. "Медведица" действовала слабо, но "Атаман Каледин" отлично. Он был окружен красными и все же отбился, уложив громадное число их. Несмотря на крайнее упорство и стойкость красных, дело кончилось в нашу пользу и около двух дивизий их были разбиты.

После боя пленные раненые и лишние обозы были отправлены в тыл. Туда же пошла и моя "Медведица", испортившаяся в бою. По дороге я

попросил начальника отряда перевестись на единственного оставшегося при корпусе "Атамана Каледина". Получив разрешение, я вернулся обратно, захватив свой английский пулемет. Меня приняли с радостью, потому что на "Атамане" в бою под Александровкой один из команды был ранен и выбыл из строя.

Через день после этого началось наше продвижение по новому направлению - по дороге на Тамбов. Связь наша с тылом прекратилась. Все обозы, затруднявшие наше движение, даже кухни, были отосланы назад, и мы пошли вперед налегке. Сзади нас ворота, пробитые в красном фронте, захлопнулись, и мы оказались отрезанными (что входило в планы Мамонтова).

К сожалению, ворота захлопнулись перед проходом нашего грузовика с бензином, и мы очутились в тылу у красных с перспективой грандиозного похода впереди и всего с двадцатью пудами бензина, а как ты, наверное, знаешь, у красных бензина нет ни капли и поэтому надеяться пользоваться их бензином, как мы пользовались их патронами, складами и пр., не приходилось. Пришлось изобретать что-нибудь. На помощь явились быки. Мы запрягли в машину семь пар этих зверей и поехали себе без бензина.

Первое время похода было чрезвычайно тяжелое. Шел беспрерывный дождь, и дороги размякли настолько, что лошади с трудом вытягивали ноги, люди завязали, не преувеличивая, по колена. Бросалось все, что только можно было бросить: брички, повозки, даже снаряды. Но броневик надо было тащить, несмотря на то, что он по башни уходил в

грязь. Тащили мы его без отдыха день и ночь, ночь и день, день и ночь, напрягая все свои силы. К автомобилю припрягали то двенадцать пар артиллерийских лошадей, то десять пар волов. Сзади и с боков пихали его две сотни казаков, специально к нам прикомандированных. Колеса были обмотаны цепями и веревками, и мотор старался развить высшую силу; грязь раскапывали, стлали солому и пр. Таким образом вершок за вершком, аршин за аршином мы подвигались вперед, проходя в сутки по сорок верст.

При пересечении железной дороги мы захватили два поездных состава с интендантством одной из лучших красных дивизий. Не имея возможности вывезти эти составы, К. К. дал их на разграбление казакам, и они здесь впервые за этот поход попользовались и обмундированием, и сапогами, и бельем, и сахаром, и пр.

Погода стала лучше, и мы беспрепятственно продолжали продвигаться на Тамбов. Около самого Тамбова мы натолкнулись на проволочные заграждения и окопы. Мамонтов заставил нас немного пострелять, но не стал стараться лбом прошибить стену и повел нас кругом города к северной его стороне. Корпус стал на ночлег в деревне в верстах двенадцати от Тамбова. Интересно, что в это самое время, когда весь корпус генерала Мамонтова ночевал в двенадцати верстах от Тамбова, большевистские газеты, с целью скрыть от населения правду, писали: "Слухи о продвижении казаков преувеличены; разведка, посланная кругом города по радиусу в шестьдесят верст нигде противника не обнаружила". Вот уж

действительно, "слона-то не приметил"! Однако в то же время большевики спешно эвакуировали город, и, когда на следующий день "Атаману Каледину" было приказано их оттуда выбить и способствовать занятию города, нам пришлось только немного пострелять по вокзалу, где было засели оставшиеся коммунисты, и затем мы свободно вошли в Тамбов.

Обогнав, благодаря своему ходу, конные полки, мы (то есть "Атаман") первые вошли в город и стали ездить по улицам. Там произошел целый ряд забавных случаев. Как-то отставшие красноармейцы приняли нас за свой броневик, и мы их подозревали и затем, к великому их ужасу, они узнали свою ошибку и платились за нее кто револьвером, кто винтовкой (мы у них только отбирали оружие); наши же, наоборот, приняли нас за советский броневик, потому что мы, проехав по всему городу, пошли им навстречу, и открыли по нам огонь из двух пулеметов, конечно, не причинивший нам никакого вреда.

В Тамбове была захвачена богатейшая военная добыча: артиллерийский склад с орудиями, 500 вагонов со снарядами, массой зарядных ящиков, кухонь, повозок и пр.: пороховой завод, спиртной завод с тысячами ведер спирту, громадные склады обмундирования, снаряжения с неимоверным количеством штанов, гимнастерок, шинелей, белья, сапог, седел и пр., большие запасы чая, сахара, кожи, мыла, соли, табаку, спичек, в общем, что только душе угодно в количестве, рассчитанном на многие десятки тысяч красноармейцев. Пушки, снаряды и спирт были взорваны и

сожжены, причем взрывы непрерывно продолжались почти сутки, а все имущество интендантских складов поступило в распоряжение толпы. Попользовались и казаки, которые все заново переобмундировались, и жители. Всем хватило с излишком.

Население относилось к нам как нельзя лучше и происходило множество трогательных сцен. В Тамбове и недалеко от него было взято множество пленных. Красноармейцы сдавались целыми частями. Пленным, после отборания у них оружия, было предложено идти на все четыре стороны, но три красных полка, состоявших главным образом из тульских солдат, не пожелали расходиться, а захотели бок-о-бок с нами с оружием в руках отвоевывать свою Тулу. Моментально нацепили они себе погоны и белогвардейские белые ленты на фуражки, получили от нас офицеров и образовали 1-ю Тульскую дивизию, которая, пополняясь все время добровольцами, до конца рейда сражалась вместе с нами и успела заслужить себе своею стойкостью хорошую славу.

Я думаю, не стоит больше задерживаться в Тамбове, потому что Мамонтов спешит уже на Козлов, и мы погоняем своих быков и стараемся от него не отстать. Перед Козловом большевики оказали сопротивление и задержали нас на один день. Из-за неисправности мостов "Атаман" первый день не смог принять участие в бою. Мы собственными силами построили два порядочных моста и на следующий день принимали участие в боевых действиях под самым Козловом и снова первыми вошли в город.

Здесь нам оказали самый теплый прием. Все население высыпало на улицы, рабочие стояли громадными толпами перед своими заводами и все кричали "ура", махали руками и бежали за нами. Мы прямо поехали к тюрьме, где сидели арестованные Чрезвычайкой, и когда их выпустили, то радости и восторгам собравшейся толпы не было предела. Стояло несмолкаемое "ура", офицеров и, в частности, моего командира, подхватывали на руки и качали, в церквях радостно звонили колокола. Меня даже слеза прошибла.

В Козлове так же, как и в Тамбове, были захвачены громадные склады со всевозможным военным имуществом и, конечно, уничтожены. Пробыв в городе один день, мы пошли дальше, оставив для поддержания порядка и формирования добровольческих частей один полк в Козлове.

Вышли из города мы по направлению на Ряжск, то есть на Москву, но затем круто изменили свой маршрут и пошли на Лебедянь-Елец. Я забыл упомянуть, что в Козлове был захвачен готовый к отправлению отдельный вагон со всеми кассами города. В нем оказалось около шестидесяти миллионов – шесть казенных парных подвод пошли под эти деньги. Кроме того, захвачен поезд Троцкого и его собака. Главная же собака – сам Троцкий, конечно, удрал. Там же мне пришлось видеть интересную картину при разрушении железнодорожных путей и мостов: один мост был взорван, и на пустое место, для большего загромождения и большей трудности исправления пути, был пущен товарный состав, состоявший из паровоза с шестью вагонами.

Конечно, все это полетело в пролет моста, поднялся дым, пар, пыль, и на месте осталась бесформенная груда обломков. Так-то мы, русские, воюя друг с другом, уничтожаем наше собственное добро!

Но надо двигаться дальше. До Лебедяни мы дошли без особых происшествий и пошли на Елец. Во взятии города "Атаман" не участвовал. В городе захвачено большое количество оружейных составов, которые не были вывезены, потому что мы испортили кругом города пути, громадные интендантские склады и, например, двадцать тысяч пар сапог, тридцать тысяч пар заготовок, тысячи пудов сахара. Но самое важное для нас было то, что мы захватили почти исправный броневой автомобиль той же марки (Ostin), как и наш, благодаря чему мы получили возможность заменить потрепанные части нашей машины, например, колеса новыми. Этот красный броневик мы на быках благополучно дотащили до соединения со своими войсками, и сейчас он так же, как и "Атаман", благополучно чинится в Ростове. Кроме того, в Ельце был захвачен бронепоезд красных.

В Ельце наши силы разъединились. Пехота (из перешедших красных и добровольцев) была погружена в поездные составы и вместе с бронепоездом и дивизией конницы двинута на Воронеж по железной дороге. Остальная же часть конницы вместе с "Атаманом" пошла на Грязи и здесь вновь разделилась: одна дивизия пошла на Лиски, но не взяла города, а другая - на Давыдовку. Мы были в Лискинской группе, и с нами случилось неприятное происшествие, а именно: вследствие грязи

броневик соскользнул с одного моста (полторы сажени высоты) и полетел вверх, колесами, вниз. Лишь с невероятным трудом и после упорной работы удалось его снова поставить на колеса и вытащить из болота. При падении была испорчена моя башня, но мне удалось ее заменить, сняв башню с "Андрея" (машина, отбитая у красных в Ельце).

От Лисок наша группа пошла опять на север и, соединившись с остальными группами (первая взяла Воронеж, а вторая - Давыдовку), пошли все вместе на соединение со своими войсками фронта. После нескольких боев мы и соединились со Шкурой, а затем и с Гусельщиковым в районе г. Коротояка.

В общем, рейд начался 22 июля и кончился 7 сентября, то есть продолжался около полутора месяцев, в течение которых мы находились в тылу у большевиков. За все это время только один раз прилетел аэроплан для связи с нами, причем, отыскивая нас, он три раза опускался в районе красных. За этот рейд взято и распущено по домам тысячи красноармейцев, приведена с собой целая дивизия пехоты, уничтожены три большевистских базы - две армейские и одна фронтовая, освобождено около тысячи своих пленных и 150 воронежских заложников, испорчены все железнодорожные пути в тылу красных, где мы проходили, и проч.

Под Лисками под Мамонтовым упала лошадь и повредила ему ногу (что-то со связками); так что с тех пор он ездит в коляске и ходит на костылях, но, тем не менее, даже когда мы соединились со своими войсками, он не пожелал эвакуироваться, правильно считая, что

без него все развалится, и вместо этого вновь предпринял какую-то штуку в тылу у красных.

После соединения со своим фронтом Мамонтов отправил в тыл приведенную с собой пехоту, колоссальные накопившиеся за последнее время обозы с ранеными, военной добычей и военным имуществом, наши оба требующие ремонта броневика, а корпус, облегчившись, вновь пошел действовать по тылам красных.

Меня К. К. задержал на один день и отправил с бумагами в штаб войска в Миллерово на прилетевшем к нам аэроплане. Мне пришлось лететь триста верст, и это тоже было весьма интересное путешествие. Выполнив поручения, передав бумаги и, между прочим, представление корнета Руперти к Владимиру с мечами и бантом в штаб, я по железной дороге прибыл в Ростов, куда через несколько дней прибыли и наши машины и где сейчас мы все и находимся. Сюда же приехала и Ольга Николаевна, которая весь рейд была сестрой милосердия в 3-й сотне 46-го полка. Командиром этой сотни является Николай Николаевич Коковцев. Сейчас он тоже здесь. Для Ольги Николаевны это путешествие было, конечно, не под силу; она сейчас Бог знает на кого похожа, когда идет по улицам, то ее ветром шатает, и доктор велел ей немедленно лечь в больницу. Но она беспокоится о судьбе своей дочери Вари и думает ехать в Крым. Я ее пристроил в Хоба-Туби*, куда я сам отправляюсь сегодня или

* Дача в Крыму.

завтра, так как получил отпуск в Крым на три недели до окончания ремонта машин.

Здесь очень большой квартирный кризис. Ростов набит, как сельдяная бочка. Меня и Ольгу Николаевну, к счастью, приютил Петр Эристович Киверау — милейший человек. Сейчас же я еще лучше устроился у Алеши Матвеева. Между прочим, он просил передать, что если мама захочет ему написать, то его настоящий адрес: Ростов, Пушкинская 75, кв. 5.

Я получил только два письма за последние два или даже три месяца, которые ждали меня по возвращении из рейда в конторе Алексеевых. Одно из Парижа, а другое из Швейцарии с письмом насчет Флора. Кроме того, я узнал, что у англичан были какие-то письма, которые они отправили на адрес генерала Мамонтова и которые я поэтому, конечно, не получил, потому что К. К. опять в тылу у красных и вся корреспонденция корпуса где-нибудь лежит и дожидается.

Мне передали, что папа через майора Паско переслал мне вещи и 50 фунтов. Очень и очень благодарен. Пока я их не получил, но думаю, сегодня или завтра ехать в Крым через Харьков, где теперь служит майор Паско, и у него получить вещи.

Я очень благодарен за заботу обо мне, но Вы, пожалуйста, не думайте, что, оставшись один, я попал в бедственное положение. Наоборот, как я уже писал, я заработал порядочно денег переводами, кроме того, получил большие наградные за действия броневика во время рейда и привез себе из Совдепии отличное обмундирование. Кроме того, я здесь достал английское офицерское

обмундирование и превратился из крымского оборванца в такого шикарного молодого человека, что даже самому страшно. Это я пишу не к тому, что мне, дескать, ваших вещей не нужно. Наоборот, я страшно рад и признателен, но хочу, чтобы Вы не думали, что я не могу и самостоятельно устроиться. В доказательство я пришлю в следующем письме свою фотографию. Деньги майор Паско хотел мне достать английскими банкнотами, и в этом случае я их пока что не буду трогать.

Здесь из знакомых находятся: Семен и Николай Константиновичи Аверино*, брат Зайчика, Алексей Сергеевич, Сергей Михайлович, Надежда Евгеньевна и их племянник Владимир Николаевич, Ольга Карловна Гарденина с дочерью, дядя Эдгар и Будкевич (только что приехали по делам из Крыма), мадемуазель Второва, ужасный Лисицын - вот, кажется, все.

Я получил от Хохлова подробный доклад о произошедшем в Хоба-Туби во время большевиков. Его я посылаю вместе с некоторыми вырезками о рейде генерала Мамонтова в отдельном конверте, чтобы, если там окажется что-нибудь незаконное с точки зрения цензуры, пропали бы только вырезки, а не мое письмо. В общем, в Ябловке, кажется, увезли все вещи, кроме мебели, то есть все платье и белье. Вино уцелело.

* Семен Николаевич Аверино служил во время войны старшим адъютантом в штабе Московского Военного Округа, а затем старшим юрисконсультом в одном из управлений Особого Совещания при ген. Деникине. Николай Константинович - директор консерватории в городе Ростове. Любезно сообщил нам Владимир Семенович Аверино.

В Харьков я поеду прямо с Алексеевым. Там живут они и Конюховы. Между прочим, во время рейда мы захватили с собой сестру Алексеева Любовь Сергеевну, которая была замужем за каким-то врачом, вместе с лазаретом попавшим к нам. От нее я узнал, что Сережа Руперти служил в башкирском красном полку, вел очень широкую жизнь с шампанским и прочим и в результате попал под суд из-за каких-то денежных дел. Некрасивая история! О Мане не имею никаких известий.

Вчера прочел в газете список расстрелянных в Москве в связи с последним раскрытым кадетским заговором в Москве. На одном из первых мест стоят Алферов Александр с женой*, содержавшие конспиративную квартиру. Бедные хорошие люди! Жалко их.

Ну, пора кончать это бесконечное письмо, иначе я сегодня ничего не успею сделать, что нужно. Следующее письмо я пришлю уже из Хоба-Туби.

Еще я не написал об общем настроении здесь. Что же, настроение хорошее, ждут занятия Москвы, в городе большое оживление и масса сплетен. Например, о Мамонтове приходится слышать массу всякой ерунды, а именно: по поводу сообщения в газетах - "везем подарки, иконы..." (см. вырезки) -

* А. А. Алферов был видным членом подпольного Национального Центра в Москве. Супруги Алферовы были арестованы лично чекистом В. А. Аванесовым, вместе с лидером Национального Центра Н. Н. Щепкиным, в ночь на 29 августа 1919 года, и вскоре расстреляны. - Прим. Н.Р.

стали говорить, брызжа ядовитой слюной: "Значит, они церкви грабят", - тогда как иконы отобраны от коммунистов, среди вещей которых найдено было два сундука со старинными золотыми иконами; и много еще подобных разговоров, вызванных недоброжелательством, завистью или простоничегонеделанием. Мой единственный адрес, по которому следует адресовать письма, это: "Ростов, Бр. Алексеевых, П. Э. Каверау".

Кончаю наконец свое письмо. Крепко целую и благодарю за письма и заботы папу, маму и Верочку. Очень огорчен, что причинил Вам столько напрасных беспокойств.

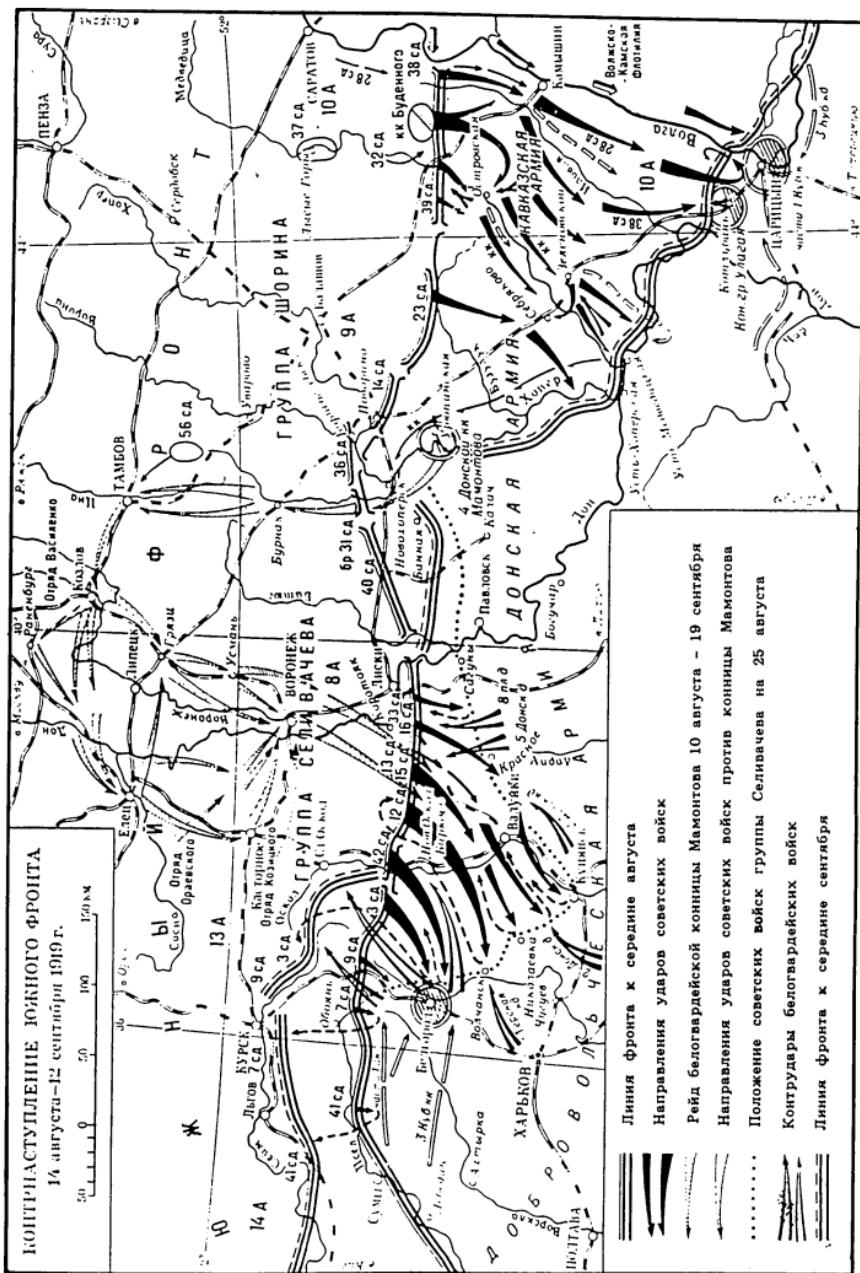
Еще раз крепко, крепко всех Вас дорогих целую.

Ваш Адя.

P. S. Нет времени и терпения переписать написанное. Поэтому извините меня за ошибки и пропуски.

Ваш Адя.

Заметки к истории мамонтовского рейда

Несмотря на то, что рейд генерала Мамонтова летом 1919 года в тылу красных армий Южного фронта отмечен почти всеми занимавшимися событиями гражданской войны, история этого рейда 4-го Донского корпуса до сих пор мало исследована.

В Советском Союзе касаться этого "белого пятна" или, вернее, "запретной темы" было в течение многих десятилетий не только опасно, но и просто невозможно. Ведь все без исключения члены Реввоенсовета Южного фронта, непосредственно участвовавшие в "ликвидации Мамонтова" - М. М. Лашевич, Л. П. Серебряков, Г. Ю. Сокольников, равно как и член Военного Совета XIII армии, входивший в состав Южного фронта Г. И. Пятаков - были исключены из партии на XV съезде, в 1927 году, как активные сторонники Троцкого. Все они, за исключением умершего в 1928 году М. М. Лашевича, были посажены Сталиным (ставшим их коллегой по Военному Совету Южного фронта с 3 октября 1919 года) на скамью подсудимых так называемого второго московского процесса, в январе 1937 года, где они и выступили "в роли падали и бандитов" в этой "кошмарной мистерии", как называет теперь эти процессы "Литературная газета" (№ 4 от 27 января 1988 г.).

В те же страшные годы были расстреляны без суда командовавшие летом 1919 г. XIII и XIV армиями И. П. Уборевич, А. И. Егоров (ставший с 8 октября 1919 г. во главе Южного фронта) и многие другие, чьи имена связаны с рейдом Мамонтова, в том числе создатель и первый начальник Особого отдела ЧК Г. К. Кедров, посетивший штаб Южного фронта незадолго до бегства его из Козлова перед частями 4-го Донского корпуса. Имя Кедрова упомянуто Хрущевым на XX съезде, в связи с его предсмертным письмом Сталину, однако, тогда, в 1956 году, отнюдь не было покончено с фальсификацией исторических событий, особенно тех, к которым Stalin имел хотя бы косвенное отношение.

Если даже теперь, 30 с лишним лет спустя, "посмертная реабилитация" дойдет до всех бывших членов Реввоенсовета Южного фронта, то остается неизвестной судьба многих архивных дел, благодаря которым могла бы быть восстановлена правдивая история их деятельности. Ведь нельзя забывать, что сталинской фальсификации истории были принесены в жертву не только люди, но и документы.

Все это объясняет, почему единственная полноценная работа, посвященная Мамонтовскому рейду, вышла еще в 1926 году, во втором выпуске Военно-исторической библиотеки. Автор ее, М. Рымшан, жалуется на "скучность архивных материалов" (хотя он и имел доступ к делам Южного фронта и полевого штаба РВС за 1919 г.) и вместе с написавшим предисловие к его труду С. М. Белицким (б. начальник 26 с. д.) обратился ... "с просьбой ко всем личным участникам (так в тексте. - Н. Р.)

пополнить этот труд личными воспоминаниями и документами, которые помогут нам еще более вдумчиво оценить этот исключительный по своему выполнению и значению рейд генерала Мамонтова*.

М. Рымшан пометил свое предисловие 1925 годом. С тех пор в Советском Союзе этот призыв к участникам так и повис в воздухе. 35 лет спустя в Париже Е. Ковалев, опубликовавший серию статей о рейде генерала Мамонтова в казачьем журнале "Родимый Край" (№№ 24-28, окт. 1959 - июнь 1960), обратился со страниц этого журнала к участникам рейда с просьбой прислать ему свои воспоминания. Но 40 лет эмиграции, видимо, сказались: в остатках архива "Родимого Края" нам не удалось обнаружить ничего, относящегося к рейду Мамонтова.

В силу бедности материалов уже Е. Ковалев, собравший то немногое о рейде Мамонтова, что было опубликовано в повременных казачьих изданиях за рубежом, был вынужден в своем изложении рейда пользоваться все той же работой Рымшана, заимствуя приказы по Донской армии из очерка "Трагедия казачества", напечатанного в самостийном журнале "Вольное казачество" и вышедшего отдельным изданием в 1936 году в Париже. Как М. Рымшан, так и Е. Ковалев, отдавая должное искусному оперативному руководству штаба 4-го Донского корпуса, не

* М. Рымшан. Рейд Мамонтова, Военно-Историческая Библиотека. Выпуск 2-ой, Штаб РККА, Военное Издательство. Москва 1926, с. 6.

располагали ни документами этого штаба, ни материалами для характеристики командного состава. Как Е. Ковалев, так и Рымшан высказывают лишь свои предположения относительно тех решений штаба 4-го Донского корпуса, которые принимались вопреки директивам генерала Деникина.

Поэтому, учитывая, что ряд решений генерала Мамонтова и его штаба сыграли если не судьбоносную, то во всяком случае весьма существенную роль в ходе решающих операций на юге России летом 1919 года, остановимся кратко на главнейших действиях 4-го Донского корпуса.

В начале августа 1919 года, выполняя директиву генерала Деникина, командование Донской армии сосредоточило в станице Урюпинской сильную группировку из 3-х казачьих дивизий (7.000 согласно данным Деникина, 9.000 согласно данным Рымшана, для удара в тыл красным армиям, объединив их в 4-ый Донской корпус под командованием генерала Мамонтова.

Генерал Константин Константинович Мамонтов, будучи полковником в старой армии, присоединился в начале 1918 года с отрядом добровольцев из Нижне-Чирской станицы к походному атаману ген. Попову и ушел с ним в степной поход в период господства большевиков на Дону. Вернувшись в Нижне-Чирскую станицу с небольшим отрядом во время общедонского восстания в марте 1918 года, он был избран окружным атаманом, хотя и не был казаком по происхождению. Популярный, лично храбрый и лихой кавалерийский начальник, Мамонтов становится одним из

видных генералов Донской армии в период ее развертывания. Не отличаясь дисциплинированностью сам, генерал Мамонтов не был и слишком требовательным в этом отношении начальником, а в оперативных вопросах после выхода из партизанской стадии борьбы сильно зависел от своего начальника штаба.

Им был совсем молодой офицер генерального штаба, произведенный в генерал-майоры уже на Дону - Константин Тимофеевич Калиновский. Подъесаул 24-го Донского полка, он успел закончить два класса Академии Генерального штаба в 1914 году и был отправлен на фронт, будучи причислен к генеральному штабу. В марте 1915 года К. Т. Калиновский, как и все офицеры, не успевшие закончить Академию, был переведен в генеральный штаб и получил чин капитана. Накануне революции он занимал должность старшего адъютанта штаба 27-го армейского корпуса (см. "Список Генерального штаба" за 1916 и 1917 год, Петроград, изд. Главного штаба, сс. 158 и 149).

По штабной линии ген. Калиновский подчинялся своему бывшему преподавателю в Академии Генерального штаба, генералу Анатолию Киприяновичу Келчевскому, ставшему в 1919 году начальником штаба Донской армии. Генералу Келчевскому в 1919 году было 50 лет и у него был опыт высоких штабных должностей в 9-й армии на австрийском фронте, а потом в штабе румынского фронта во время мировой войны. Этого знающего, но не приспособленного к условиям гражданской войны штабного генерала ген. Деникин иронически именовал "профессор"...

Генерал Келчевский не обеспечил 4-ый Донской корпус ни радиостанцией (а захваченной во время рейда в Козлове нельзя было пользоваться с оперативными целями за отсутствием шифра), ни другими средствами связи. Бывший начальник авиации в добровольческой армии ген. Ткачев вспоминает, что "в период Мамонтовского рейда... некоторые из летчиков героически сложили свои головы, попав в руки красных"*. Наконец, корпусу не было выделено хотя бы нескольких офицеров для "кадра", формируемого на ходу из пленных частей, как это практиковалось в дивизиях Добровольческих армий.

9 августа 1919 года командующий Донской армией ген. Сидовин отдал приказ, в котором согласно директиве генерала Деникина 4-му Донскому корпусу ставилась задача после прорыва красного фронта у станции Таловой выйти в тыл 8-ой красной армии в районе Лискинского железнодорожного узла и совместно с частями 3-го Донского корпуса разгромить главные силы этой армии.

10 августа 1919 года 4-ый Донской корпус перешел в наступление. Прорвав фронт после довольно упорного боя на стыке 8-ой и 9-ой армий у Васильевки, генерал Мамонтов продвинулся в направлении Лиски - Воронеж только до Александровского поселка ("Александровка" в письме Андрея Руперти), откуда

* Ген. М. Ткачев. Вопросы тактического применения авиации в маневренной войне. Военный Сборник, книга 1. Белград 1921, с. 123.

повернул резко на северо-восток, сославшись на дожди и размытые дороги. Разрушив железнодорожные пути на линии Тамбов - Балашев и Грязи - Поворная, 4-ый Донской корпус 18 августа взял с боем город Тамбов, выйдя почти на 200 км в глубокий тыл красных.

Таким образом, генерал Мамонтов не только не выполнил директивы от 2 августа, но и, оказавшись в Тамбове, отказался тем самым от оперативного взаимодействия с 3-м Донским корпусом и Добровольческой армией.

Следует подчеркнуть, что директива генерала Деникина с ясным указанием на выход корпуса Мамонтова в район Лиски основывалась на вполне надежных данных о предстоящем переходе в наступление ударной группы бывшего генерала Селивачева в составе 6-ти дивизий 8-ой красной армии и 3-х 13-ой, из района Лиски - Новый Оскол на Харьков и Купянск. Генерал Деникин и его ближайшие сотрудники, хорошо знавшие генерала Селивачева по совместной службе в старой армии, были убеждены, что он сочувствует белым и на его содействие можно надеяться. Напомним, что и Ленин в те же дни посыпал истерические телеграммы в Реввоенсовет Южного фронта, опасаясь, что "...Селивачев сбежит или его начдивы изменят"*. (О загадочной смерти Селивачева 17 сентября 1919 года см. наше предисловие к письмам ген. Деникина в "Гранях" № 128.) Когда корпус генерала

* В. И. Ленин. Военная переписка. 1917-1922 гг. Москва, Воениздат, 1987, с. 203.

Мамонтова был на пути к Тамбову, ударная группа Селивачева перешла 15 августа в наступление и быстро приблизилась на 40 км к Харькову. Штабу Вооруженных Сил Юга России под личным руководством генерала Деникина удалось подготовить фланговые удары по прорвавшейся ударной группе 8-ой и 13-ой армий. С запада наступали части корпусов Кутепова и Шкуро, а с востока - 3-й Донской корпус. Ударная группа Селивачева начала быстрый отход. "Окончательное ее окружение, - как пишет генерал Деникин, - не состоялось только из-за пассивности левого крыла (3-й корпус) Донской армии". В итоге, этой операции Добровольческой армии не удалось открыть ворота на главном Московском направлении в сентябре, а отошедшие назад дивизии 8-й и 13-й красных армий прикрыли до подхода резервов Курск и Воронеж.

Невыполнение приказа генералом Мамонтовым (возможно, с молчаливого согласия штаба Донской армии) имело, таким образом, далеко идущие последствия, а генералу Мамонтову и его штабу, после взятия Тамбова, ничего не оставалось делать, как продолжать рейд в глубоком тылу, рассчитывая на то, что, как пишет маршал А. И. Егоров, "победителей не судят"*.

Со взятием Тамбова сказалась неподготовленность штаба 4-го Донского корпуса в организационном и политическом плане. Еще на пути к Тамбову, как сообщает на основе

* А. И. Е г о р о в. Разгром Деникина, 1919. Воениздат, 1931, с. 119.

архивных дел М. Рымшан, "казаки ... разоружая встречавшиеся красные части и распуская красноармейцев под расписку, что они больше воевать не будут", отправляли всех "по домам". В донесении самого генерала Мамонтова штабу Донской армии говорилось, что "в районе Тамбова распущены по домам около 15.000 мобилизованных". Однако Мамонтовский лозунг "с Богом по домам" не всегда встречал положительный отклик; так, например, под самым городом Тамбовом на сторону белых перешла 3-я полковая Тульская дивизия. Значительная часть ее состава настойчиво заявила о своем желании сражаться против красных. Как мы уже говорили выше, офицерского "кадра" при 4-м Донском корпусе не было. Штаб Мамонтова смог выделить для Тульской дивизии в качестве ее нового командира лишь одного полковника Дьякова и рекомендовать присоединиться к ней нескольким офицерам, перешедшим на сторону белых в самом городе Тамбове. Тульская дивизия, вернее бригада, доблестно сражалась в составе 4-го Донского корпуса в течение всего рейда. Офицеры из ее состава попали в эмиграцию, а среди рядовых за рубежом прославился создатель известного донского хора Сергей Жаров...

Командование 4-го Донского корпуса как в лице самого генерала Мамонтова, так и начальников его дивизии, привыкло к самомобилизации казачьего населения, как это имело место весной 1918 года во всей Донской области и зимой 1919 во время верхнедонского восстания, и не принимала никаких мер для мобилизации и организации добровольческих

частей из крестьян Тамбовской губернии. А ведь не следует забывать, что именно в этом районе центральной России немногим больше года спустя вспыхнуло Антоновское восстание. Как свидетельствует маршал Г. К. Жуков, принимавший участие в подавлении Антоновского восстания, ... "это была довольно тяжелая война. В разгар ее против нас действовало около семидесяти тысяч штыков и сабель... Серьезность борьбы объяснялась и тем, что среди антоновцев было очень много бывших фронтовиков и в их числе унтер-офицеров"*. Нет сомнения, что штаб генерала Мамонтова не сумел воспользоваться политическим сочувствием населения, и прежде всего крестьян Тамбовской и Орловской губерний, на что неоднократно указывает советский историк М. Рымшан. Не было использовано для формирования добровольческих частей и доставшееся в изобилии вооружение и снаряжение со складов Тамбова, Козлова, Ельца...

22 августа, в то время, когда последние казачьи сотни покидали улицы Тамбова, провожаемые взглядами растерянного населения, авангард Мамонтова занял без боя Козлов (Мичуринск), откуда в панике бежал штаб и Военный Совет красного Южного фронта. О пребывании Мамонтовских частей в Козлове Рымшан сообщает: "охрана города была организована из сочувствовавшего белым населения и бывших офицеров... Находившиеся в

* См. К. М. Симонов. Заметки к биографии Г. К. Жукова. Военно-Исторический Журнал, № 12, 1987, с. 41.

этом районе небольшие красноармейские части сдавались в плен и после разоружения частью вербовались, а остальные распускались по домам”*.

К этому приходится добавить, что большинство завербованных после взятия Козлова было использовано в качестве повозочных и охраны при начавшем быстро расти огромном обозе с захваченным в Козлове, а затем в Ельце военным снаряжением и имуществом.

Взятие Козлова Мамонтовым и бегство реввоенсовета Южного фронта в Орел вызвало панику, докатившуюся до Москвы. Об этом говорит секретная записка, посланная Лениным заместителю реввоенсовета Склянскому: “Должно быть, нет ни одной боеспособной части против Мамонтова: это прямо позор и полное нерадение реввоенсовета”.

23 августа по требованию Ленина командующим всеми силами, направляемыми против Мамонтова, назначается член реввоенсовета Южного фронта М. Лашевич. В то же время по настоянию Ленина, опасавшегося крестьянского восстания, военное положение было объявлено в Тульской, Орловской, Тамбовской, Рязанской, Воронежской и Пензенской губерниях.

Составляя “Проект решения Политбюро ЦК о мерах борьбы с Мамонтовым”, Ленин писал, в частности: “Поручить тов. Троцкому... принять участие вместе с тов. Лашевичем (при со-

* М. Рымшан, ук. соч., с. 29.

хранении командования за Лашевичем единолично) во всех операциях по ликвидации Мамонтова..." Получив сообщение, "что наши части против Мамонтова боятся вылезть из вагонов", Ленин требовал: "расстреливать тотчас за невыход из вагонов; ввести еще ряд мер драконовских по подтягиванию дисциплины. Дать право эти меры вводить решением Лашевича + Троцкого"**.

Тем временем корпус генерала Мамонтова продолжал двигаться на запад от Козлова, не встречая серьезного сопротивления. Лишь небольшой фланговый отряд в 300 сабель натолкнулся на части Фабрициуса в Ранненбурге. 28 августа была без боя взята Лебедянь, а вечером 31 августа части 4-го Донского корпуса ворвались во главе с самим генералом Мамонтовым в Елец, не встретив и здесь сколько-нибудь серьезного сопротивления.

На 4-дневном пребывании корпуса Мамонтова в Ельце следует остановиться, так как впервые со времени выхода книги Рымшана в Военно-Историческом Журнале № 10 за 1979 год была опубликована короткая заметка сотрудника Центрального музея Вооруженных Сил СССР Г. Горбачевой о гибели после боя в Ельце комиссара 42-го запасного батальона А. А. Вермишева. Описывая бой на станции Ельца, Г. Горбачева, видимо, не могла воспользоваться находящейся в спецхране книгой М. Рым-

* В. И. Л е н и н. Военная переписка, 1917-1922. Москва, Воениздат, 1987, сс. 198-200.

шана. А в то же время Рымшан, ссылаясь на документы архива Красной армии, пишет: "Мамонтов занял г. Елец без всякого сопротивления. Руководивший обороной бывший полковник сдал город с музыкой". А относительно батальона, где Вермишев был комиссаром, Рымшан сообщает: "из красноармейцев организованы 3 отряда для охраны обозов с награбленным"*.

Комиссару Вермишеву посвятила также свою повесть в "историческом жанре" Наталия Давыдова. Она уже читала Рымшана и вслед за ним пишет по поводу взятия Ельца: "...взглавлявший оборону командир с пехотных курсов, в прошлом полковник, выстроил для мамонтовцев духовой оркестр"**. Но и Н. Давыдовой приходилось проявлять осторожность. Так, например, описывая поездку комиссара Вермишева в штаб 13-ой армии в Ливны, она предпочитает не упоминать члена Военного Совета этой армии Пятакова, а "выбирает" для встречи Иосифа Косиора. Несмотря на очевидные поиски, Н. Давыдовой не удалось в 1984 году найти воспоминаний или свидетельств непосредственных участников борьбы с Мамонтовым. Видимо, ничего не сохранилось. Не пользуется она и теми делами архива Красной армии, на которые ссылается Рымшан. Единственный опубликованный в ее книге документ, очевидно, происходит из другого архива. Это начало

* Рымшан, ук. соч., с. 35.

** Н. Давыдова. Выбор оружия. Повесть об Александре Вермишеве. Москва, изд. Политлит., с. 239.

списка расстрелянных Фабрициусом, после ухода Мамонтова из Ельца:

"Ревтрибунал 18 сентября рассмотрел дела:

Воронов-Вронский, бывший штабс-капитан, комендант и начальник обороны г. Ельца — расстрел — 24 часа, с конфискацией имущества..."*.

Больше ничего нового в исторической повести Н. Давыдовой почерпнуть нельзя, хотя она избежала описания боя за Елец, которого не было.

Мамонтов оставался в Ельце до 4 сентября. Накануне выхода из города в штабе 4-го Донского корпуса было принято решение прекратить движение на запад и, повернув на юг, закончить рейд выходом на соединение с основными силами белых. Решение это было принято, по всей вероятности, самостоятельно, ибо штаб Мамонтова давно утратил связь со штабом Донской армии, а повторный приказ о выходе в тыл красным в районе Лиски был явно запоздалым.

В то же время перед корпусом Мамонтова был открыт путь дальше на запад. До Орла оставалось всего 150 км, а до железной дороги Орел — Курск и того меньше. В штабе 4-го Донского корпуса не могли не понимать, что после разрушения железных дорог вокруг узлов — Тамбов, Козлов, Ранненбург, Елец, Грязи — у красного Южного фронта оставалась лишь одна дорога — Тула, Орел, Курск. На это важное обстоятельство указывал и маршал Егоров: "Стоило нарушить функционирование

* Там же, с. 264.

еще одной только дороги Тула - Курск, и положение фронта было бы катастрофическим. Из сводок командования Вооруженных Сил Юга России, передаваемых по радио, штаб Мамонтова не мог не знать, что добровольческий корпус Кутепова угрожает Курской, да и взгляд на карту подсказывал, что выход на железную дорогу Курск - Орел означает гибель основной группировки красных на Южном фронте. Напомним, что Мамонтов закончил рейд, выйдя в районе Старого Оскола на соединение с корпусом генерала Шкуро 19 сентября, а в ночь на 20-е бронепоезда корпуса Кутепова ворвались в Курск.

Как в начале рейда, когда Мамонтов не выполнил приказа о выходе в тыл группы Селивачева в районе Лиски, так и в конце рейда штаб Мамонтова не проявил воли к оперативному взаимодействию с Добровольческой армией.

И Рымшан, и Деникин, и другие авторы считают, что поворот Мамонтовского корпуса на юг от Ельца был вызван стремлением провести через фронт огромные обозы с набранным на складах Козлова, Ельца и других городов имуществом и снаряжением. Деникин пишет о "многоверстных" обозах. Рымшан на основании данных воздушной разведки говорит, что только при одной из колонн корпуса находилось 2.000 повозок. Конечно, нельзя не согласиться с Е. Ковалевым в том, что значительная часть военной добычи, вывезенная Мамонтовым, была передана Донской армии, многие части которой были раздеты и разуты. Но нельзя забывать, что 4-й Донской корпус начал свой рейд без

обозов и с минимальным количеством боеприпасов и артиллерией.

В заключение отметим, что и генерал Деникин, и маршал Егоров очень близки в стратегической и политической оценке рейда Мамонтова. Заканчивая свои *Очерки Русской Смуты*, генерал Деникин писал в 1926 году: "Будем справедливы: Мамонтов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевистскую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом... Но Мамонтов мог сделать несравненно больше: использовав исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы крупный перелом в ходе операций"**.

Со своей стороны, маршал А. И. Егоров (с июля 1919 года командарм 14-ой армии Южного фронта, а с 8 октября – главнокомандующий фронтом), писал в 1930 году: "Мамонтов коренным образом нарушил управление на Южном фронте... и, заставляя штаб фронта метаться между Козловым и Орлом, в еще более значительной степени осложнил управление фронтом". Указав на "тяжелые удары всему снабжению армий, нанесенные Мамонтовым", маршал А. И. Егоров заключает: "...для нас является неоспоримым следующее положение: если бы этот рейд был лучше подготовлен в

* Ген. А. И. Д е н и к и н. *Очерки Русской Смуты*. Т. В. Берлин, изд. "Медный Всадник", 1926, с. 122.

политическом отношении и если бы Мамонтов избрал целью своих усилий не грабеж и насилие, а организацию восстания, более систематическое разрушение тыла и разгром живой силы красных в ближайшем тылу, то результаты его деятельности были бы более значительны. Но и при том положении, которое имело место в действительности при наличии всех отрицательных (с точки зрения белого командования, конечно) сторон рейда - значение его было очень велико для всей операции Южного фронта этого периода”*.

* А. И. Егоров. Разгром Деникина. 1919. Москва, Воениздат, 1931, сс. 120-121.

Прот. К. ФОТИЕВ

О новом церковном сознании

В январе 1923 года о. Сергий Булгаков был вынужден покинуть Симферополь, где он был профессором местного университета – советское правительство изгнало его из России, которую он так страстно любил. Первой остановкой на пути изгнанничества был Константинополь: город, связанный с Россией бесчисленными историческими узами. На смену славянским набегам на столицу Византии в конце первого тысячелетия пришло сближение с Киевской Русью, а после бесчисленных русских рабов, заполнявших невольнические рынки Константинополя уже в турецкие времена, через великий город на Босфоре прошли сотни тысяч русских изгнанников, вынужденных покинуть свою страну после революции и гражданской войны.

Отец Сергий Булгаков, оглушенный трагедией эмиграции, исполненный тоски по оставшемуся в России любимому сыну, в первый раз в жизни вступил под своды храма святой Софии. В тот же день о. Сергий – насколько можно судить по тексту и по указанию "Из записной книжки", не покидая храма, написал очерк "В Айя-Софии": впоследствии он был

включен в его "Автобиографические заметки"**.

"Бог явил мне эту милость, не дал умереть, не увидев св. Софию, и благодарю за эту милость Бога моего. Я испытал такое неземное блаженство, что в нем — хоть на короткое мгновение — потонули все теперешние скорби и туги, как незначущие. Душа открылась св. София, как нечто абсолютное, непререкаемое и самоочевидное. Из всех ведомых мне доселе дивных храмов это есть Храм безусловный, Храм вселенский... Эта непередаваемая на человеческом языке легкость, ясность, простота, дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть, — тяжесть купола и стен, это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим пространством, замнутым и свободным, эта грация колонн и красота их мраморных кружев, эта царственность — не роскошь, а именно царственность, — золотых стен и дивного орнамента, — пленяет, умиляет, покоряет, убеждает..."

"И здесь — после безысходного рабства, рабства рабам и голоду (о. Сергий вспоминает тут Россию, брошенную в пучину террора и лишений. — К. Ф.), рабства самым пустым и мертвящим стихиям мира, которое, мнилось, убило и саму душу, ибо навсегда выжгло в ней в ней клеймо раба, — эта свобода в Софии, полет в лазури. Благодарение Софии".

* Прот. С. Булгаков. Автобиографические заметки. Посмертное изд. под ред. Л. А. Зандера. Париж, YMCA-Pres, 1946.

Далее о. Сергий пишет, что до турецкого завоевания в храме св. Софии совершалось дивное священнодействие "в золоте небесного Иерусалима, когда была полнота жизни, а не омертвленное тело", хотя "и опустошенный храм еще так дивен". "А ныне, - продолжает о. Сергий, - здесь молятся Аллаху, святыня отнята у Христа и отдана лжепророку... Однако и теперь здесь молятся Богу и молятся достойно и достойнее, может быть, тех, кому принадлежал бы ныне Храм... Бог сдвинул светильник и отдал Храм другому народу, как некогда отдал святыни Первого Храма (Иерусалимского.- К. Ф.) завоевателям..."

Далее о. Сергий с ироническим негодованием пишет о славянофилах, мечтавших о том, что, "выгнав турок", они снова поднимут крест на куполе св. Софии. "Храм безусловный, храм вселенский", как называет св. Софию о. Сергий, славянофилы хотели сделать "поместной, народной, приходской церковью - ее, кафедрал мира". "Что для космоса Россия?" - спрашивает о. Сергий. И отвечает: "Провинция". "Что такое славянофильство?" - "Этнографическая группа".

"Святая София была создана раньше великого церковного раскола и возвращена она может быть христианскому миру, лишь когда исцелеет от этой раны. Как не понимали этого славянофилы, что невозможно церковной провинции иметь храмом св. Софию? Заветы христианского царства отданы Востоку, который, однако, не мог преодолеть смешения Царства с Империей и изнемог от этого смешения... Западу досталась в удел мечта о

вселенском первосвященстве, хотя и его Запад подменил приматом власти и господства".

И мысль о. Сергия обращается к эсхатологической грани истории, когда не только будет изжит раскол, разделивший Церковь в середине XI века, но и родится новое христианское сознание, сердцем которого снова станет торжествующий и всепобеждающий образ Горнего Иерусалима, когда с новой силой возгорится тот огонь, по которому, по Его собственным словам, "томился" Господь, ожидая того дня, когда этот огонь "возгорится". Мысль о. Сергия властно устремляется за пределы истории, он пророчески дышит воздухом метаистории, когда евангельское Откровение освободится от исторических приражений, когда Бог станет "всияческая во всем".

С тех пор, когда о. Сергий Булгаков написал свой вдохновенный гимн св. Софии – сама идея этого Храма была столь близка софиологической концепции, легшей в основу всего его богословского творчества – прошло шестьдесят пять лет. Осеню минувшего года мне суждено было счастье побывать на берегах Босфора и, по стопам о. Сергия, с трепетом вступить под своды "Храма храмов". Совершенная гармония, небесная красота этого дома Божьего, дома Его Премудрости, захватывает и покоряет: тот, кому дано было увидеть Константинопольскую св. Софию, запомнит ее на всю жизнь и тяжеловесным и помпезным покажется ему великий "кatedral Запада" – римский собор св. Петра.

Что же изменилось – в св. Софии и в христианском мире – за эти шестьдесят пять лет? Св. София, бывшая в течение девятисот лет

христианским храмом, уже на следующий день после захвата города турками 29 мая 1453 года была превращена в мечеть. Тонкие башни минаретов – архитектура иного, арабского, мира – окружили Купол. Мечетью св. София пробыла шестьсот лет: ныне (с 1936 г.) она превращена в музей. Видевший св. Софию тогда, когда она еще была мечетью, о. Сергий был умилен благочестием молившихся в ней мусульман. Но одновременно он признавался, что "воображение стремится снять щиты и закраску", чтобы можно было увидеть Храм в его первоначальном совершенстве. Щиты – огромные и круглые, выкрашенные в зеленую краску пророка, с выведенными на них по-арабски сурами из Корана – остались, но закраска с мозаик и фресок снята и они частично реставрированы: мозаичный "Деисис" дивной глубины на первом ярусе и над южным боковым входом, как и мозаичный образ трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Деревянные леса полностью закрывают огромную мозаику, изображающую Христа-Вседержителя над главным входом: ремонтные работы в храме Константинопольской Софии, как и в храме Гроба Господня в Иерусалиме, растягиваются на десятилетия. Справа от ступеней амвона, если стоять лицом к алтарной абсиде и к исчезнувшему иконостасу, в мраморном полу обозначено место, где стояли императоры во время венчания на царство – здесь возлагали на "vasilevsa" корону, здесь же совершался чин помазания св. миром.

Но исчезли молящиеся – как христиане, так и мусульмане, своими благоговейными покло-

нами пленившие о. Сергия: теперь они собираются на молитву в близких к св. Софии "Голубой мечети" и в названной по имени ее строителя мечети Сулеймана Великолепного. А св. София - пуста: лишь туристы бродят под ее сводами, но от их присутствия легко укрыться в одной из боковых ниш, а за всесильный на Востоке "бакшиш" можно подняться и ближе к куполу, на первый ярус.

Суждено ли Константинопольской Софии снова стать Храмом, или она так и останется музеем, то есть местом, где даже искусство не рождается, а лишь медленно умирает? Это будет зависеть от того, по какому пути пойдет человеческий род и, в первую очередь, христианское человечество.

Два великих архитектора VI века - Анфимий из Трахл и Исидор из Милета - воздвигли храм св. Софии, с помощью десяти тысяч строительных рабочих, за пятилетний срок: начав работы в 532 году, они закончили их к 537 году, когда и состоялось его торжественное освящение. По преданию, император Юстиниан, вступив в храм св. Софии вместе с патриархом, воскликнул в восторге: "Я превзошел тебя, Соломон!"

Само богослужение в св. Софии было тесным образом связано с византийским придворным ритуалом, не только в день венчания императоров на царство. Следы этого мы находим в нашем богослужебном порядке до сих пор, если литургия совершается архиерейским чином, то есть когда служит епископ: перед пением "Трисвятого" дьякон возглашает "Господи, спаси благочестивыя! И услыши ны!" (т. е. "нас"). В Византии дьякон

проводил "благочестивого", то есть императора, который в этот момент, во время пения "Трисвятого", торжественно входил в храм и занимал свое место налево от алтаря, напротив кафедры патриарха. Думали ли византийские "vasilevсы", вступая в свой имперский храм, что не только первый иерусалимский храм был разрушен завоевателями, но что не осталось "камня на камне" и от второго храма, построенного после возвращения иудеев из вавилонского плена, при Ездре и Неемии? Вспомнил ли император Юстиниан в своем горделивом восторге, что прошло лишь пятьсот лет со времени земной жизни Того, Кто сказал о Себе, смиренном Сыне Человеческом, что Он, в отличие от птиц небесных и лисиц, имеющих гнезда и норы, не имеет где преклонить голову? Думал ли он о том, что всего два века прошло со времени Миланского эдикта императора Константина: ему предшествовали три века гонений, которые воздвигала империя против непокорных ее воле и порядку сторонников "галилейской секты"?

Судить деятелей далеких от нас эпох в свете нашего сегодняшнего опыта и представлений - прием, для историка недопустимый. Оглядываясь назад, мы можем лишь оценивать опыт минувшего и делать для себя выводы в свете евангельского Откровения: в отличие от даже самых прекрасных храмов это Откровение не ветшает. Нравственный пафос нашего первого "западника" - Чаадаева - покоряет, но его ненависть к "презренной Византии", от которой, якобы, пришло в Россию "рабское сознание", свидетельствует о том, что он не был объективным историком. Союз Церкви с

империей был для того времени, когда он был заключен, неизбежен, как неизбежно было и то, что "свобода Церкви", как ее понимал император Константин и его наследники на троне, не была евангельской свободой. Античный мир, а за ним и "ветхий Рим", как и Византия и европейское средневековье, не знали идеи личности и ее духовной свободы, имеющей право, во имя требований совести, противостоять своим убеждениям основным постулатам имперской идеи. Сама идея независимости духовной жизни граждан от этих постулатов есть, по слову Г. П. Федотова, "поздний и хрупкий цветок культуры". Клонящийся к своему концу ХХ век наглядно показал нам, сколь хрупок этот цветок... Право на полное послушание евангельским заветам покупалось лишь уходом в пустыню, далеко не только от столицы, но и от военных гарнизонов. В поисках такой высшей свободы монашествующие, уже в первые десятилетия после императора Константина, заполнили пустыни Египта и дикие горы малоазийской Каппадокии. Оставшимся "в миру" монахи могли нести и несли примеры личной святости, правду о покаянии и "умном делании", о личном освобождении из-под власти греха. Но всякая попытка подчинить евангельской правде идеологию и действия государственной власти оканчивалась трагически. Проповедников христианского максимализма объявили смутьянами и врагами "боговенчанной" императорской власти: им грозила, в лучшем случае, ссылка (св. Афанасий Великий изгонялся в ссылку семь раз за свою непримиримость к арианству; в

ссылке в далекой Армении окончил свои дни св. Иоанн Златоуст), а иногда пытки и мученическая смерть. Об этих жертвах не хотят помнить критики "исторического христианства", как не помнят они, понося "проклятое византийское наследие" в истории русской Церкви, о сонме мучеников XX века. Мой покойный друг В. С. Варшавский, убежденный демократ и христианин, автор таких прекрасных книг, как "Незамеченное поколение" и "Родословная большевизма", не раз говорил мне с горьким вздохом: "Вот если бы историческая Церковь пошла по стопам св. Франциска Ассизского". На это я возражал, что великие идеи никогда не воплощаются в истории до конца, но что всем критикам "исторического христианства", если они хотят быть объективными, следовало бы задать себе вопрос: каков был бы мир и "экзистенция" человеческого рода, если бы его слуха вообще не коснулась проповедь Евангелия, даже если ее лучи и преломлялись сквозь "тусклое стекло" человеческого несовершенства и превратностей истории?

Храм св. Софии антиномически сочетает в себе две идеи - он является собой небесный Иерусалим, возвещает об ожидании грядущего Царства ("ему же не будет конца") и мистерию упования: без нее христианство утрачивает свой пророческий дух и становится банальным спиритуализмом, поистине "солью, потерявшей силу". И одновременно с этим св. София, несомненно, была задумана, как выражение имперской идеи, как символ могучего и горделивого сознания, по самой своей природе противоположного сознанию

эсхатологическому и его исключающего. Византийский император преклонял свое колено перед Царем Небесным, но это было ритуальным, номиналистическим актом, свободным от обязательств нравственного порядка. Зато он сознавал себя не просто как "vasilevс", а как "vasilevс боговенчанный", получивший священное право на царство из рук Самого Христа. Трагедия была в том, что венчание и миропомазание придавало священный характер власти не только немногих праведников, но и гораздо более многочисленных злодеев и узурпаторов, остававшихся злодеями и на троне и не склонных судить себя в свете евангельского нравственного учения. Ведь на смертном одре императора накроют монашеской мантией и все его грехи будут ему отпущены, а история будет судить его лишь по тому, насколько он послужил пользе и величию "империи ромеев".

Пафос империи давно истлел - он кончился в тот день, когда последний византийский император из династии Палеологов (по иронии судьбы тоже носивший имя Константин) пал под ударами янычарских сабель у ворот св. Варвары, где он сражался до конца со своими гвардейцами: его тело смогли опознать лишь по малиновым сапожкам с вытканным на них жемчугом двуглавым орлом - такие сапожки носил во всем Константинополе лишь император. Сейчас на этом месте, столь обильно политом кровью, прозаическая заправочная станция, в чахлом, замусоренном сквере играют турецкие дети, а ветхие стены давно оставленной церкви св. Варвары окружены нищими домами городской бедноты.

От великой имперской идеи остался лишь национализм греческого захолустья: трагедия еще и в том, что современная Греция – одна из самых секуляризованных стран сегодняшней Европы. Греческая diáspora – в первую очередь в Северной Америке – больше озабочена сохранением плохо понимаемого "национального наследия", чем сущностью евангельского Откровения. Греческие толстосумы воздвигли в Лос-Анджелесе ужасный по своей безвкусице – гипс и позолота – помпезный храм и кощунственно присвоили ему имя св. Софии. Какое духовное обнищание, какие недостойные поминки!

Волны истории размыли идею империи, но неужели же их жертвой станет и мистерия упования, ожидание Нового Иерусалима, столь очевидно явленного храмом св. Софии Константинопольской? В какой мере оправданна наша надежда на то, что признаки духовного возрождения уже налицо, что не напрасными, а провиденциальными – Божьим попущением – были страшные испытания XX века? Его календарные сроки уже близятся к концу. Каков будет человек двадцать первого века? Уразумеет ли он всю тщетность служения идолам социальных утопий, обуздает ли он губящий лик земли технический прогресс? Придут ли на смену технократам мудрецы и пророки?

То, что оптимисты склонны именовать "духовным возрождением" русского народа, пока приносит лишь худосочные плоды. Речь идет, разумеется, лишь о тех явлениях, которые видны на поверхности общественной жизни. Праведники, подвижники, исповедники веры

всегда, по милости Божией, были в России, их много и сейчас, но имена их ведомы лишь Богу. Несомненно лишь, что среди молодого поколения растет отталкивание от "идейной сущности" и мерзкой "практики" советского строя. Но лишь слабо осознается столь необходимое для всякого подлинного духовного обновления аскетическое начало, дух покаянного предстояния перед Богом и молитвы. Нельзя считать проявлением духовного возрождения фрондёрство иочные кухонные споры о том, "что хотел сказать Бердяев". Пора понять, что евангельское Откровение несовместимо с духовной всеядностью и псевдомистическим любопытством, что нужно выбирать между духовным богатством Православия и всеми разновидностями теософских поветрий. Нужно духовно прозреть и повзрослеть, нужно понять, что те нравственные требования, которые предъявляет нам Откровение, не порождены "морализмом": легкомысленно нарушая их, мы не созидаем, а разрушаем дарованные нам "образ и подобие" Божии.

С осторожностью оценивая то, что подчас за "духовное возрождение" выдается, я далек от мысли вершить суд над кем-либо: я лишь хочу напомнить о том "общем деле", к которому во все времена был призван Богом входящий в Его Церковь "народ святой, люди, взятые в удел..."

Первой проверкой столь необходимого нам духовного прозрения будет наше отношение к юбилею Тысячелетия Крещения Руси: его сроки уже вплотную приблизились к нам. После десятилетий поруганий, унижения наших святынь психологически понятно желание "взять

реванш", хоть в дни Юбилея потешить себя триумфализмом, дать понять гонителям, сколь ничтожны они перед немеркнущей красотой Церкви, перед величием тысячелетней святости, просиявшей на русской земле. Не поддаваться этому соблазну! Нам следует помнить, что истина свидетельствует о себе не бряцанием меди - оставим это бряцание окраденным сыном "века сего" - а в "свете тихом святыя славы". Будем смиренно благодарить Бога за то, что, действием Его благодати, воссияли многие праведники на нашей земле, гордиться же нам нечем, ибо эти святые не только молятся за нас, но и судят нас за ежедневно являемую нами немощь. Отношение христианина к историческому прошлому своего народа не может не быть покаянным. И слишком много у нас неотложных дел, чтобы тешить себя триумфализмом.

Божий суд, действующий не только в вечности, но и в истории, уже свершился над гордыми империями и то, что склонны называть кризисом исторического христианства, есть грозное предупреждение нам, напоминание о том, что всё в мире подвластно Божьему суду.

Что именно растеряло христианское человечество на своем долгом пути через историю? Назову лишь то, что представляется мне важнейшими из утрат - те истины, которые были самоочевидными для Церкви доконстантиновского периода, в отличие от позднейших эпох - времени христианских империй и нашего секулярного века. Из сознания христианского человечества исчезло чувство эсхатологического ожидания, - "под-

нимите лица ваши, ибо приблизилось избавление ваше", - уступив место разве что страху перед лицом "дня гнева", последнего Суда и перед антропоморфически понимаемыми адскими муками. Этот "страх и трепет" перед грядущей карой взметнулся волной паники к концу первого христианского тысячелетия. Но люди раннего средневековья по меньшей мере остро ощущали неправду своей жизни и готовы были патетически каяться в ней перед Богом. Но уже и они не ждали "избавления", явления Царства, а лишь трепетали перед лицом ожидаемого, грядущего на них Судного дня.

Таков был исход первого тысячелетия христианской эры. С какими чувствами встретит человечество конец второго? Будет ли это всего лишь страхом космических катастроф, боязливым трепетом, порожденным перспективой глобального термоядерного самоуничтожения? Или "вообще ничего не будет"? Покойный В. В. Вейдле писал с горькой иронией, что наступление третьего тысячелетия христианской эры будет отмечено выпуском почтовой марки с изображением Христа и напечатанным на ней приглашением: "Посетите Иерусалим!"

Вместе с утратой эсхатологического ожидания ушло из сознания христианского человечества и понимание Церкви, как Тела Христова, а самих себя - как "царственного священства, народа святого". Исчезло сознание взаимной поруки за духовную судьбу не только других людей, но даже и своих братьев по вере и родилась "религия спасения собственной души". Это именно "религия" - поиски "связи" между тем, что совсем, до конца

”внизу”, и Чем-то ”наверху”: к этой ”Высшей Силе” и обращается человек с мольбой – спаси меня от превратностей этой страшной жизни и будь милостив ко мне после моей смерти. Этот тип религиозности находит свое выражение в вопрошании Лютера – центральном для его духовной установки: ”как найду я милостивого Бога”? Не ”народ Божий”, а именно я – Мартин Лютер, бывший монах и бунтарь против Рима (что и говорить – не-приглядного в его время). Следует ли доказывать, что самосознание раннего христианства было иным? Что христиане ”первого призыва” твердо верили в то, что во Христе они примерились с Богом, что Дух Святой, Им посланный от Отца, неизменно наставляет их ”на всякую правду”?

Нам есть над чем задуматься! Миссионерские усилия и сегодня проявляют себя в мире очень активно, но цель этих усилий – не собирание воедино Тела Христова, а увеличение числа людей, ”в мире сем прелюбодейном и грешном” озабоченных тем, чтобы спасти собственную душу: устремление индивидуалистическое, в корне своем себялюбивое – кроме как на горных вершинах святости (призыв преподобного Серафима Саровского: ”спасись сам и тысячи вокруг тебя спасутся”).

Созидание Тела Христова, а не роение спасающих свою душу человеческих молекул начинается с осознания смысла евангельских слов, уже приведенных выше: ”поднимите лица ваши, ибо приблизилось избавление ваше”. Без этой мистерии упования нет Церкви, а разве что ”религия”.

Свой очерк о св. Софии Константинопольской о. Сергий Булгаков заканчивает твердым исповеданием веры в то, что раскол между христианским Востоком и Римом может и должен быть преодолен – и эта устремленность, эта жажда полного единства во Христе, по словам о. Сергия, – не "мечтательность", не "постройка карточных домиков", а "превозмогающая сила Церкви", вера в то, что "раньше конца (эсхатологического) свершения. – К. Ф.) должна явиться полнота Церкви".

Эти слова о. Сергия могут показаться соблазнительными. Разве "единая, святая, соборная и апостольская Церковь", как мы ее исповедуем в Никео-Цареградском Символе веры, перестала быть благодатной полнотой, "столпом и утверждением истины" после того, как от нее отпал христианский Запад? Это естественное недоумение можно рассеять лишь двуединым ответом. Мы правильно верим, если утверждаем, что вероучительная истина в ее полноте сохранена на христианском Востоке – не по нашим заслугам, конечно, а благодатию св. Духа. Но не только Запад, о котором о. Сергий пишет, что ему "досталась в удел мечта о вселенском первосвященстве, хотя и его он подменил приматом власти и господства", но и христианский Восток погрешили и продолжают грешить против высшей из заповедей – заповеди взаимной любви: лишь по ней призван мир узнать учеников Спасителя, овец Его ограды. Таков трагический характер всякого раскола, порожденного "лжецом и отцом лжи" – дьяволом.

Трещину раскола человеческое пристрастие превращает в знамя истинной веры. В эмоцио-

нальной одержимости люди забывают то, что их вчера еще объединяло, все дары св. Духа, бывшие еще недавно общим достоянием, радость "гостеприимства Владыки и бессмертной трапезы", которую мы сообща пили из единой Чаши. Сознание греховности раскола исчезает. "Родное" торжествует над "вселенским" и закрывает его собой. Поэтому экуменизм, как воля к пробуждению от векового оцепенения и от чувства самодовлеющего провинциализма, следует признать одним из самых значительных явлений в духовной жизни современности.

Тяжелые испытания, постигшие русскую Церковь в XX веке – страшные преследования, обрушившиеся на оставшихся на родине, горькое изгнаничество для тех, кто смог и захотел уйти в эмиграцию, – породили психологически понятный аффект консерватизма: "Хранить то, что мы имеем, и ничего не переосмысливать и не менять". Родилось даже подозрительное отношение к богословию – кому нужны эти умствования, не нарушайте нашей идиллии! С резко отрицательным отношением к экуменизму мы встречаемся не только на страницах периодических изданий Русской зарубежной Церкви: достаточно перелистать "Журнал Московской Патриархии" за пятидесятые годы, чтобы убедиться в том, что и на родине экуменизм еще недавно почитался лукавой "ересью" и чуть ли не предательством Православия. Из этого аффекта консерватизма рождались чудовищные легенды: экуменизм, якобы, есть попытка достичь единства путем вероучительного компромисса, намерение создать некое духовное "эсперанто", которое всех удовлетворит. Чтобы убедиться в том,

сколь вздорны подобные измышления, достаточно понять, что компромиссы, неизбежные в области политической и социальной, в жизни Церкви лишены смысла, не говоря уже о том, что православных участников экуменического движения, которому уже более пятидесяти лет, невозможно, оставаясь в здравом уме, обвинить в каких-то вероучительных "сделках" с инославными.

Реальные итоги экуменического движения ничтожны в том, что касается богословского диалога между Церквами апостольской и святоотеческой традиций Востока и Запада и протестантским миром. Тут мы можем говорить лишь о свидетельстве о нашем вероучении. Отрадно уже то, что протестанты проявляют все большую готовность к этому свидетельству прислушиваться.

Экуменический диалог между Востоком и Римом гораздо более перспективен. Православные, после векового отчуждения от Рима и даже враждебности к католицизму - злосчастная проблематика униатства, от которой сейчас и в Ватикане хотели бы избавиться - начинают понимать, что учение о вселенском первосвященстве епископа Рима стало для наших западных братьев истиной веры, что это учение - не горделивая выдумка, а один из основных элементов западной эклезиологии.

Не соглашаясь только лишь на "первенство чести", которое готовы признать за римской кафедрой православные, Ватикан не стоит на месте в вопросе о вероучительном диалоге с православным Востоком. Молча "сдано в архив" столь неприемлемое для слуха православных именование патриарха Запада

"наместником Христа на земле". Позднее западное добавление к Символу веры – о св. Духе, исходящем не только от Отца, но "и от Сына" ("филиокве"), все чаще опускается – "из любви к нашим восточным братьям", как говорят сегодня католические богословы. Сейчас уже нет ни одной богословской школы на Западе, где не изучали бы восточных отцов и учителей Церкви, как и восточной литургики и аскетики.

Конечно, исторические раны излечиваются медленно, память о страшных взаимных обидах продолжает отравлять сознание. Но великую надежду на то, что раскол будет изжит, внушиает нам уже то, что казалось решительно немыслимым всего несколько лет назад: патриарх Востока и патриарх Запада в полном облачении вместе предстоят Престолу до самого евхаристического канона, обмениваются "целованием мира" и вместе преподают благословение народу Божьему.

Это – не "новые схемы", не "карточные домики", которых опасался в своем очерке о св. Софии Константинопольской о. Сергий Булгаков. Это – рождение нового церковного сознания, обновляющее действие св. Духа в истории.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗА ДУШУ ХВАТАЮЩАЯ КНИГА*

Лет до восьми я не знала, что "Гадкий утёнок" Андерсена имеет счастливый конец. Всякий раз, когда мне читали эту сказку и доходили примерно до середины, я разражалась столь бурными слезами, что закончить чтение не было никакой возможности. Не помню, чтобы я когда-нибудь еще так плакала над книгой. Может быть, только над пастернаковским романом, в самом конце его, там, где Лара прощается с телом Живаго, и эта почти фольклорная певучая нота ее прощания поразительно точно выражает какую-то общую итоговую обреченность жизни. Но как давно это было! Меньше всего можно было предположить, что сейчас, когда почти всё я читаю привычно-профессиональными глазами, повесть Анатолия Приставкина "Ночевала тучка золотая" вызовет у меня те же безудержные слезы, которые в заснеженном московском детстве доставались на долю "Гадкого утёнка".

Как же это случилось? Повесть предельно проста, я бы сказала даже, почти нарочито упрощена по всем литературоцедческим критериям, начиная от сюжета и кончая стилем. Детдом, конец войны, эвакуация детей на Кавказ, в места, насильственно очищенные от исконного населения. Герои? Тоже просто. Братья-близнецы, живущие, как один человек и похожие настолько, что ни взрослые, ни дети не различают их, всех морочащих, затягивающих в свою постоянную мистификацию: то одеждой поменяются, то спальными местами, то именами, иногда для удобства, а чаще - просто так, по привычке, из постоянной вынужденной недоверчивости, инстинктивной предосторожности маленьких хамелеонов перед лицом большого опасного мира. Еще есть молодая воспитательница с захватывающим дух бездонным взором, черноволосая царевна по облику, а в действительности - смятая войной вдова, мать двоих маленьких детей, женственная и беспомощная, с вечной спасительницей-папиросяй в руке. Других героев прак-

* Анатолий Приставкин "Ночевала тучка золотая", ж-л "Знамя" №№ 3-4, 1987, Москва.

тически нет. Они эпизодичны и ненавязчивы. Они составляют общий фон повествования, динамически-сжатого и неторопливого одновременно, в котором есть простор для разных, больших и малых, тем.

Основная из них – голод. Это какая-то все просочившая, горячая река, на берегах которой идет действие и водами которой питается каждая травинка, каждая птица. Никогда не забуду описание голода в повести Гроссмана "Всё течет...", этих ползущих по пыльным украинским дорогам людей, безмолвных, обессилевших. До белого Киева доползающих – умирать. Да мало ли кто в Советской России, включая Солженицына и Шаламова, писал о голоде! Что нового мог сказать в восемьдесят первом году (дата окончания повести) Анатолий Приставкин? Сказал. Его интонация достигает эффекта какой-то мучительной достоверности. Читаешь – и прожигает.

"Слюна накипала во рту. Схватывало живот. В голове мутнело. Хотелось завыть, закричать и бить, бить, в ту железную дверь, чтобы отперли, открыли, чтобы поняли, наконец: мы ведь тоже хотим! Пусть потом в карцер, куда угодно... Накажут, изобьют, убьют... Но пусть сперва покажут, хоть от дверей, как он, хлеб, грудой, горой... Казбеком возвышается на искромсанном ножами столе. Как он пахнет!"

Голодом книга открывается, голодом – рекой, ревущей, кавказской, горной, по порогам своим скачущей, она длится, и разрастается, и разливается. И, как река, впаянная в земельное пространство, эта тема впаяна в другую, огромную огромную тему страшного времени, в котором, как мандельштамовские "трамвайные вишенки", повисли братья Кузьмёныши. Мир, основу которого составляет война, а в той большой войне, как матрёшка в матрёшке, стучит другая война, малая, идущая внутри одной, исстрадавшейся, раздраженной страны (русские против чеченцев и чеченцы – против русских), мир этот поражает абсурдом. Все в нем нелепо, хаотично, беспощадно, все в нем, как сказал бы Толстой, приведено в "противное человеческой природе состояние". При этом освобожденная от относительного благополучия мирной жизни, человеческая природа обнажена в нем до костей. Все низкие животные инстинкты, дремлющие в ее глубине, проступают наружу, пользуясь той свободой катастрофы, которую рождает война.

”Сашка подумал: рот бы себе чем заткнуть, чтобы не закричать, не зареветь от голода на весь вагон! Не про банку, хрен с ней, с этой недосягаемой мечтой – банкой. А про директора – суку из Томилина, которому велели, письменно, это уже по чужим разговорам стало ясно, дать им хлебный и прочий паёк на пять суток! О чем он, падла, сидя тогда на ступеньках и почесывая прыщавые подмышки, думал, где его плюгавенькая совесть была: ведь знал, знал же он, что посылает двух детей в голодную многосуготочную дорогу! Примите же это, невысказанное от моих Кузьмёнышей и от меня лично, запоздалое из далеких восьмидесятых годов непрощение вам, жирные крысы тыловые, которыми был наводнен наш дом – корабль с детишками, подобранными в океане войны...”

Детским взглядом, свежим и острым, как первая зелень, охватывает повесть действия взрослых людей, и взгляд этот полон недоумения, ибо одиннадцатилетний ребенок, сколько бы он ни пережил, имеет только один опыт – опыт здорового чувства. Самый логичный и самый точный. Исходя из него он и выносит свой приговор.

”Давай спустимся обратно, – предложил Колька. – Там внизу теплей. Там быэц стрылат, – с боязнью произнес Алхузур. А здесь чечен стреляет, – воскликнул Колька. Выздэ плох! – вздохнул Алхузур. – А зачем они стрылат? Ты панымаш? Нет, – сказал Колька. – Я думаю, что никто не понимает. Но оны же больше... Оны же умны... Тэк?”

Колька ничего не ответил. Наступил вечер. Они смотрели на горы, сверкающие в высоте и не знали, как им дальше жить”.

Мне всегда казалось, что детская тема одна из самых трудных, самых опасных в литературе. В ней, по природе своей располагающей к сентиментальности, полнее всего проявляется зрелость писателя, его умение соблюсти определенную гармоническую иерархию, не стать ни навязчивым, ни приторным, ни преувеличенно-наивным. Я бы назвала немногих, кому это удалось: Толстому в ”Детстве, отрочестве, юности”, Чехову в ”Ваньке”, Пастернаку в ”Детстве Люверс”, Айтматову в ”Белом пароходе”. И вот сейчас, с радостью всякой неожиданности, без малейшего внутреннего сомнения я присоединила бы к этим именам имя Анатолия Приставкина.

Интересно при этом, что он, запечатлеваяющий мир разомкнутого ужаса, сдвинутый с насиженных мест, кровоточащий от насилия, в описании своих маленьких героев почти не дает воли напрашивавшимся масляным краскам, предпочитает им карандашный штрих,держанную графику. Страх перед происходящим, растерянность ребенка, его усталость от наслаждаемого страдания пишет предельно просто, обретая точность черно-белой детали.

"Он бежал, смешно подпрыгивая и поддерживая штаны. Он не знал, преследуют его или нет, потому что кроме своего собственного дыхания и треска сокрушающей по пути кукурузы он уже ничего не слышал. Потом дыхание его кончилось. И кончились его силы. Он упал в какую-то ямку и даже шевельнуться не мог. Когда пришел он в себя, было темно. Черно было кругом. Словно залепило глаза и уши. Он ощупал свою ямку, но опять же не смог подняться. Тогда он стал руками и ногами копать под собой. Он загребал пальцами назад тяжелую, пахнущую перегноем землю, и, по-звериному отбрасывая, отпихивал ее прочь ногами. Сколько он это делал, зачем, он не знал. Да он уже ничего не знал про себя. Когда он выбился из сил, он приник, вжимаясь в землю, в свою вырытую ямку и снова исчез из этого мира".

Бедный ободранный зверек, бедный гадкий утенок... БЕЗ счастливого конца, ибо это - НЕ СКАЗКА! И стало быть, правильно плакала я в свои шесть лет и правильно - до конца не дослушивала...

Стремление к классической чеховской детали вообще характерно для стиля повести. Всего один раз, например, появляется в ней старик-машинист и произносит при этом только две фразы, но как запоминается, как остается:

"Машинист, молчаливый старик с короткой шевелюрой, буркнул, обращаясь к кочегару:

- Баста. Будет нашей ораве тут кормёжка! На два часа запри пар да подай кипятку, чай гонять будем!

Весь состав, тыща гавриков, кроме разве самых малых да самых несмелых, да еще больных, высыпал из вагонов посмотреть, отчего встали. Но некоторые без промедления ринулись в поле, в придорожные огороды к зеленеющим невдалеке грядкам и стали рвать... Машинист лишь хмыкнул, глядя в окошко на этот разор: в зеленянях, как жучки в траве, мельтешила, сутилась, перебегая с места на место, ребятня. Он долил в жес-

тянущую огромную кружку кипятку и, подняв дрожащими руками и пригубив осторожненько, добавил: "Россия не убудет, если детишки раз в жизни наедятся..."

При всей внешней неторопливости повесть Приставкина заключает в себе взрывной силы сюжет. И слава Богу, что в России смогло, наконец, появиться произведение, в котором сюжет этот не подвергся смягчениям и переработкам. То, что разбойничьей властью Сталина одни люди были изгнаны со своих земель, оторваны от отцовских могил и переброшены в чужое пространство, в то время как другие люди волею обстоятельств были вынуждены на чужую землю - ступить, брошенный дом - занять, холодный очаг - растопить, тот безобразный процесс перемещения наций, которого до начала советских сороковых годов не знала человеческая история, находит в книге этой какое-то неповторимое свое преломление, потому что, как всё в ней, освещается удивленным взглядом ребенка.

"На те вагоны он набрел случайно, собирая вдоль насыпи терн, и услыхал, как из теплушки, из зарешеченного окошечка наверху кто-то его позвал. Он поднял голову и увидел глаза, одни сперва глаза: то ли мальчик, то ли девочка. Черные блестящие глаза, а потом рот, язык и губы. Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук: "Хи"...

Хи! Хи! - закричал голос, и вдруг ожило деревянное нутро вагона. В решетку впились детские руки, другие глаза, другие рты, они менялись, будто отталкивая друг друга, и вместе с тем нарастал странный гул голосов, словно забурчало в утробе у слона.

Колька отпрянул, чуть не упал. И тут, неведомо откуда, объявился вооруженный солдат. Он стукнул кулаком по деревянному борту вагона, не сильно, но голоса сразу пропали, и наступила мертвая тишина. И руки пропали. Остались лишь глаза, наполненные страхом. И все они теперь были устремлены на солдата.

А он, задрав голову, показал кулак и привычно произнес: "Не шуметь! Басурманы! Кому говорят! Чтобы ти-хо!"

Вооружили парня из-под Рязани или Харькова и велели ему стеречь черноглазых детей за решеткой. Хорошо, если попадется парень с сердцем и задаст себе простой вопрос: "Что же это происходит? Почему их, как зверей в клетках, везут?"

Ну, а если - не задаст? Если жестковатый, или

войной ожесточенный, или просто привыкший не рассуждать, а действовать, попадется парень? Из-под Рязани, из-под Харькова? Приставкин пишет, в сущности, об очень простых вещах, о том, что всегда и везде рядом – общем, совместном нарушении человеческих законов, не в юридическом, а в повседневном, практическом смысле, и тот взрывной силы сюжет, который предлагает повесть, лишь доводит это совместное привычное нарушение до крайнего предела – смерти, убийства. И тогда, когда этот страшный предел наступает, ребенку, у которого только что распяли брата (а чеченец, который русского мальчишку к забору прикручивал, может быть, за своего черноглазого сына, как звереныша, увезенного за решеткой, озверев от крови, мстил!), вот тогда этому ребенку, в отличие от безумевшего взрослого свободному от безрассудной ненависти, предоставляется слово:

”Вот, – сказал Колька, – небось сам слышал, как солдаты, наши славные боевые бойцы, говорили... Едут чеченов убивать. И того, кто тебя распял, тоже убьют. А вот если бы он мне попался, я, знаешь, Сашка, не стал бы его губить. Я бы только в глаза посмотрел: зверь он или человек? Есть ли в нем живого чего? А если бы я живое увидел, то спросил бы его, зачем он разбойничает? Я бы сказал: ”Слушай, чечен, ослеп ты, что ли? Разве ты не видишь, что мы с Сашкой против тебя не воюем! Нас привезли сюда жить, так мы и живем, а потом мы бы уехали все равно. А теперь видишь, как выходит... Ты нас с Сашкой убил, а солдаты пришли, тебя убьют. А лучше было то, чтобы ты жил, и они жили, и мы с Сашкой тоже жили? Разве нельзя сделать, чтобы никто никому не мешал, а все люди были живые...”

Хорошую литературу, кроме многоного другого, отличает еще и ее своевременность. Что-то неясно тревожило меня, пока я читала Приставкина, аналогия какая-то все напрашивалась, все маячила, ускользая, не даваясь. И вдруг пропала отчетливо. Когда закончена повесть? В восемьдесят первом? А что если в ней, обращенной в далекие сороковые, присутствует современный Афганистан? Где сиротеют черноглазые дети? Где озверевшие крестьяне вспарывают животы курносым уроженцам Подмосковья? Я ни в коем случае не берусь утверждать, что эта книга написана эзоповым языком, и ее кавказский сюжет подразумевает современную ситуацию в Афганистане, против этого говорит хотя бы

то, что в ней слишком обнажено автобиографическое, исповедальное начало (иногда даже приходит в голову, что автор не столько сочиняет, сколько вспоминает), но ведь чем ярче произведение, тем больше ассоциаций рождает оно, тем сильнее сегодняшние отклики, тем отчетливее, что меняются-то лишь даты, а черноглазые дети остаются.

За последние два года мы почти привыкли к тому, что в советских журналах можно прочесть целые страницы из - как бы это сказать? - резко "самиздатовских" текстов, и в этом смысле повесть "Ночевала тучка золотая" - замечательное подтверждение тому, как глубоко зашел процесс гласности в литературе. Вещи жестко называются своими именами, и оттого временами в этой тонко-лирической, за душу хватающей книге звучит мощный иронический голос: "В простенках, по обе стороны сцены проглядывали какие-то нерусские надписи, их замазали масляной краской и частично прикрыли портретами вождей. Так что выходило: вожди как бы своими спинами стыдливо прикрывали свои собственные призывы, только на другом, нежелательном теперь, языке".

Обездоленные, голодные, исстрадавшиеся дети по команде учительницы под возглас ее "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" радостно кричат "Ура", и даже больные, лечащие подхватывают этот крик. Страшное, как это часто бывает в жизни, зловеще переходит в смешное, трагедия смыкается с фарсом. Дети в повести Приставкина живут самой беспросветною жизнью, но и эта жизнь не может обойтись без того, чтобы не испытать на себе весь тот отталкивающий мажор, который является нормой советского поведения. Мало того, что взрослые предают детей, они еще и издеваются над ними, закладывая в хрупких маленьких сердцах страх и недоверие, заставляя их расставлять собственные акценты и нашупывать собственную логику, всецело направленную на то, чтобы найти против этих взрослых, доведших мир до абсурда, хоть сколько-нибудь надежную защиту: "...на хрена она нам, белокаменная, сдалась! Дома каменные, люди железные... Господи! Да пропади пропадом, задарма, этот неуютный, немытый, проклятый, выхолощенный войной край! Где все живут одним военным днем: купить да продать... А те, что стоят у станков да куют в выступивших цехах победу над врагом, они не только беспризорных не видят, а своих родных детишек запустили до уровня одичания..."

Может быть, один только раз и нарушил автор жес-

токую правду жизни, заставив осиротевшего Кольку привязаться к чеченскому мальчику Алхузуру так, что вся преданность его дружбы с погибшим братом, вся неразрывность их близнецких существований воскресла в новом обретенном союзе. Этот момент кажется мне преувеличенно романтическим, в нем есть что-то от "старой" идеалистической литературы, но кто станет пенять человеку, который не только пишет трагедию, но - по сложившимся законам ее - ищет катарсиса? Даже если он и оказывается в этом поиске слегка наивным, никто из нас, я думаю, не возьмет на себя смелость утверждать, что в реальной, всегда непредсказуемой жизни не случается то, что может показаться романтической натяжкой в литературе. Кроме всего, можно ведь отнестись к этому и иначе: как же ему, вспоминающему, оплакивающему, не оставить было пространство для "чистой" романтики, для этой фольклорной, с высокого кавказского неба свалившейся дружбы? Есть ведь, кроме правды нашей жизни, правда творческого вымысла, по которой - сколько ни читай - гадкий утенок неизбежно обращается в лебедя.

"Алхузур показал на горы.

- Он там... Он свой зымла стырыжыт... Он её съжалт... Он её лубыт...

- А если бы он застрелил меня? - спросил Колька.

И ему вдруг стало холодно. Тоскливо-тоскливо стало. Даже присутствие Алхузура не помешало этому чувству. Он понял, что его и правда хотели убить. И сейчас он валялся бы тут с выпавшими кишками, и вороны расклевали бы ему глаза, как Сашке.

Алхузур посмотрел на Кольку.

- Я плакыт, - сказал он и правда заплакал. И тогда Кольке стало легче, совсем легко. И он стал утешать названного брата и стал объяснять, что им надо породниться по-настоящему. То есть разрезать руку и смешать кровь. Они нашли стекляшку, и сперва Колька, а потом Алхузур надрезали на левой руке кожу и потёрлись ранками".

Я упомянула о глубоко личном, почти исповедальном начале книги, которое очень близко мне. Когда движущееся море художественного повествования вдруг упирается в прочный утоптанный островок подлинности, чувствуешь какую-то растерянность, словно из гущи ловко нарисованных рук вдруг протянулась к тебе живая, с потрескавшейся кожей, рука: "И вот уже печатаюсь двадцать пять лет, а фамилии те, не скрывая,

намеренно выношу в своих рассказах, в повестях, документальных очерках, и снова — ни словечка в ответ. Страшная мысль: неужто один я выжил изо всех? Неужто так и сгинули, затерялись? Не проросли? Эта повесть, наверное, последний мой крик в пустоту: откликнитесь же!"

Мне хочется спросить у него, который, может быть, никогда и не прочтет эту рецензию, из бостонского "прекрасного далека": "Ну, что? Услышали? Откликнулись? Проросли?" И если — да, от всего сердца поздравить с этой — главной — удачей.

И. М.

О ЗАПАДНОМ СТИЛЕ В НАУКЕ*

Книга И. Земцова и Дж. Феррара о Горбачеве заслуживает особого внимания не потому, что в ней сделаны важные научные открытия, приведена неизвестная информация или отмечена она литературным блеском. У нее безусловно есть достоинства (о них речь ниже), но внимание книга привлекла не столько своей спецификой, сколько типичностью! В некотором роде это образцовое произведение западной науки, с ее особой методологией, подходом и стилем. Анализируя "Горбачева", можно наилучшим образом понять особенности западной научной школы, что в любом случае полезной для российских ученых и любителей науки.

Типичным свойством этой школы считается позитивистский подход, то есть чрезвычайно внимательное отношение к фактологии явлений и одновременно стремление избегнуть всего того, что именуется "гипотезами". Основоположником такого подхода является, возможно, "царь западной науки" сэр Исаак Ньютон с его знаменитым афоризмом: "Я гипотез не строю".

Нынешний позитивизм в той отрасли науки, которая именуется советологией, подкреплен долгим и неудачным опытом предшествующих десятилетий. В силу нехватки информации западные советологи целые истори-

* И. Земцов, Дж. Феррар. "Горбачёв. Человек и система. 70 лет после Октября". ОРИ, Лондон. 1987.

ческие эпохи были вынуждены довольствоваться отрывочными и непроверяемыми фактами и по необходимости выстраивать на них легковесные гипотезы. В виде реакции на былые провалы в современной советологии можно выглядеть предельно позитивистским: фактология собрана тщательно, классифицирована внимательно, избегаются идеологические оценки, выводы осторожны, взвешены — "туда и сюда". Как можно меньше сомнительного психологизма, по своей природе условного, как можно меньше концептуальности, всегда отбирающей нужные ей факты из общего потока и потому в чем-то ограниченной, как можно больше объективной информации в противовес идеологической предвзятости!

И. Земцов и Дж. Феррар написали книгу о Горбачеве в точном соответствии с современными канонами западной науки. Отсюда ее несомненные научные достоинства и отсюда же ее недостатки, уже не несомненные, а — с моей личной точки зрения.

Ее достоинства — во-первых, тщательный, безупречный подбор фактов. Когда будущий исследователь захочет изучить первые два с половиной года правления Горбачева, ему не нужно будет зарываться в газеты и журналы, информационные сборники — все главное, без сомнения, уже собрано и сгруппировано в книге наших авторов. При этом факты отобраны именно те, которые имеют значение для исследователя, а все сплетни, домыслы, догадки предусмотрительно отсеяны.

Второе ее достоинство — осознанное стремление к объективности, желание поломать идеологические предубеждения и стереотипы и делать выводы, исходя только из рассматриваемого потока фактов. Конкретно это выражается в том, например, что И. Земцов, которого в одной из предыдущих статей я упрекал в излишнем "антисоветском пыле", сейчас резко поменял "стиль". В новой его книге этот недостаток полностью изжит (возможно, благодаря воздействию соавтора, Дж. Феррара): отношение к "объекту" полностью сбалансировано, нет телячьих восторгов по поводу "нового советского мышления", но нет и тотального отрицания всего, исходящего из коммунистической элиты. То, что, по оценке авторов, заслуживает одобрения — одобряется; то, что вызывает недоверие и заслуживает предостережения, получает нужную оценку. Авторы отказались от каких-то идеальных моделей, исходя из которых следует давать оценку государственным деятелям; взамен в основу исследования положен принцип, процитированный в качестве эпиграфа: "Великих мира сего часто упрекают, что они не сделали всего, что могли бы сделать.

Они могут возразить: подумайте о том зле, которое мы могли причинить и не причинили" (Г. К. Лихтенберг).

Недостатки рецензируемой книги – оговариваю снова, недостатки с моей личной точки зрения, причем не столько ее, сколько вообще современной позитивистской школы – являются, как обычно бывает, продолжением ее достоинств.

Ну, например, объективизм, который вынуждает искашать картину, чтобы, упаси Бог, ни читатели, ни коллеги, ни, как кажется, сами авторы не подумали, что они в чем-то пристрастны, находятся в плену у своего мировоззрения. Вот характерный пример: авторы решили перечислить сильные стороны империи, которой руководит Горбачев: "Даже ослабленная немощью руководства, система сохраняла способность эффективно реагировать на приказы из центра. При всех своих недостатках советская экономика по объему производства занимала третье место в мире... даже в состоянии депрессии СССР по темпам экономического роста не уступал большинству соперников" и т. д. Между тем, ясно, что если бы система эффективно реагировала на приказы центра, то горбачевская перестройка произошла бы сегодня с десятикратным темпом по сравнению с реальным; и если бы советская экономика не уступала по темпам роста большинству соперников, никакой генсек не был бы в состоянии вообще настаивать на перестройке сложившейся за десятилетия системы и не нашел бы вдобавок нужного количества единомышленников в таком деле. Что касается ее "третьего места" в мире (раньше, правда, говорили о втором), то сие "место" убийственно высмеяно еще А. Безансоном, и ни один политолог не сумел хоть как-то ему возразить! Известно ли всё вышеперечисленное мною авторам? Безусловно. Зачем же они занялись этой риторикой, неубедительной и для них самих? А всё для той же "объективности", чтоб не обвинили в антисоветской предвзятости! Между тем, свои достоинства у советской системы, конечно, имеются, но их в трех фразах не перечислишь, и вот в ход были пущены старые, заезженные клише, цель которых – навести косметику "добропорядочности" на текст.

Позитивизм, видимо, необходим в так называемой массовой науке, когда исследованиями заняты сотни тысяч людей (помню, мне в начале 70-х гг. попалась на глаза цифра: в СССР насчитывалось тогда 330 тысяч кандидатов наук! По военным меркам это означало 33 дивизии полного состава, целый небольшой фронт, наподобие Калининского или Воронежского!). Такое количе-

ство людей не может и не должно выдвигать концепции и гипотезы, и вполне справедливо современной установкой вынуждают эти массы заниматься лишь работой по сбору и первичной классификации нужной информации. Повторяю, я вполне понимаю, почему в современной науке возникла объективно мода на позитивизм, более того, считаю ее обоснованной. Но точно так же я считаю обоснованной попытку мыслящих ученых отбросить моду и действовать, опираясь на старые и проверенные концептуальные методы, которыми работают в советологии до сего дня Р. Пайпс, А. Безансон, Р. Конквест и другие ученые, с концепциями и доводами которых я нередко спорю, но которых считаю образцами для собственной работы.

В книге о Горбачеве мне не хватает этого концептуального осмысливания изложенного в ней материала. Ну, например, не хватает попытки объяснить, почему всю жизнь выгляделый типичным советским деятелем Михаил Горбачев, получив необъятную власть, вдруг решительно изменил весь стиль своей деятельности? В рецензируемой книге упор, естественно, сделан на объективных условиях, вызвавших переворот в СССР: на необходимости завоевания аппарата на свою сторону и замены стариков своими людьми, на явные признаки тяжелейшего кризиса, которые надо было преодолеть, и пр. Никто не отрицает, что для совершения столь значительного переворота, который задумал и начал осуществлять Горбачев, действительно необходимо наличие объективных, фиксируемых наукой условий. Р. Пайпс рассказывает в интервью журналу "22" (Тель-Авив): "Вскоре после опубликования этой статьи (где он в 1980 г. предсказал "обращение СССР внутрь - от завоеваний к реформам". - М. Х.) я стал одним из советников президента по русским делам. Это открыло мне доступ к информации о внутреннем положении в СССР - не только к открытой, но и к засекреченной информации. Знакомство с ней подтвердило мои теоретические предположения. Я убедился, что ситуация в СССР стала попросту катастрофической. Честно сказать, раньше я не представлял себе подлинных масштабов этой катастрофы. Мне стало окончательно ясно, что советские лидеры будут вынуждены пойти на существенные реформы. Этого требовало объективное положение вещей". Пайпс только не может объяснить, почему катастрофическое положение, совершенно ясно обозначившееся для него еще в 1980 году, не привело ни к каким реформам вплоть до 1985 года, пока генсеком не стал Горбачев! (Не считать же убогие палочными административные меры Андропова

реформами. Это были скорее антиреформы!) Не может он, потому что одних объективных условий далеко не достаточно для понимания явления, и тот же Пайпс, говоря о "перспективах перестройки", признает: "Сегодня будущее предсказать куда труднее, потому что оно зависит не только от объективных, но и от факторов, так сказать, психологических, от степени коллективной мудрости советской номенклатуры"^{*}. Но и тогда, когда он, пораженный открывшейся засекреченной картиной, признал необходимость реформ, их осуществление зависело от субъективного фактора, от коллективной мудрости номенклатуры, типичным, а отнюдь не уникальным, представителем которой и явился Горбачев.

Вот этого-то психологического фактора мне недостает в рецензируемой книге: я вынужден, чтобы узнать его, обратиться к другим источникам, например, к замечательному очерку погубленного в Киевском УГБ украинского писателя Гелия Снегирева "И чего это я хлопаю?", в центре которого действует сравнительно молодой номенклатурный начальник, низовой организатор производства (директор совхоза) из тех, кого, как пишет автор, выдвигают ныне в партийные кадры.

Чтобы читатель понял, о каком типе идет речь, процитирую один диалог из очерка:

"— Скажите, Андрей Петрович, ну, а вот в области на совещаниях, в районе заводят разговор о будущем? Не про вот этот урожай, а про дела, скажем, на 10 лет вперед? Где людей брать, когда их все меньше? Как урожай получить, когда землице отдохнуть некогда?"

Вояк подумал и очень торжественно, как бы присягая, сказал:

— За 10 лет, что я тут, в районе, — не помню ни разу такого случая.

— Да быть того не может! — вырвалось у меня.

— Честное партийное слово! — твердо и так же торжественно сказал он.

— А что же это будет?

— А то и будет^{**}. — И убежденно пояснил: — Запустение будет".

* Цит. интервью по "22", № 57, 1988, сс. 170-172.

** Цитирую по книге Э. Абросим "Переводы". Вена, стр. 263.

Я могу бесконечно долго цитировать великолепный очерк, дающий поразительно точную психологическую модель того типа номенклатурщика, который ждал "явления Горбачева народу", чтобы подпереть его, более того, того типа людей, из среды которых и был выдвинут новый генсек. Не удержусь от искушения и процитирую его финал:

"Сидели мы вечером, в шахматы играли, смотрели телевизор, прислушиваясь к фразам руководителя государства. Выступал Брежнев, люди в зале часто поднимались и долго-долго хлопали в ладоши. И Вояк вяло пробурчал, берясь за пешку:

- Ляпают в ладоши... И вот ведь каждый (курсив мой. - М. Х.) хлопает и думает: зачем это я ляпаю?

А так - живут люди в совхозе неплохо. Хорошо живут люди".

Другое замечание связано с главой о Рейкъявикском совещании в верхах, и опять это будет упрек авторам за их, как бы выразиться, слишком "западный" подход к явлению. Если говорить о преимуществах советской системы над западной, то оно, пожалуй, вот какое: как правило, западный лидер может планировать свои действия лишь на одну каденцию (4-5 лет), советские же руководители в состоянии заниматься тем, что Р. Пайпс назвал "Большой стратегией". Поэтому для западных деятелей признаком "проигрыша" или "выигрыша" переговоров и конфликтов часто служат те или иные сегодняшние, сиюминутные отклики прессы. Сила советской стороны заключалась в том, что она обычно пренебрегала сегодняшними откликами, преследуя дальние, стратегические цели: получая неблагоприятные отзывы сегодня, она выигрывала в общем итоге. Оценивая исход Рейкъявика, авторы "Горбачева" следуют типично западной методе: поскольку отклики прессы в целом были благожелательны для Горбачева и отрицательны для Рейгана, они сделали вывод о победе советской стороны. Между тем, сегодня ясно, что Рейкъявик явился колossalной исторической по масштабам победой Рейгана. С одной стороны, отвергнув любые процедурные возражения и явившись в Исландию по приглашению советского лидера, Рейган реально доказал, что вопросы урегулирования мировых проблем для лидера США важнее, чем даже внутренние выборы. Во-вторых, отказавшись уступить "ловушке Горбачева", президент выявил для своего партнера по переговорам факт кардинальной важности: в современных условиях невозможно более проводить прежнюю политику, когда за счет "разрядки" удавалось снижать внутреннее давле-

ние и американо-европейскими жаропонижающими и снижающими давление поставками поддержать в некоей норме больной организм страны. Отсюда возникла необходимость оперативного вмешательства, она стала для Горбачева несомненной, и, наблюдая за хронологией его "нового политического мышления" не только во внешней, но и во внутренней политике СССР, мы видим огромное капиталистическое воздействие на этот судьбоносный процесс именно твердой позиции Рейгана в Рейкъявике.

Книга И. Земцова и Дж. Феррара о Горбачеве – это добротное по-западному, сбалансированно и объективно написанное сочинение. Наши замечания на ее полях – попытка показать, что из достоинств современного западного позитивизма неизбежно вытекает его определенная ограниченность. Которую начинают преодолевать и на сегодняшнем Западе тоже.

M. Хейфец

Проблемы независимой печати

Стенограмма информативной встречи-диалога редакторов независимых изданий

24 и 25 октября 1987 г. в Ленинграде состоялась информативная встреча-диалог редакторов и представителей независимых изданий Ленинграда, Москвы и Риги. В ней приняли участие редакторы и сотрудники 20-ти независимых изданий: "Бюллетень Христианской общественности", "Бюллетень московского клуба 'Перестройка'", "Бюллетень СМОТ", "Бюллетень Федерации социалистических общественных клубов", "Бюллетень клуба 'Община'", "Вестник совета по экологии культуры", "В полный рост!", "День за днем", "ЛЕА", "Меркурий", "Митин журнал", "Обводной канал", "Петербург", "Предлог", "Поединок", "Пресс-агентство СМОТ", "Третья модернизация", "Точка зрения", "Часы", "Экспресс-хроника". Во встрече принимали участие представители клубов "Дельта", "Аделаида", "Община", "Свидетель", "Клуб-81", московский и ленинградский клубы "Перестройка". На встрече, по инициативе ее ленинградских организаторов, присутствовали: корреспондент газеты "Известия" Ежелев, корреспондент ленинградской газеты "Смена" Дмитрий Запольский, корреспондент журнала "Сельская молодежь" К. Сочнев, корреспондент журнала "Аврора" Андрей Цеханович, корреспондент "Литературной газеты" В. Я. Голованов, корреспондент АПН Андрей Лоскутов, сотрудник журнала "ЭКО" Петр Филиппов, а также представитель горкома ВЛКСМ Сергей Пилатов.

Первое заседание открыла Елена Зелинская, редактор журнала "Меркурий". Говоря о целях встречи, она подчеркнула: "Существование самиздата было оправданно в тот период, который мы называем застойным. Сегодня, когда для многих авторов самиздата открылись

"Журнал журналов" № 1, 1987, Ленинград.
Получено из России.

возможности печататься в официальной прессе, да и сама официальная пресса изменила свое лицо, цели самиздата, казалось бы, обесмыслились. Однако мы наблюдаем и обратное - увеличение числа самиздатских изданий (возникают новые журналы, газеты, бюллетени) и усиление напора самиздата. Резко увеличились и тиражи самиздатских изданий. Следовательно, смысл самиздатские издания не потеряли, они пользуются спросом, находят читателей. Таким образом, цель нашей встречи - определить задачи неофициальной журналистики во время перестройки".

Слово предоставляется Кириллу Бутырину, редактору журнала "Обводной канал" (Ленинград).

Кирилл Бутырин: Я бы хотел начать с противопоставления журналов общественно-политических, возникших на волне общественного оживления последних двух лет, изданиям чисто литературным, литературно-критическим, философским. Есть серьезные различия между этими двумя типами журналов, как и между двумя типами ориентации в современном мире. Есть взгляд на события с точки зрения общественной пользы, общественного прогресса, и он неизбежен и справедлив, но есть и другая позиция: взгляд на происходящее с точки зрения истины и красоты, с точки зрения благообразия, верности фундаментальным законам бытия. В азарте и увлечении общественной борьбой его не надо забывать.

Происходящие общественные процессы могут многое обещать, но с точки зрения художника они могут казаться пошлостью, нечуткостью к вечным ценностям бытия. Имеем ли мы право во имя тактических соображений или для пользы дела заставить художника и мыслителя воздержаться от своих интуиций? Я думаю, что нет. Что же объединяет эти две позиции? Идея неофициальной, спонтанной культуры? Мы даже не знаем, как называется то, чем мы занимаемся: неофициальный журнал, самиздатский журнал, рукописный журнал, машинописный журнал?.. Поэтому для нахождения общего языка нам надо выяснить, что является главным признаком того дела, которое мы делаем. Что такое неофициальный журнал - это позиция или просто форма бытования журнала? В принципе дневник, который ведет человек и с которым он кого-то знакомит (может быть, сто и более человек) - это тоже журнал. Тираж в один экземпляр не имеет принципиального значения... Мне кажется, главное, что может дать самиздатский журнал художнику, мысли-

телю в любую эпоху, при любой общественной погоде – это (перевиная слова Пушкина) – свободу от властей, свободу от народа. Такой журнал должен быть гарантом того, что аутсайдер имеет право и возможность для выражения своей точки зрения в искусстве и философии.

Редакция "Обводного канала" не считает возможным заниматься политической деятельностью ни в период застоя, ни в условиях перестройки, потому что мы считаем, что лукавить и говорить полуправду – единственная возможность в наших условиях – это еще хуже, чем говорить ложь. Тем не менее, мы, следуя известному завету русской философии, – за целостное мировоззрение, за целостную личность, где бы воля, мысль и чувство человека жили в единстве, и с надеждой смотрим на возникшие самиздатские общественно-политические журналы, приветствуем их существование и надеемся тоже внести свою скромную лепту в общее дело. Тем более, что, хоть это и будет, наверное, неприятно для присутствующих здесь представителей официальной прессы, я считаю, что современное печатное слово в нашей стране переживает кризис при видимом оживлении. Те возможности, которые открылись перед прессой, поставили и массу проблем. Если прессы должна быть зеркалом общественного мнения, то не проще ли дать общественному мнению выплыснуться на страницы газет и журналов без посредников? Наша официальная журналистика занимает двусмысленное положение посредника между властями и обществом. Лучше дать обществу самому говорить, что оно думает. Вот, например. Нередко приходится читать об обществе "Память", но ни разу членам этого общества не дали высказаться в печати от своего лица. Или другой пример: борьба с алкоголизмом. На эту тему были написаны тысячи статей, но ни разу не было ни одной статьи от имени народа, стоящего в винных очередях. Мне кажется, что возникшие сейчас неофициальные общественно-политические журналы должны выполнять эти задачи, поскольку с ними не справляется наша официальная журналистика.

Ну, а роль самиздатских литературных журналов – быть гарантом свободы художника, мыслителя. В этих условиях кажется неважным, выходит ли журнал тиражом 8 экземпляров или типографским способом и стоит ли требовать типографского издания наших журналов. Главное, повторяю, верность истине и красоте.

Вопрос из зала: Расскажите о предыстории вашего журнала.

К. Б.: Журнал возник в 1981 году. Сейчас вышло 12

номеров. Даже в те тяжелые времена начала 80-х нам хотелось создать внутри неофициальной культуры условия для плюрализма, конкуренции, чтобы поднять качество художественной продукции. Мы хотим, чтобы высказались все, кто не попал в обойму официальной литературы, чтобы выразить в новом органическом единстве, каким является по идеи журнал, свое мировоззрение, мироощущение, свои вкусы. Культура, религия, нация, бытие - вот ценности, которым старается служить наш журнал.

Слово предоставлено Михаилу Талалаю, редактору журнала "Вестник совета по экологии культуры" (Ленинград).

М. Талалай: Мое выступление будет носить информативный характер. Сейчас вышло 4 номера, готовится 5-й. Наша цель - ежемесячное издание не резонансного характера (как "Меркурий"), а исторического. Кирилл упомянул удачное слово: "дневник". Наш "Вестник" - это дневник нашей жизни. В том процессе, который начался с сентября прошлого года (защита дома Дельвига), рождается много документов - переписка, различные воззвания, листовки, манифести - которые публикуются в нашем журнале. Тираж мал - 40/50 экземпляров, поскольку издание носит характер внутреннего, домашнего журнала и распространяется в группах, объединенных советом ("Спасение", "Невская битва", группа возвращения исторических названий, ЭРА, "Петербург"), а также в ГК ВЛКСМ. Поскольку я - сотрудник Фонда культуры, то журнал доступен также и работникам Фонда, а поскольку у Фонда культуры будет свой ксерокс, то мы надеемся, что журнал будет ксерокопироваться.

То, что печатаем мы, печатается также и в прессе, поэтому многие спрашивают, зачем мы это делаем, ведь и я, и мои друзья имеем возможность публиковаться в ленинградских газетах. Но наше издание все-таки чуть впереди того, что печатается в прессе. Многие темы "Вестник" поднимает до того, как они находят отражение в официальной прессе, например, вопрос о возвращении исторических названий, проблемы сохранения кладбищ, охраны церковных памятников... Смысл нашего издания - отражать нашу деятельность независимо от официальной прессы. У нас публикуются такие краеведческие материалы, тоже несколько опережающие открытие их в официальной прессе - история конфессий, церковных построек, геральдика, история жизни и

деятельности жителей Петербурга-Петрограда-Ленинграда, которые еще не вернулись официально в нашу культуру.

Закончить свое выступление мне бы хотелось одной сводкой из справочника "Весь Петербург" за 1914 год. В 1914 году в Петербурге выходило 47 газет, в том числе такие как, "Против течения", "Газета чиновника", "Утро России", существовала Петербургская газета "Голос Москвы" (смех в зале). Издавались журналы: из них библиографических - 12, военных - 17 (среди них "Вестник русской конницы"), 6 журналов, посвященных воздухоплаванию, в т. ч. "Летун" (смех), детских - 9, исторических - 2, коммерческих - 24, среди них журнал "Эхо пивоварения" (смех), литературно-художественных - 72, медицинских - 37, музыкальных - 7, научных - 53, общественно-политических и экономических - 14, официальных журналов министерств и управлений - 14, среди них "Тюремный вестник", ежемесячное издание главного управления тюрем...

Голос из зала: И сейчас есть такой.

...педагогических - 16, религиозно-нравственных - 21, сельскохозяйственных - 16, спортивных - 12, справочных - 27, театральных - 5, технических - 37, юмористических - 7, кроме того издавались журналы на других языках: 2 на еврейском, 1 на литовском, 9 на немецком, 1 на польском, 1 на татарском, 1 на финском, 2 на эстонском, 4 на французском. Итого 438 журналов.

Голос из зала: Изданий или журналов?

М. Т.: Журналов.

Голос: Только в Питере?

М. Т.: Да, только в Петербурге. Конечно, надо учесть, что это была столица. Сводки по неофициальным журналам в справочнике нет. К сожалению, у меня под рукой не нашлось данных по 20-м годам, но я уверен, что все эти журналы пришли в упадок лишь в начале 30-х годов, и нынешняя ситуация - наследие тех времен. Если процесс общественного подъема будет развиваться дальше, то лет через 5-10 многие из присутствующих попадут в издание "Весь Ленинград 1999 года".

Что касается нашей встречи, то мне хочется предложить идею банка информации о неофициальных журналах, поскольку информация сейчас - это главное. Нужно, чтобы редакторы знали, какие темы поднимаются в других журналах. У нас есть идея выпускать 1 раз в квартал сводный бюллетень содержания всех

машинописных журналов. Тут говорилось об обществе "Память". Может быть, и они издают свой журнал? А в Ленинграде выходит "Еврейский альманах", который, вероятно, заинтересует общество "Память" (смех).

Слово предоставляется Михаилу Дзюбенко (Москва).

М. Дзюбенко: Я представляю организационный комитет Фестиваля Нового Искусства. На нем предполагается обсудить конструктивные принципы информационно-музейного центра нового искусства и создание информационного банка. Надеемся, что присутствующие здесь журналисты, особенно те, кто занимается проблемами нового искусства, примут участие в нашей встрече, которая состоится в первую неделю февраля. Встреча будет включать научно-исследовательский семинар по проблемам авангарда и филологический семинар "Поэтическая функция" и др. Мой адрес: 109117, Москва, Окская ул., д. 10, кв. 124. Телефон: 1776189.

Вопрос из зала: Какие организации в Москве вас поддерживают?

М. Д.: Клуб социальных инициатив и клуб "Перестройка".

Слово предоставляется Борису Иванову, редактору журнала "Часы".

Б. Иванов: После московской "бульдозерной выставки" (художники выставили картины, а власти - бульдозеры), во время которой культурное движение показало готовность бороться за свои права, в Ленинграде группа литераторов решила составить сборник стихов ленинградских неофициальных поэтов и предложить его издательству "Советский писатель". Сборник под названием "Лепта" был составлен, предложен для безгонорарной публикации и издательством отвергнут. Инициативная группа, в состав которой входили В. Кривулин, Е. Пазухин, Т. Горичева и я, решили начать выпуск периодического легального самиздатского журнала. Вскоре стали выходить не один, а два журнала - "37" и "Часы". В своем рассказе я выделяю лишь сюжетную линию, которая привела к созданию "Часов", как развивалась мысль о свободном печатном органе.

Вернемся в 1976 год. Чем была невыносима ситуация? Талантливые люди, которые могли составить славу нашей литературы, чувствовали себя обществу совершенно

не нужными, более того, власть пыталась их убедить, что они не только не нужны, но для общества опасны, и их дальнейшее существование не желательно. Люди впадали в депрессию, пьянствовали, эмигрировали. Существовало несколько салонов, но они были под сугубым надзором. В этой ситуации я считал, что журнал нужен для того, чтобы создать культурную микромодель нормального общества, писатель должен почувствовать, что он нужен другим, что от него ждут достижений. Уже то, что люди, которые просят дать для публикации произведения, печатают их, и журнал знакомит с его творчеством других людей, — уже одно это меняет одномерную и безнадежную картину мира. Мне не раз потом приходилось слышать признания: "Не будь журнала, я бы давно бросил писать".

Второе, что я понял: журнал должен быть спокойным. Спокойствие — это та атмосфера, в которой нуждается пишущий человек. Он должен быть уверен, что составитель журнала не сорвется на крик и не поставит авторов издания под удар. Нужно было приготовиться к бегу на длинную дистанцию.

Думаю, что условия оказались действительно важными. Сколько прекрасно начинающих журналов было разгромлено! Но когда корреспондент Би-Би-Си спросила, как журналу удалось просуществовать столь долгое время, я сказал: "Во время войны, я был тогда мальчиком, напротив окна дома, в которое я смотрел, упала большая немецкая бомба. Она не взорвалась. Черт знает почему. Можно найти много объяснений, но и не знать: почему? Существуем, и слава Богу!"

И последнее: журнал представлялся изданием культурного движения, а не какого-либо кружка, то есть стремился публиковать все достойное, независимо от вкусовых и тематических представлений составителей. Через год-полтора это был уже небольшой коллектив.

Итак, в 1976 году стал выходить журнал "Часы" — журнал лояльный, открытый всем веяниям независимой гуманитарии, способный выдерживать политические заморозки. Сам факт существования его в какой-то мере легализовал культурное движение, показывал его преемственность и внутренние закономерности явления. Автор создавал тексты, тексты находили читателя, авторы и читатели создавали среду, среда — новую культуру.

"Часы" выходят 11 лет. Вышло 66 номеров. Объем каждого выпуска примерно 15 авторских листов. Пе-

риодичность: номер в два месяца. Основные разделы – проза, поэзия, переводы, изобразительное искусство, история общественной мысли, философия, критика, религия и некоторые другие.

Необходимо сказать о соотношениях между официальной и неофициальной литературой. Сейчас вся страна читает произведения, которые прежде могли публиковаться только в там- или самиздате. Некоторые редакторы машинописных журналов, я знаю, пережили смущение: нужен ли теперь вообще самиздат? Это новая интересная и приятная проблема. Действительно, до последнего времени именно неофициальные гуманитарии на свой страх и риск выполняли функции критического осмысления того состояния, в котором находится наше общество, или говорили, например, о черной эпохе чудовищных репрессий, хотя в любой момент могли быть обвинены в клевете по пресловутой статье УК. Теперь, как мы видим, эту функцию в большой мере выполняет официальная литература. Однако если внимательно сопоставить литературу официальную и неофициальную до и после произошедших перемен, то выявится следующая особенность: официальная литература обходит чрезвычайно острую и, на мой взгляд, важнейшую проблему – проблему формирования личности человека. Произведения, показывающие этот процесс во всей сложности, нигде не печатаются. Да, мы узнаем из честных произведений честных официальных писателей о социальных и моральных проблемах, о правде исторических фактов. Но стоит художнику предложить произведение о формировании личности, редактор его отклонит, – что это такое, зачем это рассказывается.

Реплика с места: А Андрей Битов?

Б. И.: С вами согласен. Но скажите, кого сейчас рядом с ним из писателей, имеющих официальный статус, можно поставить?

Русская литература, как мы знаем, занималась не только социальными проблемами, но прежде всего – жизнью души человека. Великий смысл творчества Толстого, Достоевского, Чехова в этом. Неужели нельзя понять, что до тех пор, пока в нашем обществе не сформируется личность как новый культурно-этический тип советского человека, исполненный личного достоинства, с независимыми суждениями, со способностью противостоять унифицированию и манипуляциям людьми, – и только от такого индивида можно ожидать инициативных и ответственных действий, – мы будем строить новое общество на песке.

Я думаю, что в ближайшее время разделение офи-

циальной и неофициальной гуманитарии сохранится. На встрече с членами секретариата СП РСФСР в начале года я об этом говорил. Надо понять, что этот разрыв мы не можем преодолеть на какой-то единой эстетической и тематической основе. Преодоление противоречий следует искать в рамках двух других категорий. Одна из них - *Родина* (общая для нас), а вторая - право, - равные для всех культурные права.

С прискорбием можно констатировать, что официальные учреждения, ответственные за культурную политику, не спешат нам навстречу. Между тем, мы ни у кого и ничего не отнимаем. Мы не ожидаем ни гонораров, ни привилегий. Мы готовы удовлетвориться минимальнейшими тиражами, бросовой бумагой, - наша проблема не взять, не присвоить, а дать нашему современнику то, что дать мы можем и должны, - свой опыт противостояния казенщине, неправедному насилию, опыт присутствия духа в самые мертвые годы. Но мы не можем, увы, уважать посредников, которые стоят сегодня между нами и нашим современником.

Слово предоставлено Е. Зелинской, редактору журнала "Меркурий" (Ленинград).

Е. Зелинская: "Меркурий" родился и развивается вместе с культурно-демократическим движением, продолжающим англтеровское. Начавшись как скромный бюллетень, где сообщались наши планы, объявления, информация о работе неформальных групп и объединений, он вырос в общественно-политический журнал, отражающий одно из самых интересных явлений нашего времени - становление новой общественности.

"Меркурий" отличается от тех самиздатских журналов, к которым мы привыкли. Во-первых, он не так независим, как они, являясь органом совета КДД "Эпицентр", он управляемся выборной редколлегией из 4-х человек. Во-вторых и в главных, он не так интровертен и элитарен, как его солидные литературные предшественники. Круг его читателей и авторов шире и демократичнее. На наш взгляд, он представляет собой сколок общественного мнения социально-активной части ленинградской интеллигенции.

Лицо издания еще только формируется. В первую очередь мы предоставляем место материалам, отражающим деятельность КДД (например, публикуются документы комиссии по созданию памятника жертвам сталинского террора).

Очень важно, что журнал дал возможность выска-

заться тем, кто раньше не имел права голоса. Но намного важнее сам факт существования такого издания, факт создания журнала нового типа.

Нам часто говорят ленинградские журналисты, иронически перелистывая машинописные листы: "Ну, вот этот материал, допустим, спокойно проходит в "Вечерний Ленинград", не понимая, что не степень "проходимости" отличает наши материалы от материалов "Вечернего Ленинграда". Да, сходные с нашими публикации появляются в официальной прессе, но они пока не делают погоду. Даже самые выдающиеся из них не влекут за собой существенных изменений.

Те огромные запасы идей, информации, которые накопились в обществе за годы безмолвия, невозможно реализовать через скучнейшее количество официальных изданий. Год назад мы начали издание детского журнала "ДиМ" ("Девочкам и мальчикам"). Дело оказалось довольно трудным: долгое отсутствие в Ленинграде детского журнала, отвечающего интересам детей младшего возраста, отсутствие городского детского издательства привело к оскудению и почти полному вымианию детской литературы. Но это тема для отдельного разговора.

Да, я знаю, что если очень постараюсь, то смогу напечататься в "Литературной газете", но - надоело. Надоело быть просителем, надоело знать, что твой материал обкромсаут с ног до головы, что ты не вправе распоряжаться своей информацией, своими мыслями. Хочется самому делать свое дело. Сходное происходит и с кооперативом - людям хочется иметь дело, в котором они были бы независимы от чиновников, начальников, которые запуганы больше тебя и от этого глупее тебя. Надоело быть попрошайкой в обществе, которое принадлежит мне так же, как и им. Не может удовлетворять советская журналистика, зашедшая в формалистический тупик. Особенно это касается немосковской прессы. Противно читать стандартный московский язык - смесь ликования и полного равнодушия к тому, что происходит на самом деле. Всплеск нынешнего самиздата связан с поисками новой формы разговора с читателями, с автором. Многие статьи "Меркурия" критиковались за "непричесанный язык". Неважно; главное - чтобы в статье был виден автор, чтобы за неровной, нервной строчкой чувствовалось страдание человека за то, что происходит. Журнал должен передавать живой образ времени. Это отнюдь не значит, что все возможные взгляды и явления должны быть "впихнуты" в одно издание. Журнал, раздираемый противоречиями, -

это не "гласность и демократия" - это отсутствие позиции. В обществе должен существовать широкий спектр изданий - от правительственные до крайне левых. Плюрализм изданий - это единственная возможность обеспечить одну из важнейших конституционных свобод - свободу слова.

Затем выступил *Петр Кожевников*, руководитель группы "Дельта", который рассказал о работе группы, имеющей целью добиться пересмотра проекта возведения "Дамбы".

Слово предоставляется *Владимиру Сквирскому*, редактору бюллетеня СМОТ и журнала "Поединок" (Москва).

В. Сквирский: Наше издание появилось в 1979 году, уже после моего ареста. Издавал его *В. Гершуни*, который еще до сих пор не освобожден. Затем - *В. Сендеров*, затем выпуски прекратились по независящим от нас причинам. Сейчас мы собрали все уцелевшие материалы и выпустили первый номер бюллетеня. В нынешних условиях мы не можем тягаться с прессой из-за трудности получения материалов, поэтому мы помещаем информацию, которая в официальной прессе не публикуется или появляется в искаженном виде. Мы пишем о людях, которые годами не могут добиться восстановления на работе, годами обиваются пороги приемной Верховного совета. Наш бюллетень при поддержке группы "Гражданское достоинство" будет заниматься защитой прав именно таких людей. В № 1, кроме проекта перестройки СМОТа, мы, в частности, дали материалы о судьбе *А. Клебанова*, который с 1978 года до сих пор находится в Макеевской психбольнице, абсолютно здоровый человек; здесь же материал о ленинградской трамвайщице *Андиашиной*, 1933 г. рождения; она работала по две смены в течение 20 лет, накопила большую сумму, которую держала дома. Об этом стало известно, начались обыски, ее забрали в 5-ю психбольницу, деньги пропали. Несколько лет она добивается справедливости, но ее запугивают и травят. Мы считаем, что нужно привлечь к ответственности милиционеров, которые похитили у нее крупную сумму денег. Мы собираемся заниматься защитой прав трудящихся, которых на сегодняшний день никто не защищает.

Наряду с бюллетенем мы издаем литературный и общественно-политический журнал "Поединок". До

1983 г. вышло 9 номеров, сейчас готовится 10-й. Там московские и ленинградские авторы. Наши главные проблемы - поступление материалов и полиграфическая база. Людей, которые размножают наши материалы, преследуют не по политическим, а по уголовным статьям за использование государственного ксерокса, бумаги и пр. Но в нашей редакции Л. Волохонский, отсидевший 2 срока, сам я отсидел 4 срока, В. Борисов выброшен в Париж... Чего нам теперь бояться?

Слово предоставлено Александру Подрабинеку, редактору "Экспресс-хроники" (Москва).

А. Подрабинек: Прежде всего я хочу поздравить ленинградцев с вручением Нобелевской премии ленинградскому поэту Иосифу Бродскому (аплодисменты).

В нашем издании мы помещаем информацию правозащитного характера, сообщения о нарушении прав человека в Советском Союзе. Наше издание выходит еженедельно и в какой-то степени является продолжением "Хроники текущих событий", выходившей в течение 15-ти лет. Но эта преемственность генетическая, а не организационная.

Нам кажется, что у всех собравшихся здесь редакторов есть одна общая проблема: условия, в которых издаются журналы. Мы сталкиваемся с отсутствием свободы печати. События, которые освещает наш бюллетень, ни одно советское издание вообще не освещает, а если затрагивает, то тенденциозно, а подчас и клеветнически. Мы не имеем юридического статуса, не имеем возможности заключать сделки с государственными учреждениями. Если бы у нас был статус кооператива, мы могли бы закупать по безналичному расчету бумагу, арендовать помещение, заключать сделки с типографиями, иметь множительную технику. Каждую неделю мы тиражируем около 100 экземпляров. Это связано с большими накладными расходами. Себестоимость наших изданий гораздо выше официальных. Эти 100 экз. мы рассылаем в 30 городов. Еще в 4-х городах их перепечатывают. Поскольку наше издание не является коммерческим, мы заинтересованы в том, чтобы информация широко распространялась. Мы обращались в различные инстанции с просьбой зарегистрировать нас как кооператив. Это дало бы нам конкретные гарантии безопасности, т. к. сейчас мы можем в любой момент подвергнуться судебному преследованию. Как это неоднократно бывало со многими присутствующими. Мы действуем фактически как нелегальные объедине-

ния потому, что официальные органы нас не признают. В нашем случае отсутствие тиража вызывает распространение нашей информации другими способами: бюллетень читает "Свобода" и "Голос Америки", хотя передача материалов на Запад не является нашей самоцелью. Если бы была возможность тиражироваться в СССР, не было бы необходимости передавать материалы на Запад.

Предлагаю создать Ассоциацию независимых издателей. Она занималась бы теоретической разработкой правовых вопросов: каков должен быть наш статус, как государство должно относиться к нам; она должна защищать участников этой Ассоциации.

На мое обращение в Моссовет о создании кооператива мне пришел ответ: "Ваше рассуждение о гласности не основано на марксистско-ленинской философии" (смех). На самом деле наше требование о создании кооператива не противоречит ст. 17 Закона об индивидуальной трудовой деятельности.

Е. Зелинская: Права не просят, а берут.

А. П.: Совершенно верно. Мы осуществляем свободу печати явочным порядком.

Слово предоставляется Андрею Фадину, редактору бюллетеня клуба "Перестройка" (Москва).

А. Фадин: Первый номер нашего бюллетеня готовится уже месяц, но еще не вышел. Я хотел бы поговорить о законе о печати, который вскоре будет вынесен на "всеноардное обсуждение". У нас есть уникальный шанс мощной общественной кампании в рамках обсуждения этого закона. Для этого надо достать уже готовый текст проекта и начать независимое давление для законодательного закрепления равных прав официальной и неофициальной печати или пытаться закрепить в законе явочный путь осуществления свободы печати.

Голос из зала: Текст закона будет опубликован в ближайшем выпуске бюллетеня "Гласность".

А. Ф. Поскольку мы уже набрали некоторый вес и о некоторых из представленных здесь журналах официальная пресса вынуждена писать в доброжелательных тонах, мы должны этот вес использовать для влияния на этот проект закона. Либо мы должны выработать альтернативный коллективный проект.

Речь идет о некой социально-проектной деятельности. У нашего издания, в частности, есть возможность лоббирования, которое тоже является средством достижения некоторых реальных результатов.

В. Сквирский: Если говорить о демонстрациях, то из 8-ми заявленных демонстраций в Москве не разрешена ни одна. А давят на нас денежными штрафами "за клевету" и т. п. Это очень сильное их оружие.

Слово предоставляется Петру Филиппову (Ленинград), представителю журнала "ЭКО" (Новосибирск).

П. Филиппов: Я хочу обратить ваше внимание на статью "Власть и разум", посвященную интеллигенции и бюрократии в буржуазном обществе, которая будет опубликована в 1-м номере журнала "ЭКО" за 1988 год (что касается "буржуазного" общества, то, как вы понимаете, многие аналогии напрашиваются сами собой). В связи с публикацией такого рода статей теперь не бывает конфликтов такого рода с горлитом, т. к. новые обстоятельства пока нам помогают. Например, статья доктора экономических наук Орлова, где он с цифрами в руках показывает, как мы заваливали каждую пятилетку, — она хоть и вызвала консультации в Москве, но все равно прошла в 11-й номер за этот год. Или статья В. Рамма "Чувство законной гордости и нерешенные задачи". Она тоже открывает юбилейный номер.

Однако возвращаюсь к статье "Власть и разум", поскольку она имеет отношение к проблемам самиздата. Автор пишет, что задача бюрократии — либо профанировать информацию, либо установить такой клапан, который позволяет дозировать информацию, не превышая предел, нужный чиновнику. И вот к чему это приводит: пример из истории фашистского рейха. Чиновники, выгораживая себя, приукрашивали информацию, которая шла наверх к Гитлеру, и благодаря этому высадка союзников в Нормандии увенчалась успехом.

Информация о реальном положении вещей чиновнику не нужна. В такой ситуации административно-бюрократическая система заходит в тупик. Это мы видим в нашей собственной стране на примере застойных лет. Выход из положения один: позволить информации вырваться наружу. Однако официальные издания все время чувствуют своеобразный "выключатель" в лице горлита. Хотя по последнему приказу горлит освобожден от функций контроля социально-экономической литературы, однако попытки контроля по-прежнему существуют, и проблема может быть радикально решена только предоставлением разрешительного характера самому изданию с контролем за соблюдением положений Конституции посредством судебной системы.

Вот свежая информация. Президент московского клуба "Перестройка" был приглашен на совещание в ЦК партии, где сделал доклад один из сотрудников отдела агитации и пропаганды. Докладчик, критикуя тех, кто не умеет вести политическую работу, сказал, что придется расстаться с надеждой на продолжение тактики затыкания рта. Готовится законопроект, согласно которому любая группа людей может зарегистрировать свою организацию в Совете народных депутатов и выставить кандидата на выборах. Хотя законопроект предполагает много различных толкований, можно полагать, что раз сделан первый шаг в этом направлении, может быть сделан и второй: разрешить этим организациям издавать свой печатный орган.

Вторая тенденция, играющая нам на руку, - это развитие технических средств: появляются персональные ЭВМ, принтеры, машины с памятью. Это решает проблему тиражирования. Стоять на пути этого технического развития можно, но только какое-то время. Сейчас многие экономисты высказывают положение, что никакая общественно-политическая система не может работать без обратной связи, т. е. оппозиции. Ее осуществляют неформальные организации со своими печатными изданиями.

Однако я хочу подчеркнуть, что неверна позиция и такая: поскольку каждый человек имеет право голоса, то его нужно публиковать. Так мы придем лишь к тому заседанию общественно-политического клуба, на котором три-четыре шизоида заставляют всех остальных голосовать ногами. Где границы того, что можно и что нельзя публиковать? Нужно ли публиковать материалы "Памяти"? Я считаю, что граница есть, и другой вопрос - демократические формы определения этой границы. Зададим себе вопрос: что, если завтра появится самиздатский журнал неформального объединения квартирных воров, где рассматриваются подробности того, как, в какое время, лучше взламывать квартиры? Или журнал черного юмора, мазохистов, токсикоманов? От какого клея лучше поймать кайф... В демократическом обществе возникает проблема: что можно, а что нельзя? Если вы считаете, что могут публиковаться сочинения типа "Почему мне не нравятся монголоиды и негры?", и если считать, что это приведет к расцвету демократических традиций, то мне кажется, что это приведет к убийствам. Например, в Средней Азии ежемесячно достают из-под моста несколько трупов.

Е. Зелинская: Это из-за существования такого журнала?

П. Ф. Нет, я хочу сказать, что разжигание националистической розни приведет к эксцессам. По темной улице в Средней Азии русскому человеку уже не пройти.

М. Талалай: Эти критерии в Конституции уже закреплены.

П. Ф. Однако "Память" как раз и подпадает под то, что запрещено Конституцией.

Е. Зелинская: А если общество доведено до такого состояния, что достаточно свистнуть и побегут убивать?

А. Подрабинек: А кто будет устанавливать эти границы?

П. Ф. Этот вопрос должен разрешаться демократическим путем. У нас такого механизма нет, однако, это не значит, что можно априори утверждать необходимость безграничных свобод.

В. Сквирский: Хочу заметить, что журнал карманных воров был бы выгоден не столько самим ворам, сколько тем, кто их преследует. Во-вторых, что касается токсикоманов и т. п. Скандинавский опыт показал, что в тех странах, где продается наибольшее количество порнографических журналов, их никто не читает. Порнография, которая валяется везде, скучна.

А. Талалай: А как быть тогда с коммерческой выгодой этих изданий?

В. Сквирский: Они распространяются в тех странах, где они запрещены.

Слово предоставляется Дмитрию Запольскому, корреспонденту "Смены", отдел коммунистического воспитания.

Д. Запольский: Мне кажется, что как официальным изданиям не хватает вашей оценки, так и самиздатским изданиям не хватает оценки профессиональных журналистов. Я не претендую на профессиональную оценку всей самиздатской литературы, просто хочу высказать свою точку зрения. Хочется верить, что многие журналы получат официальный статус и будут издаваться легально. Однако есть такая точка зрения, что многие журналы будут неудобоваримы, получив официальный статус. Многие самиздатские журналы грешат абсолютной однозначностью, которая прощается, когда они в машинописном виде, и которая недопустима в серьезном издании. Многие здесь говорили о том,

как у нас здесь плохо, как нам много чего не хватает, но никто не сказал о том, чего не хватает самому редактору. Все уверены, что у них лучшие журналы, и ни у кого нет вопросов к себе самим. А вопросов возникает масса, например, к журналу "Меркурий". Во-первых, удивительная бедность жанров. Однозначность материалов. Абсолютное отсутствие диалогов. У самиздатских журналов практически нет двух точек зрения, там всегда одна. Мало аргументов, все поверхностно. Абсолютная уверенность, бездоказательность. Это не попытка очернить! Мы бы с удовольствием опубликовали в "Смене" интересные материалы, но, простите, нам нечего опубликовать. Во-первых, нам не приносят. Вот разве что "Память" прислала свою заметку. Я мечтаю ее опубликовать, но публиковать без комментариев - это абсурд. Надо публиковать в подборке, поэтому приходится подождать. Кто мне может запретить это сделать?

Голос из зала: Ваш начальник.

Д. З. Товарищи, давайте не будем говорить о начальниках. Начальники и цензура - это очень хорошая и удобная форма упрека официальному журналисту. Но если газета не удовлетворяет требованиям, которые предъявляет ей читатель, то это наша вина. Это значит, что мы в себе цензора еще не убили. Мы сами боимся что-то печатать. Хотя это можно и нужно делать. Хотя работа с любым самиздатским изданием, публикация какого-то анализа - это колоссально тяжелая работа, к которой официальные журналисты не привыкли, не умеют это делать. Но никто нам ничего не запрещает, не говорит "нет". Могут сказать: "Давайте подождем", но это будет только разумно. Я часто сталкиваюсь с точкой зрения, что, мол, вам не дадут, не разрешат, - но чаще запрещаем себе мы сами.

Но я отвлекся. Понимаете, правда не может быть ради самой правды. Правда может быть для кого-то, для читателей. Но боюсь, что годовой тираж всех изданий, которые здесь представлены, не будет выше, чем разовый тираж "Смены". И самое лучшее - чтобы ваши материалы пришли к нам, и материалы были бы интересны, были бы взвешены. Очень хотелось бы делать такие подборки. Но для этого надо подготовить читателя. Потому что читатель - это тоже большая сила. К нам приходит много писем. Я занимаюсь неформальными объединениями и постоянно получаю письма с вопросом: на кого я работаю? Как могу писать, что у нас есть панки? Что у нас есть хиппи? Ведь что видят читатели? Они видят, как стоит на площади человек с

плакатом "Советская армия - орудие агрессии". Такие акции понимания в обществе не прибавляют. Вы меня простите, вы можете сколько угодно объединяться и разъединяться, но только большая пресса в состоянии обозначить культурно-демократическое движение, как уже обозначила явление неформальных объединений.

Нам хотелось бы получать все самиздатские журналы, хотя редакция оплатить их не может. Мне бы хотелось, чтобы присутствующие не вставали, как это бывает, в позу обиженных, надо учесть, что неформальное движение появилось не так давно в массовых масштабах, и наши люди к этому не готовы. Необходим конкретный доброжелательный диалог с официальными журналами. У нас с вами задачи одни, я не верю, что кто-то из вас против гласности, против перестройки. Задачи у нас одни, и нужно только найти общее русло работы. Мне хочется пожелать самиздатским журналам быть более объективными, потому что пока публиковать в "Смене" мне, честно говоря, просто нечего. Я не хочу обидеть "Меркурий", но все, что в нем печатается, уже сказано. Про дамбу?.. Извини, Петр, но об этом говорила "Литературная газета" и "Знание - Сила"...

Голос из зала: А толку... Ну, говорили...

Петр Кожевников: И что говорили? Вот скажи, кто и что говорил?

Д. З. Ну не будем вдаваться...

Петр Кожевников: Ты такой же соучастник преступления, как и твоя газета.

Д. З. Конечно, конечно... (смех) Я соучастник всех преступлений. Вы забьете меня каждый по какой-то конкретной проблеме. К сожалению, мы не можем знать все. Дело в том, что нам нужны какие-то новые проблемы, понимаете, новые. Новые мысли, новые варианты (шум в зале). Я призываю вас приносить нам материалы, в которых ставятся новые проблемы. Можно бесконечно писать о старых проблемах, но они не решатся. У нас сейчас возникает масса новых проблем, а неформальное движение идет, к сожалению, позади паровоза, в хвосте поезда.

А. Подрабинек: А за тему политзаключенных возьметесь? Новая тема для вас. Это для нас она старая, а для вас новая.

Д. З. А вы опубликуете мой репортаж о комсомольском собрании?

А. Подрабинек: Если там не будет лжи, опубликую.

Д. З. Да. А вот если в вашем материале не будет лжи - тогда мы с вами поговорим (смех).

В. Сквирский: Даю справку. По нашим данным сейчас

политзаключенных около 500 человек, и они находятся в угрожающем положении. Это абсолютно точная информация. Мы ездили по лагерям и проверяли.

Д. З. Я верю, что вы абсолютно искренни. И уверены в своих словах.

В. Сквирский: Да не "уверен", а просто знаю это (шум).

Д. З. ...но дело в том, что ленинградскую областную комсомольскую организацию, которую я представляю... (шум)

Е. Зелинская: Я бы попросила все-таки дать закончить выступающему, а потом по очереди задавать вопросы.

Д. З. Я понимаю, что наш разговор очень просто свести на нет, но я призываю простить друг другу ошибки и попытаться назвать, что вы реально хотите от нас. Чтобы мы не обгоняли время, не обгоняли общественные процессы... Я думаю, что впереди паровоза должен идти только паровоз, а вагоны едут сзади, понимаете...

Голос из зала: А кто рельсы будет прокладывать? (смех)

Д. З. Так вот, я призываю вас к тому, чтобы найти общие точки. Вы можете предложить мне одни материалы, я предложу вам другие, о передовиках производства, о чем в ваших журналах никогда не пишется, потому что ваших читателей это не интересует. Хотя сидите вы на стуле, который сделан где-то на заводе, и портфель ваш сшит на каком-то предприятии... Что вы хотите от наших газет?

Е. Зелинская: Боюсь, вы нас не совсем правильно поняли. Мы ничего от вас не хотим. Я думаю, что проблемы неофициальной журналистики гораздо шире, чем контакты со "Сменой". Мы согласны с тем, что надо отбросить личные счеты и идти навстречу друг другу, другого пути нет.

Д. З. Только я прошу вас не обольщаться и не забывать. Тираж у вас все-таки мизерный. Тираж газет велик. Поэтому воздействие на умы читателей велико, к несчастью для вас и к счастью для нас. Но нужно делать шаги навстречу друг другу. Монополии на правду нет. Нельзя замыкаться в своем тесном мирке, жить диалогом с журналом таким-то, с группой такой-то... Жизнь идет вперед, и то, что сегодня ново, свежо и интересно, завтра станет ненужно.

Дмитрий Волчек: Я бы хотел сказать о той новости, о которой сейчас говорит весь мир - о присуждении

Иосифу Бродскому Нобелевской премии. Сообщила ли об этом ваша газета?

Д. З. Международную информацию мы получаем через ТАСС. Я прошу не забывать, что я представляю орган ленинградского областного и городского комитета ВЛКСМ.

Голос из зала: Это не международная информация!

Сергей Пилатов: Я хочу добавить, что в дискуссии о неформалах общественное мнение выступает против газеты "Смена", которая их поддерживает.

Е. Зелинская: То, что общество находится в таком состоянии, это все-таки не наша заслуга, а заслуга официальной прессы, которая долгие годы формировала такое сознание.

Слово предоставляется Константину Сочневу, сотруднику журнала "Сельская молодежь" (Москва).

К. Сочнев: Я представляю официальный журнал, но при этом нахожусь на позиции свободного художника, т. к. работаю на договоре и имею возможность выбирать свою тему. У самиздатских журналов всегда упор на интеллигентскую среду. Свою задачу я вижу в том, чтобы подготовить общественное мнение к восвосприятию тех идей, которые нам дороги, ради которых мы готовы пойти на любые лишений, чтобы общественное мнение восприняло их нормально. Я работаю в отделе писем и отвечаю ежемесячно на 300 писем. Я убедился, что люди, наше общество доведено до звериного состояния. Была публикация в журнале "Студенческий меридиан" о том, как один парень, вернувшись из Афганистана, убил панка. Пришло 2,5 тыс. откликов, и ни в одном не было сказано, что человек не имеет права отнять жизнь у другого. Все считали, что афганец прав, и его надо освободить (ему дали 8 лет). Это одно. Есть и другая вещь. В течение 70 лет в нашей прессе устанавливались рамки, и теперь мы шаг за шагом, слово за словом отвоевываем право говорить на определенные темы. Если вчера нам разрешили говорить о сталинских репрессиях, то сегодня рижский альманах "Родник" ставит вопрос перед ЦК Латвии о том, чтобы опубликовать "Один день Ивана Денисовича" на своих страницах. Я понимаю, что можно противопоставлять издательскую политику, но не личные отношения официалов и неофициалов, т. к. все мы служим демократической идеи. Я считаю, что надо отвоевывать право любого журналиста говорить от себя. Пусть

возникнут споры, в них родится истина. В этом и заключается плорализм.

Марина Кублитская (бюллетень СМОТ, Москва): На 7 октября (день Конституции) в Москве была назначена демонстрация, а 6 октября газета "Вечерняя Москва" опубликовала заметку "Странный семинар". Там обвиняли Сквирского, Новодворскую и Денисова в том, что они антисоветчики и уголовники. Получилось так, что Сквирский, например, был осужден как уголовник, а выпущен по амнистии как политический. Где же логика в официальной прессе?

Андрей Цеханович (журнал "Аврора", Ленинград): Мне интересно, что здесь происходит, и не хотелось бы, чтобы это превращалось в бесконечные разговоры о том, в чем виновата официальная пресса, а в чем виновата неофициальная.

Е. Зелинская: Мне кажется, и Костя, и Андрей стучатся в открытую дверь. Если бы мы думали о какой-то конфронтации, мы бы вас просто не пригласили...

Слово предоставляется Дмитрию Волчеку, редактору "Митиного журнала" (Ленинград).

Д. Волчек: Название "Митин журнал" у многих вызовет улыбку. Однако речь идет об издании солидном. Журнал выходит уже три года, издается регулярно - шесть раз в год, объем каждого номера - 300 страниц и больше, так что, я думаю, хотя бы по объему журнал может конкурировать с официальными ленинградскими "Невой", "Авророй" и т. д. Журнал интересный, филологический. Что печатается в МЖ? Большое внимание мы уделяем так называемой левой литературе - т. е. текстам формалистически новаторским. Надо сказать, что литература такого рода, несмотря на свою видимую аполитичность, практически не печатается в СССР с конца 20-х годов. Больше того, официальные редакторы, как правило, связывают политическую нелояльность авторов с тем, что он, к примеру, пишет стихи без запятых или не употребляет прописных букв, а только строчные. Это абсурд, но абсурд вполне объяснимый: со сталинских времен принято, чтобы советский автор следовал канонам XIX века: стихи должны быть с рифмой, метрически организованы, проза сюжетной и т. п. Так что колоссальный пласт литературы новаторской, авангардистской для советских издателей вот уже более полувека как бы вовсе не существует. Если судить по анонсам официальных литературных журналов, положе-

ние это не должно измениться и в ближайшее время, так что эстетическая цензура выходит долговечнее и прочнее политической.

Значительное место МЖ уделяет переводам современной зарубежной прозы и поэзии. Оказывается, и здесь ситуация не благополучна. Возьмем статистику официальных переводов. Вот английские писатели. На первом месте по количеству переводов и количеству переизданий в СССР - Джеймс Олдридж. А спросите любого английского филолога или просто читателя - знает ли он такого прозаика. Олдридж в Англии не может найти издателя своим писаниям, пересыпает в СССР рукописи, а здесь рукописи переводят и издают огромными тиражами. Или итальянская литература. Здесь приоритет у Р. Джованьоли и его романа "Спартак". В Италии о таком писателе и слыхом не слыхали, а у нас библиотечные полки ломятся от бесчисленных переизданий. В то же время книги, которые на Западе действительно читают и ценят, - будь то массовая беллетристика или элитарная литература - за редким исключением, в официальных переводах до нас не доходят. Даже Джойса, Кафку и Беккета они не удосужились перевести! Что и говорить о менее громких именах. Приходится печатать эти, всему миру известные книги в самиздате. У нас даже целая мафия подпольных переводчиков появилась - переводят популярные западные романы и продают по 10-20 рублей на черном рынке. Абсурд!..

Немало места уделяет МЖ и архивным публикациям, как говорится, "из литературного наследия". Советские издатели, наконец, спохватились и стали печатать Набокова и Платонова. Но, слава Богу, все эти книги давно изданы за рубежом, переведены на многие языки, и мы их в Советском Союзе тоже читали 10, а то и 20 лет назад. Спасибо, конечно, что печатают, но мы уже это все знаем. А те книги, которые на Запад, к несчастью, не попали своевременно, - а таких за 70 лет немало накопилось, - они так и гибнут в архивах. Хорошо, если в государственных, а если в частных, у какой-нибудь старушки, которая не сегодня-завтра помрет? Кого это заботит, кто эти рукописи спасает? Те же самые самиздатчики разыскивают все, что еще уцелело. Ведь целые художественные школы, особенно 30-40-х годов, практически не представлены ни в самни в тамиздате. А ведь и в то время существовала оппозиционная литература.

А. Подрабинек: Каков тираж журнала и какова фи-

нансовая сторона? Ведь очень много денег уходит на такой объем.

Д. В. Техническая сторона самое слабое место журнала, он распространяется по подписке и стоит довольно дорого. Я думаю, очень легко обвинить самиздатчика в том, что у нас небольшие тиражи, но поверьте, это не наша вина; если бы у нас была возможность, мы бы издавали тысячи и миллионы экземпляров, и они бы раскупались. Я думаю, что если бы взять любой из представленных здесь журналов, издать его массовым тиражом и пустить в свободную продажу - он будет моментально раскуплен. И это не сиюминутное явление, такие тиражи можно было бы сохранить постоянно, потому что интерес читателя к нашей печати огромен, он чувствует, что мы заполняем вакуум, утоляем голод, который они постоянно ощущают.

П. Кожевников: Может быть, устроить выставку-продажу "Самиздат-87"?

Д. В. Это нелегальное дело...

Е. Зелинская: Давайте устроим это в редакции "Смены"!

Голос из зала: Через ЦК комсомола!

Другой голос: А вы можете ходатайствовать?

Д. В. Я не думаю, что это разрешат. Вот пример. Три дня назад я был в ОБХСС на допросе. Меня спросили, на какие деньги издается "Митин журнал" и откуда у меня нетрудовые доходы. Пришлось сказать, что меня финансирует ЦРУ (смех).

А. Подрабинек: Какой вы видите выход из этой ситуации с тиражами?

Д. В. В частном владении граждан должна находиться копировальная техника. Для этого нужно изменить законодательство. Я не требую, чтобы государственные типографии печатали МЖ. Если по каким-то инфернальным соображениям государственную печатню не устраивает мой журнал, я попрошу, чтобы мне из Америки прислали ксерокс и буду размножать тексты у себя дома.

В. Сквирский: Был такой случай. АФКПП подарили СМОТУ типографию. В связи с невозможностью получить ее в СССР нам пришлось направить ее "Солидарности".

Д. В. Вы кстати вспомнили "Солидарность". Ведь в Польше существует сейчас множество неофициальных журналов, и все они издаются типографским способом. Существует даже нелегальный журнал польских милиционеров, где они жалуются на притеснения. У редак-

ций этих журналов есть множительная техника, которую они свободно получают из-за рубежа.

Вопрос из зала: А делались ли какие-то шаги для изменения существующего законодательства?

Д. В. Мы пытаемся что-то делать, но ничего не получается. Уже два года говорят о кооперативных издательствах, которые вот-вот должны быть открыты, а сейчас выяснилось, что разослан секретный циркуляр ЦК, где сказано, что дискуссию о кооперативных издательствах в печати прекратить и вообще эту тему не поднимать, так как таких издательств нет и не будет.

Голос из зала: Меня интересуют конкретные шаги, которые мы должны предпринимать.

Д. В. Я вижу единственную возможность апеллировать к общественности, международной общественности, ко всем, кто хочет нас выслушать, ко всем миролюбивым силам планеты... (смех).

А. Подрабинек: Как вы относитесь к идее Ассоциации?

Д. В. Мне кажется, что поскольку мы присутствуем на собрании ярких индивидуальностей, любая попытка объединения приведет только к склоке. Например, среди нас нет представителя журнала "Гласность", и это симптоматично, потому что инициаторы собрания негативно относятся к Сергею Григорьянцу и решили его не приглашать. Вот мы уже видим пример раскола. Так что при попытке объединиться склока неизбежна.

А. Подрабинек: Разве нас не объединяет отношение к свободе печати?

Д. В. Мы только что выслушали П. Филиппова, что свободу печати надо ограничить.

А. Подрабинек: Но ведь он полузависимый журналист.

Д. В. Это не играет роли. К тому же у него есть сторонники и среди независимых...

А. Подрабинек: Вы считаете, что самиздатские редакторы против неограниченной свободы печати?

Д. В. Конечно. Я думаю, некоторые скажут, что нельзя печатать порнографию. А что считать порнографией? Например, ненормативная лексика, попросту говоря мат. В западной литературе ненормативная лексика свободно употребляется наряду с нормативной, а у нас до сих пор при дубляже фильмов или переводе книг грубые ругательства переводят как "черт побери". А я печатал и буду печатать такие выражения без купюр, даже если кто-то считает, что это порнография.

Раз люди так говорят, значит, это может быть и на бумаге.

А. Подрабинек: Но, может быть, мы выработаем общую платформу?

Д. В. Поскольку здесь представлены не все самиздатские журналы, и многих видных журналов нет, не окажется ли так, что обиженные объединятся в другую ассоциацию? Что это даст нам, кроме ссоры? Вот например: КДД объединяется, разъединяется, к чему нам эти склоки?

Е. Зелинская: Я вижу, над тобой довлеет страх плюрализма. Если другие издатели решат объединиться в свою ассоциацию, то и слава Богу.

Д. В. Поскольку у нас нет ничего общего в смысле легальности, кроме платформы, то объединяйся – не объединяйся, кто будет нас слушать?

Голос из зала: Неверно! Неверно!

В. Сквирский: Такое объединение будет служить плюрализму мнений.

Слово предоставляется Александру Сержанту, редактору журнала "Третья модернизация" (Рига).

А. Сержант: наш журнал больше тяготеет к литературе, чем к политическим публикациям. Но литература присутствует на социально-политическом фоне. Я сам работал раньше в газете и потому хорошо понимаю то, что говорил представитель "Смены". Я такие речи слышал в редакции с утра до вечера. И хорошо представляю, к чему это все приводит. Нас призывают превратиться в каких-то лоббистов, работать на эту мельницу, но очевидно, что из этого ничего не выйдет.

Вопрос из зала: Сколько у вас вышло номеров?

А. С. Мне бы хотелось сказать, что вышло 100 номеров, тираж 1200, а мы агенты ЦРУ...

Голос: А-а-а...

А. С. Могу представить, как мы будем выглядеть в том материале, что появится в "Смене". Если бы я там работал, я бы, наверное, сам написал о себе, что вот такой выродок, приехал... (смех).

Е. Зелинская: Расскажите о журнале.

А. С. Журнал русскоязычный, хотя думаю, будем привлекать и латышских авторов.

Голос из зала: А они вас привлекают?

А. С. У них нет издания. Если же говорить об официальных, то это история старая, и обращаться к ним нет никакого смысла.

Голос: А Западная Германия?

А. С. Но Латвия не в Западной Германии.

Голос: Я имею в виду издания латышских эмигрантов в Западной Германии.

А. С. Но мы же с Америкой связаны, с ЦРУ... (смех). Если говорить о том, как наш журнал возник, то это борьба со страхом, со страхом всего, наши латышские коллеги пока не могут открыть объятия этому страху. Я слышал, что вышел латышский самиздатский журнал "Аушаклис", но Аушаклис - это фамилия революционера, так что я в растерянности...

Голос: Какой у вас тираж?

А. С. С "Экспресс-хроникой" мы не можем конкурировать, но довольно большой. Существуем мы 8 месяцев, вышло 2 номера. У нас колоссальная проблема с интересными материалами, которые имело бы смысл публиковать в самиздате.

Голос: Есть ли у вас позитивная программа?

А. С. Процесс развития нашей журналистики - это процесс достижения некоего духовного объекта. Может быть, это будет часть какого-то коммунистического тела, может быть - дыхание неведомого нам еще Бога.

Голос: Как вы относитесь к оккупации Латвии?

А. С. Оккупаций ведь было много.

Голос: Я имею в виду к советской, продолжающейся по сей день.

А. С. Я уже говорил, что журнал наш не политический, и собственно политических материалов мы не печатаем, хотя, может быть, сделаем исключение для работ Брежнева. Будем публиковать Каддафи. В юности я уже испытал вкус политической деятельности, и у меня остались самые неприятные воспоминания. Кроме грязи я ничего не вынес.

Голос: Правда ли, что в Риге скоро состоится правозащитная демонстрация?

А. С. По этому вопросу обращайтесь к нашему руководству в "Голос Америки". Как они скажут, так мы и сделаем... (смех, аплодисменты).

Мы рады сотрудничать со всеми присутствующими. Мой адрес: 226063, Рига, ул. Маскавас, д. 258, кв. 60.

Вопрос: Расскажите о рижском журнале "Родник".

А. С. Это молодежный журнал, который стал довольно интересным. Надо сказать, что в Риге только что прошла партийная конференция, после которой сняли много журналистов за проявление национализма. Хотя я, как русский, удивлен: сняли зам. редактора "Литературы и искусства" Виктора Лукиньша, очень хорошего, порядочного человека, и т. д. Надеюсь, что к нам будут обращаться официальные журналисты, но нам

к ним обращаться бессмысленно. Хотя мне понравилось выступление сотрудника "Сельской молодежи". Я почему-то сразу почувствовал, что именно сельская молодежь, а не городская... она какая-то... нетронутая... (смех).

К. Бутырин: Я слышал, что "Родник" был сначала самиздатским журналом, а потом стал официальным.

А. С. Я в этом очень сомневаюсь, потому что в Латвии с этим делом вяло, и пока наш журнал единственный.

Слово предоставляется Сергею Хренову, редактору журнала "Предлог" (Ленинград).

С. Хренов: "Предлог" - по-своему уникальное издание, поскольку это первый в СССР самиздатский журнал, полностью посвященный переводам. Он был основан более трех лет назад, сейчас вышло уже 13 номеров. Периодичность - 1 раз в сезон. Объем - 100-130 страниц. Печатаются в основном авторы, не известные в нашей стране. Нам хочется представить как можно больше направлений в художественной литературе Запада. Переводим и с языков союзных республик. Основная рубрика, "Изящная словесность", объединяет поэзию и прозу. Затем "Театр", "Изобразительное искусство", "Кинематография". Есть раздел "Хрестоматия", посвященный основателям современного искусства; "Иные традиции", который освещает как этнические незападные традиции, так традиции неписьменные, небеллетристические, как то: граффити, анекдоты, объявления, карикатуры, комиксы и прочее. Журнал малотиражный, и я не уверен в том, что тираж стоит увеличивать, т. к. у журнала ограниченный круг переводчиков и читателей. Думаю, что если представленные здесь журналы станут выходить типографским способом, не все они сумеют выжить, потому что огрехи, которые прощают десятки и сотни читателей, не пройдут в массовом тираже. Я не очень хорошо знаю официальную прессу, но думаю, что у нее есть определенный средний уровень публикаций, а в тех самиздатских журналах, которые я читаю, есть широта, размах, но уровня этого нет. Мне кажется, что примерно половина публикующихся в самиздате текстов малохудожественна.

Вопрос: Вы говорите о переводах с языков народов СССР?

С. Х. Да, мы публиковали переводы с литовского,

эстонского, латышского, украинского и грузинского языков.

Слово предоставляется Владимиру Гурболову, представляющему бюллетень Федерации общественных социалистических клубов "Свидетель" и бюллетень историко-политического клуба "Община".

В. Гурболов: Наши издания молоды, они были основаны в августе на встрече-диалоге в Москве. Вышло по одному номеру обоих бюллетеней. "Община" публикует материалы общественно-политического и исторического характера. Мы рассказываем об исторических фактах, не известных до сего времени, о различных немарксистских социалистических учениях. Наше издание рассчитано на определенный круг читателей - членов общественно-политических клубов. Их несколько десятков. Наш тираж 30 экз., но к сожалению, в провинцию они не доходят по неизвестным причинам. На 1-й номер "Общины" были отклики как советских читателей, так и западных, поскольку наш журнал реферируется на Западе, в коммунистических изданиях (левое крыло итальянской компартии и т. п.). Мы предполагаем, что "Община" будет теоретическим органом Федерации, а "Свидетель" будет заниматься оперативной экспресс- информацией.

Что касается Ассоциации издателей, о которой здесь говорилось, то все проблемы легализации наших изданий связаны с легализацией наших объединений и клубов. У всех клубов этот процесс происходит по-разному, поскольку они стоят на разных платформах, поэтому я считаю, что лучший путь к объединению - это обмен информацией.

Слово предоставляется Льву Волохонскому (информационное агентство СМОТ, Москва).

Л. Волохонский: Я предлагаю выбрать представителей в Москве, Ленинграде и Риге, которые с целью обмена информацией собирали бы журналы, выходящие в их городах, и распространяли бы выходящие в других. Во всех городах нужно создать тиражные комиссии, которые распространяли бы издания по заявкам подписчиков. Я думаю, что у нас есть предпосылка для объединения на основе плюрализма и свободы слова.

Помимо этого, мне хотелось бы сообщить следующую информацию. Из Америки приезжал советский эмигрант Гольдфорб, друг Дж. Сороса, основателя известного

фонда. Он просил передать, что при фонде культуры будет организован Соровский комитет, в который будут входить Д. Гранин, Ю. Афанасьев (ректор Историко-архивного института) и другие, всего около 10 человек. Этот фонд будет рассматривать некоммерческие предприятия, культурные программы, с целью их финансирования. В настоящее время этой информацией обладают только несколько диссидентов и фонд Культуры (смех). Возможно получение через этот фонд средств для самиздата.

Слово предоставляется Сергею Пилатову, зав. сектором досуга ленинградского ГК ВЛКСМ.

С. Пилатов: Мне кажется, что те люди, которые постоянно говорят о свободе политзаключенным или о свободном доступе к множительной технике, больше интересуются не решением этих проблем, а тем, чтобы эти проблемы оставались всегда и служили темой для разговоров (смех). Все эти проблемы решаются постепенно. Возьмем последний номер "Огонька". Там впервые доктор наук поднимает проблему ксероксов. Такие выступления надо ценить, прежде они были немыслимы. Поскольку любая творческая инициатива необычна, ей приходится пробиваться с большими сложностями, и все-таки многое уже делается. Мы стараемся поддерживать любую творческую инициативу. Например, в Ленинградском Дворце молодежи впервые состоялись устные выпуски двух самиздатских журналов: "Рокси" и "ВИО". А ведь "ВИО" считался раньше самым экстремистским.

Затем Пилатов рассказал об обширных планах Центра творческих инициатив и пригласил всех к сотрудничеству.

С заключительным словом выступил М. Талалай, закрепивший те позиции, которые были приняты единодушно: требование свободы печати, правового равенства самиздатских и официальных изданий, необходимость создания информационного центра, необходимость доступа к множительной технике.

На этом первое заседание было закончено.

На втором заседании, 25 октября, первым выступил Роман Астахов, редактор журнала "В полный рост" (Ленинград).

Р. Астахов: "В полный рост!" - это орган ленинградского отделения Всесоюзного социально-по-

литического клуба (ВСПК). По стилю журнал близок с "Точкой зрения" и "Общиной" (московские издания), но проводит четкий курс, определяемый социально-демократической фракцией ВСПК. Первый номер вышел в середине сентября этого года. Объем журнала 25 машинописных страниц. Планировалось 2 выпуска в месяц, но технические возможности не позволяют выпускать журнал чаще, чем раз в три недели. Тираж небольшой и пока рассчитан на ленинградские группы КДД и на запросы членов ВСПК. Основная проблема (наверное, как у всех присутствующих) - размножение продукции. Особой необходимости в образовании ассоциаций независимых изданий не вижу, хотя и препятствовать этому начинанию не собираюсь. Было бы, конечно, нужно два раза в год собираться и обмениваться информацией.

Слово предоставляется Валерию Трубицыну, редактору журнала "Петербург".

В. Трубицын: Мне бы хотелось сказать два слова о вчерашнем заседании. Больших разногласий не было. Функционеры отработали свой хлеб. Радикалы свои предложения высказали. В итоге получилось широкое представительство мнений. Мне хотелось бы покритиковать представителей чистого искусства, которые говорили, что политика их утомила, что в ней много грязи и т. п. Я хочу им сказать, что уйти от жизни все равно невозможно. Это абсурд. И рано или поздно им придется столкнуться с политикой, защищая себя. Если можно сейчас спокойно попасть на выставку авангардистов, то это не потому, что кто-то стал добреньким, а потому, что люди за это страдали. Теперь мы будем бороться за то, чтобы перемены произошли и в прессе. Меня поражает сытое самодовольство творческих союзов, в частности, Союза писателей. Я думаю, что главные события у них впереди.

Что касается "Петербурга", то он вышел буквально в первый день нашей конференции. Его объем 150 страниц, периодичность - 1 раз в месяц, диапазон широкий (и публицистика, и художественные произведения). Это издание независимое, в какой-то мере дискуссионное. Мне хотелось бы, чтобы на сегодняшней встрече мы *обязательно* пришли бы к соглашению о сотрудничестве.

Слово предоставляется Александру Огородникову,

редактору "Бюллетея христианской общественности" (Москва).

А. Огородников: Наш журнал служит выработке церковного соборного сознания. Мы сообщаем о церковной жизни СССР, помещаем материалы о положении Церкви, о будущем Церкви в нашей стране. Журнал был официально объявлен 31 июля; выходит ежемесячно. В нашей стране доселе не было журнала, который восполнил бы зияющую пустоту в жизни верующих. Поскольку РПЦ молчит, нам пришлось взять инициативу в свои руки. Косвенная реакция властей на этот журнал выразилась в гонениях, которые на меня обрушились - я нахожусь на грани нового ареста. Есть и положительные последствия - некоторые советские газеты начали осторожно касаться проблем, которые мы поднимаем. "Московские новости" и "Литературная газета", в частности, сообщили о явлении Богородицы в селе Грушево и др. Я думаю, это реакция на многочисленные запросы западных христиан.

Вопрос: Какого рода гонениям подвергается деятельность журнала? В чем вас обвиняют?

А. О. В условиях перестройки нам не могут прямо сказать: мы не хотим издания такого журнала. Но я еще с 70-х годов знаю тактику КГБ, и в действиях милиции, изгоняющей меня из Москвы, могу видеть направляющую руку КГБ. Однако официально меня никто не вызывал, и ответов на свои письма в ЦК я не получил.

Вопрос: Сотрудничают ли в журнале священнослужители?

А. О. Да. Все, кто считает себя ответственным за судьбу Церкви, пишут для нас, распространяют журнал, дают информацию.

Вопрос: Какие вы видите перспективы для журнала?

А. О. Я пессимист и полагаю, что в нынешней ситуации травли меня могут арестовать.

Вопрос: Намечаются ли какие-то перемены в положении священнослужителей и верующих в СССР?

А. О. Мы обратились в Президиум Верховного совета с письмом, в котором предлагаем проект изменения Законодательства о культурах. Под этим письмом продолжается сбор подписей, его подписывают верующие разных конфессий. Мы составили наш проект в соответствии с новым законом о всенародном обсуждении важных вопросов общественной жизни. Уже есть косвенная реакция: советские представители на Венской встрече говорили, что в законодательство будут

внесены изменения: РПЦ получит статус юридического лица, будет позволено религиозное воспитание детей в воскресных школах, будет облегчена процедура регистрации общины.

Вопрос: Сейчас ходят слухи, что Церкви будет позволено заниматься благотворительностью. Не будет ли это еще одним способом выманивать у Церкви деньги в Фонд Мира и т. д.?

А. О. Надо сказать, что по советским законам использование средств верующих не на религиозные нужды запрещено. Поэтому, когда власти выманивают десятки тысяч рублей в Фонд Мира, они сами нарушают свои же законы. Что до церковной благотворительности, то ею должна непосредственно заниматься Церковь: то есть не отчислять, к примеру, деньги в фонд детских домов, а создавать собственный детский дом и т. п.

Вопрос: Будет ли в журнале раздел для детей?

А. О. Мы сейчас работаем над организацией воскресных школ. Для них будет выходить особое издание. Кроме того, сейчас Библейские общества на Западе хотят получить разрешение на массовую засылку в СССР адаптированной и иллюстрированной Библии для детей.

Вопрос: Правда ли, что в Москве создается кооператив по изданию религиозной литературы?

А. О. Разговоры об этом идут, но пока ничего не сделано.

Вопрос: Занимается ли кто-нибудь в Москве сбором материалов, посвященных уничтожению православных храмов?

А. О. К 1000-летию Крещения Руси мы готовим фотовыставку, на которой материалы такого рода будут представлены.

Слово предоставляет Борису Дуброву, редактору "Ленинградского Еврейского Альманаха".

Б. Дубров: Альманах выходит шестой год. Вышло 14 номеров. Альманах затрагивает вопросы, связанные с историей евреев в России. В последних номерах мы стали касаться и современности. В 13-м номере была статья об отношении журнала к обществу "Память", в 12-м — переписка Астафьева с Эйдельманом. Объем издания — 90 страниц, тираж около 100 экземпляров.

Вопрос: Ваш альманах издает какая-то редакция, или это орган какой-то группы, или это ваше частное дело?

Б. Д. Частное дело. Мой телефон 238-56-25.

Слово предоставляется Алексею Звереву, редактору журнала "Точка зрения" (Москва).

А. Зверев: Наш журнал издается с марта 1987 г. группой московских интеллигентов социалистического направления. Часть этих людей объединилась в мае вокруг клуба "Перестройка". Мы работаем в направлении создания плюрализма в нашем обществе на базе широкого демократического движения в стране. Мы отстаиваем право каждой группы на свободу слова. Наши лозунги мы пытаемся выдвинуть на советском легальном уровне. Для этого мы хотим работать не в оппозиционном самиздате, а найти полуофициальную платформу, на которой могли бы выступить бывшие правозащитники.

Вопрос: Кого вы называете бывшими правозащитниками?

А. З. Тех, кто так называл себя до начала перестройки.

Вопрос: А как можно перестать быть правозащитником? (шум)

А. З. Дело в том, что многие правозащитники сейчас не хотят себя так называть. Наше отличие от основного ядра клуба "Перестройка" в том, что мы взяли на себя задачи налаживания отношений с различными правозащитными группами и во многом нам это удалось. У нас вышло уже два номера. Объем каждого около 60 страниц. Наша группа более радикальна, чем клуб "Перестройка", поэтому название клуба на своем издании мы не ставим. Мы занимаемся теоретической разработкой важных общественно-политических проблем: публиковали статьи по еврейскому вопросу, о валютных "Березках" и т. п. У нас другой адресат, нежели у "Гласности": наш журнал рассчитан на советскую интеллигенцию, которая поддерживает перестройку. Мы стараемся вести с властями цивилизованную полемику. Сотрудники редакции являются членами инициативной группы по созданию мемориала жертвам сталинизма.

Е. Зелинская: Я предлагаю первой совместной акцией сделать публикацию во всех журналах материалов о мемориале жертвам сталинизма.

Слово предоставляется Николаю Храмову, редактору журнала "День за днем" (Москва).

Н. Храмов: Это, собственно, не журнал, а бюллетень группы "За восстановление доверия между Востоком и

Западом". Группа существует с 1972 г., бюллетень - с января 1987 г. Он выходит 1 раз в месяц тиражом 30 экземпляров. Бюллетень задуман как сугубо информационное издание для активистов группы "Доверие" в Москве и других городах, а также сторонников мира на Западе. Но постепенно этот бюллетень изменился. Мы освещаем не только деятельность группы "Доверие", но и всего независимого мирного движения в СССР. Пока материал носит информационный характер, но планируем публиковать и публицистику. Темы: борьба против милитаризма, милитаризации советского общества, системы военно-патриотического воспитания, войны в Афганистане. Наша постоянная рубрика - "Узники мира" - о людях, лишенных свободы в связи с их борьбой за мир. Рубрика "Молодежная контркультура" освещает проблемы пацифистского движения. "Поверх границ" рассказывает о сотрудничестве посредством мирных акций с мирным движением других стран (польский "Свободный мир", "Хартия-77", в Чехословакии, "Мир" в ГДР и другие).

По окончании докладов собрание перешло к обсуждению текущих вопросов и итогового документа, на чем и закончило свою работу.

После выступлений редакторов и представителей независимых изданий были зачтены два проекта заключительного коммюнике встречи. Первый проект был составлен представителями московского и ленинградского клуба "Перестройка" (бюллетень клуба "Перестройка", Москва, "Перекресток мнений", Ленинград) и поддержан редакциями "Вестника" и "Меркурия".

Второй проект представил Александр Подрабинек (московский еженедельник "Экспресс-хроника").

Большинством голосов был взят за основу проект, представленный А. Подрабинеком, в который затем были внесены изменения и дополнения. В результате был выработан текст, который ни у кого не вызвал возражений. На заключительном этапе обсуждения отсутствовали Владимир Гурболов (Бюллетень Федерации социалистических общественных клубов) и Андрей Баранов (бюллетень клуба "Община").

Все присутствующие - редакторы и представители 18-ти независимых изданий - подписали заключительное коммюнике Встречи.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ КОММЮНИКЕ ВСТРЕЧИ РЕДАКТОРОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕЗАВИСИМЫХ ИЗДАНИЙ

Мы, редакторы и представители 18 независимых периодических изданий Ленинграда, Москвы и Риги, настоящим коммюнике подводим некоторые общие итоги встречи.

Мы считаем нашу встречу в Ленинграде 24-25 октября полезной как для нас, так и для судеб независимой печати в стране. На встрече выявились различия в позициях и оценках по вопросам культуры, политики и религии у разных изданий. Мы считаем это не только естественным, но и полезным, даже необходимым условием плюралистического общества, каким мы и хотим видеть то общество, в котором распространяем наши издания. Однако при всех наших различиях, мы выяснили и то, что нас объединяет. Мы все испытываем затруднения одного характера при распространении свободного печатного слова. Эти затруднения вызваны во многих случаях негативным отношением к нам со стороны государственных органов и неопределенностью или несовершенством законодательства. Мы считаем необходимым, чтобы государственные учреждения признавали за каждым независимым изданием права юридического лица. Мы должны иметь возможность регистрироваться в качестве кооперативов или каких-либо других общественных организаций. Это даст нам правовой статус, необходимый для стабильного и успешного функционирования. Редакторы и сотрудники независимых изданий заняты работой, которая по своему объему и общественному значению не уступает работе в государственных учреждениях. Поэтому социальный статус людей, выпускающих независимые издания, должен быть официально признан государством, и эти люди должны быть надежно защищены законом от обвинений и преследований в тунеядстве. Кооперативная или какая-то иная хозрасчетная форма организации независимых изданий не только позволит вести достойное существование этим изданиям, но и покажет общественную полезность нашего труда.

Признанный за нами правовой статус позволит вести организационную и хозрасчетную деятельность на основании правовых норм.

Мы, участники ленинградской встречи редакторов и сотрудников независимых изданий, пришли также к общему мнению о необходимости открыть для всех желающих широкий доступ к множительной технике.

Только это по-настоящему способно обеспечить реальную и практическую свободу печати в стране.

Предстоит обсуждение закона о печати. Мы считаем, что проект Закона должен быть вынесен на широкое обсуждение общественности. При принятии Закона должны учитываться мнения независимых издателей. В официальной печати должны быть опубликованы альтернативные проекты и обсуждения Закона о печати.

Мы все надеемся, что наше сотрудничество продолжится. Мы считаем его целесообразным и многообещающим.

Мы договорились провести следующую встречу редакторов независимых изданий в Москве зимой 1988 года.

Участники встречи решили начать совместное издание реферативного "Журнала журналов", содержащего информацию об органах самодеятельной печати и материалах, в ней публикуемых.

Мы надеемся, что наши регулярные встречи будут способствовать укреплению независимой печати и расширению гласности в стране.

Мы убеждены, что переход от многолетнего самиздата к свободной и эффективной издательской деятельности - в интересах нашего народа и всей нашей страны.

"Экспресс-хроника"

Александр Подрабинек

"День за днем",
Бюллетень СМОТ

Владимир Рябоконь (Москва)

"Поединок"
Бюллетень Христианской
общественности

Николай Храмов (Москва)

"Обводный канал"

Владимир Сквирский

"Митин журнал"
"В полный рост!"

Марина Кублитская (Москва)

"Предлог"

Юрий Денисов (Москва)

"Точка зрения"

Александр Огородников

"Меркурий"

(Москва)

"Вестник совета по
экологии культуры"

Сергей Стратанавский

"Часы"

Кирилл Бутырин (Ленинград)

"Третья модернизация"

Дмитрий Волчек (Ленинград)

Пресс-агентство СМОТ

Роман Астахов (Ленинград)

Бюллетень клуба

Сергей Хренов (Ленинград)

Алексей Зверев (Москва)

Елена Зелинская (Ленинград)

Михаил Талалай

(Ленинград)

Борис Иванов (Ленинград)

Александр Сержант (Рига)

Лев Волохонский

Ольга Корзинина (Москва)

Александр Фадин

“Перестройка” Сергей Митрофанов (Москва)
“ЛЕА” (Ленинградский Борис Дубров
Еврейский Альманах) (Ленинград)
“Петербург” Валерий Трубицын (Ленинград)

Ленинград, 25 октября 1987 года

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Муравьева Ирина, род. в Москве в 1952 г. По образованию филолог. В Москве занималась переводами английской и немецкой поэзии, много писала о Пушкине. Эмигрировала в 1985 году. В настоящее время живет в Бостоне, преподает русский язык в Гарвардском университете. Печатается регулярно в русских изданиях эмиграции, включая "Континент". Ее работа "Вот мой Онегин..." была напечатана в "Гранях" № 144 (1987).

Первова* Юлия Александровна. Живет в Киеве. Ботаник, кандидат биологических наук. Многие годы была сотрудником одного из институтов Академии наук Украины. Член КПСС, Первова несколько лет тому назад вышла из партии по собственной инициативе. В середине 50-х годов она познакомилась и подружилась с вдовой замечательного русского писателя Александра Грина. Увлеченная судьбой писателя и его жены, Ю. Первова 15 лет собирала личные свидетельства о Гринах от их друзей, знакомых, родных. В результате этой работы возникли две книги о судьбе Гринов. В настоящем номере публикуется окончание сокращенного варианта второй книги - о Н. Н. Грин. Первая часть опубликована в предыдущем, 147, номере "Граней".

Рутыч Николай Николаевич (Н. Н. Рутченко), род. в 1916 году. В 1939 году закончил Ленинградский университет. Соавтор (вместе с М. Тубянским) книги "Тюрен как полководец", Воениздат, 1940 г.

Мобилизован в 1939 и 1941 гг. Попав в плен, был за связь с НТС захвачен Гестапо, и с января 1944 года находился в тюрьмах и концлагерях (Заксенхаузен, Шлоссенбург, Дахау).

После войны, в 1960 году, в издательстве "Посев" опубликовал книгу "КПСС у власти". Автор многочисленных статей в "Посеве", "Русской мысли" и других эмигрантских периодических изданиях.

* По недосмотру в № 147 журнала в рубрике "Коротко об авторах" фамилия автора указана неправильно.

Сотрудничал в журнале "Границы", начиная с пятого номера, и на протяжении многих лет опубликовал там ряд исторических статей и эссе. Будучи заместителем главного редактора "Граней" в 1982-1983 гг. осуществил публикацию уникальных исторических документов: бумаг ген. Алексеева, писем ген. Деникина, воспоминаний Н. В. Савича и других исторических материалов. Составитель (совместно с В. Желягиным) сборника "Россия в эпоху реформ", "Посев", 1981 (2-е изд., 1983).

Прот. Кирилл Фотиев, родился в 1928 году в Москве. Кандидат богословских наук, священник, литератор, журналист, литературный критик.

Цветков Евгений Петрович, род. на Псковщине в 1940 году. Жил в Москве. Во второй половине 70-х годов эмигрировал в Израиль. В настоящее время живет в Австралии. В эмиграции дебютировал как прозаик романом-сказкой "Лабиринт", "Границы" № 115 (1980). Рассказ "Убейте пророка" был напечатан в "Границах" № 122 (1981). В 1984 году опубликовал отдельной книгой роман "Творческие работники".

Югов Александр Михайлович (род. в Москве в 1931 г.). Окончил Одесский политехнический институт в 1954 г. Работал на инженерных, административных и научно-исследовательских должностях ряда заводов и НИИ страны. Эмигрировал из СССР в конце 1971 г. С января 1972 г. сотрудничает в журнале "Посев", где за 12 лет опубликовал несколько десятков статей, преимущественно на социально-экономические темы. С 1974 до 1982 г. работал ответственным секретарем журнала "Посев", в настоящее время член его редколлегии. В издательстве "Посев" готовится сборник его публицистических статей.

**Главный редактор
Е. А. Брейтбарт-Самсонова**

Адрес редакции журнала «Границ»:
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D 6230 Frankfurt a. M. 80
Тел. (069) 34 46 71

Непринятые рукописи не возвращаются.

Possev-Verlag, V. Goracheck KG, Frankfurt am Main

В. Солоухин

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

«Смех за левым плечом» даже на фоне сегодняшнего самоцветья русской художественной мемуаристики выделяется не только искренностью и исповедальностью, но еще и совершенно особым – с о л о у х и н с к и м – отсветом. Это не просто воспоминания. В этой книге, как еще никогда, Солоухину удалось передать не столько даже ощущение, сколько почти физическое прорастание в человеке своего рода, своей земли, своего народа, то есть того, что вбирает в себя такое слово – Родина.

1988

196 с.

24 нм

Владимир Кормер

НАСЛЕДСТВО

Сложный полифонический роман московского писателя Владимира Кормера (1939 – 1986) «Наследство» – магистральное произведение этого интересного, безвременно ушедшего от нас автора. Он дает широкую панораму жизни столичной интеллигенции 60-70-х гг.

Острый «криминальный» сюжет, многоступенчатая фабула, то уводящая повествование в мир старой русской эмиграции, то выходящая в жгучую современность, – сопрягаются здесь с глубинными размышлениями о выживании человеческого духа и совести в трагических условиях тоталитарного мира.

1987

386 с.

38 н. м.

Путь к будущей России

Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов

«Путь к будущей России» – вклад НТС в процесс становления независимой общественности, в восстановление преемственности нашего национально-государственного бытия, ткань которого была разорвана однопартийной коммунистической диктатурой. Мы уверены, что мысли и предложения, высказанные в этой работе, станут доступны нашим соотечественникам и что их участие в совместном обсуждении и действии будет способствовать начавшемуся оздоровлению нашей страны.

1988

88 с.

8 нм

КАЛЕНДАРЬ-ПАМЯТКА

1988 – год тысячелетия Крещения Руси, но и 70-летие жесточайших гонений на Церковь в России (7.2.1918 убит первомученик митрополит Владимир Киевский и Галицкий).

В издательстве «Посев» вышел календарь-памятка

Крестный путь Церкви в России, 1917 – 1987

отмечающий – по датам и месяцам – основные вехи этого пути. В Памятке 32 страницы, формат карманный. Цена – ДМ 8.00 (\$ 5,00) + пересылка. Приходам и религиозным организациям издательство предоставляет 40% скидки.

Специальное облегченное издание Памятки на тонкой бумаге позволяет посыпать ее в Россию по почте в обычном письме. Стоимость этого специального издания – DM 1.00 (\$ 0,60) + пер. Желающим участвовать в пересылке Памятки в Россию издательство может по запросу представить нужное количество адресов в России, выбранных из различных справочников и изданий.

**В народной памяти не должно быть
«белых пятен»!**

Направлять заказы в издательство

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

к литературной молодежи, к писателям
и поэтам, к деятелям культуры
— ко всей российской интеллигенции

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет вам возможность публиковать те ваши произведения, которые по условиям политической цензуры не могут быть изданы на Родине. Напечатаны эти произведения могут быть в журнале «Границ», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Будет сделана попытка их публикации и на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом, который будет строго соблюдаться издательством.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересылать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу, так и через иностранцев, посещающих СССР. Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

Possev-Verlag
Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt am Main 80

Предоставляя пишущим страницы своих изданий, мы помогаем российской интеллигенции, а в особенности молодежи, выполнять возложенную на нее историей ответственную задачу — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик.

За свободное Творчество! За свободную Россию!

Издательство «ПОСЕВ»

ГРАНИ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Стоимость подписки на 4 номера:
в издательстве — 60 н.м.
через магазины — 70 н.м.

ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Стоимость подписки на 12 номеров:
в издательстве — 72 н.м.
через посредников — 84 н.м.

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:
„ГРАНИ“ — 17.50 н. м., „ПОСЕВ“ — 7 н. м.

Расходы по пересылке за счет подписчика

Подписную плату следует посыпать:
 почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG
D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

или же банковским переводом на

Konto 2 412 75500, Dresdner Bank, Frankfurt/Main
или на почтовый счет
Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.

ISSN 0017-3185